

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 10 2015 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: возможности и ограничения

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

10 (496) 2015

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
заместитель директора Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

АГАНБЕГЯН А.Г., зав. кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, академик РАН
БОЛДЫРЕВА Т.Р., зам. главного редактора
БУХАРОВА Е.Б., директор Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета, к.э.н.
ВОРОНОВ Ю.П., вице-президент Новосибирской торгово-промышленной палаты, к.э.н.
ГЛАЗЫРИНА И.П., зав. лабораторией эколого-экономических исследований
Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, д.э.н., профессор
ГРИГОРЬЕВ Л.М., глава департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», к.э.н., профессор
ЗОРКАЛЬЦЕВ В.И., зав. лабораторией Института систем энергетики СО РАН, д.т.н., к.э.н., профессор
КОЛМОГОРОВ В.В., к.э.н., председатель совета директоров ЗАО «Распределенная энергетика»
КУЛЕШОВ В.В., координатор, директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, академик РАН
МИРОНОСЕЦКИЙ С.Н., член совета директоров ООО «Сибирская генерирующая компания»
НИКОНОВ В.А., генеральный директор ОАО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области»
ПСАРЕВ В.И., зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение», к.э.н., д.т.н.
СУСЛОВ Н.И., зав. отделом Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, д.э.н., профессор
УСС А.В., президент Сибирского федерального университета, председатель Законодательного собрания Красноярского края, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАРАНОВ А.О., зав. кафедрой Новосибирского госуниверситета, д.э.н., професор; КАЗАКОВАН А.А., директор по региональному развитию ООО «Лоялти Партнерс Восток»; КЛИСТОРИН В.И., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, в.н.с., д.э.н.; ЛАПACHEВ В.В., ЗАО «НОВИЦ», д.х.н.; МЕЛЬНИКОВА Л.В., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, с.н.с., к.э.н.; МУСИЕНКО И.В., директор консультационной фирмы «СтратЭкон Консалтинг», к.э.н.; НОВИКОВ А.В., и.о. ректора Новосибирского государственного университета экономики и управления, д.э.н.; САМСОНОВ Н.Ю., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, к.э.н.; ФОМИН Д.А., Новосибирский государственный технический университет, с.н.с., к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО "Редакция журнала "ЭКО"

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 2 Перечитывая “Набросок...”

Тема номера: РЕГИОНАЛЬНАЯ

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА:

ВОЗМОЖНОСТИ

И ОГРАНИЧЕНИЯ (на примере

Новосибирской области)

- 5 КУЛЕШОВ В.В.,
КРЮКОВ В.А.
Реиндустриализация
Новосибирской области –
учитывать общее,
развивать особенное
- 30 НИКОНОВ В.А.
Целевой подход и готовность
к специализации
- 43 ВЕСЕЛОВА Э.Ш.
Инициатива снизу. Опыт создания
частного индустриального парка
в Новосибирской области
- 58 «ЭКО»-информ

РЕГИОН

- 64 ЛУГАЧЁВА Л.И.,
СОБОЛЕВА Т.С.
Инновационное развитие
предприятий машиностроения
как фактор роста экономической
защищенности региона (на примере
Новосибирской области)
- 78 СИМОНОВА Л.М.,
ПОГОДАЕВА Т.В.
Что улучшать: рейтинги
или институты?

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

- 98 БАЛАБИН А.А.
«Роснефтегаз» –
не про нефть,
и не про газ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- 117 МАЙБУРД Е.М.
Проблемы экономики
коллективных действий.
Ч. 1. Альтернативные системы
предоставления общественных благ
- 129 КЛИСТОРИН В.И.
Загадка общественных благ.
Еще раз об экономических функциях
государства

ОТРАСЛЬ

- 139 КИБАЛОВ Е.Б.
Проблема тарифного регулирования
на железнодорожном транспорте
- 145 БЫКАДОРОВ С.А.
Необходим дифференцированный
подход к тарифной политике

ИНСТИТУТЫ РЫНКА

- 153 МАСЛЕННИКОВ В.В.
Влияние современной
денежно-кредитной политики
России на экономический рост

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

- 167 ПОПОВА О.Н.
На пути к новым стандартам
высшего образования

СТРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

- 172 МИХЕЕВ М.В.
Урал – Печора:
несостоявшийся проект
территориальной реорганизации
советской экономики

POST SCRIPTUM

- 184 ШАПОШНИКОВ А.А.
Крым: притяжение культур
- 190 SUMMARY

Перечитывая «Набросок...»

О том, что без опоры на науку и современную технику нельзя развивать экономику и решать социальные задачи, нет смысла спорить. А проблемы реализации данного положения начинаются с подходов к формированию практических шагов по претворению этой очевидной истины в жизнь. При этом следует заметить, что развитие и науки и техники в связи с решением неотложных текущих и важных перспективных задач – это процесс, в который включены и наука, и власть, и общество. Процесс стремительный – то, что было уместно и хорошо вчера, почти бесполезно сегодня и не годится завтра.

Эти и другие соображения неизбежно возникают в связи с рассмотрением и анализом состояния дел в инновационной сфере – генерации знаний, их материализации и применения на практике.

Поиск ответов на вопросы – в каком направлении, как и в какие временные рамки решать данные задачи – не нов. О том, что делать это надо быстро, говорит, например, тот факт, что уже в апреле 1918 г. в «Наброске плана научно-технических работ» В. И. Ленин¹ поставил вопрос об образовании комиссий специалистов для составления плана экономического подъема России, в котором важнейшее место было отведено электрификации. А уже в феврале 1920 г. при Президиуме ВСНХ был создан Производственно-технический совет, в Комитете государственных сооружений начинает разрабатываться долгосрочный план строительства новых предприятий².

Подход к решению проблем формирования новой экономики того времени отличали – ясно определенные приоритеты, концентрация сил и средств на избранных направлениях, функциональность системы управления и реализации выработанных предложений.

Не все из этих положений в полной мере применимы в современной жизни. Однако нельзя не согласиться с тем, что «чем сложнее и запутаннее обстановка, тем более ясен и прост должен быть план»³.

Работу в данной области уже в те далекие 1920–1930-е гг. также отличали последовательность и системность шагов и мер. Однако острое ощущение времени и необходимости быстро двигаться безусловно являлось доминирующим. Так, И. В. Сталин, выступая на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., подчеркнул, что: «... Со стороны природных

¹ Ленин В. И. Набросок плана научно-технических работ. Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 36. – М.: Изд. полит. лит., 1974. URL: <http://www.uaio.ru/vil/36.htm>

² От издательства // Об едином народнохозяйственном плане (Работы 1920–1921 годов) /С.И. Гусев, А. М. Кактынь, Г. М. Кржижановский; Ред коллегия: А. И. Анчишкин (отв. ред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 286 с. [С. 7–8] (Экон. наследие).

³ Там же. С. 34–35.

богатств мы обеспечены полностью. Их у нас даже больше, чем нужно... Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможности их надо увеличивать. Задержать темпы – значит отстать. А отстали быют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут»⁴.

К вопросам разработки направлений развития промышленности, формирования производственно-технологической базы были привлечены лучшие научно-технические кадры, создана система использования их интеллектуального потенциала.

Ставилась задача не просто наращивать темпы роста экономики, а повышать ее технический уровень – особенно промышленности, за счет и в рамках создания новых современных производственных объектов. «В нефтяной промышленности довольно трудно разграничить понятия реконструкции и рационализации, так как... провести четкую границу между ними не всегда бывает легко. В дальнейшем мы будем считать реконструкцией все основные изменения приемов работы, заводской аппаратуры и технологических процессов, намеченные к осуществлению в пределах пятилетия, равно как и организацию новых производств; к области же рационализации мы будем относить лишь улучшение качественных показателей работы при неизменном оборудовании и неизменных приемах работы...»⁵.

Основная задача, которую решали наши предшественники – создание крупной машинной индустрии, как основы социалистической экономики.

«Мы подошли здесь к не очень новому вопросу о социалистической перестройке капиталистической производственной базы... Старые производственные базы необходимо, понятно, использовать... Но задача сегодняшнего же дня начать постройку новых производственных баз. Это – не остроумный план, не хитрый фокус изобретателя, это – категорическое требование жизненной необходимости. Чем глубже мы опускаемся в пучину хозяйственной разрухи, тем к более высоким техническим способам мы должны сразу перескочить...»⁶.

Сегодня мы фактически пытаемся (пока в целом без особых успехов, несмотря на «рост доли инновационной продукции») решить задачу, обратную той, которую решали наши предшественники. И, как это часто бывало в истории России, которую никто до нас не решал. Никто и никогда не решал задачу формирования производственно-экономической базы экономики, функционирующей на принципах рыночного хозяйства, на технической и технологической основе плановой экономики (ни Китай, ни страны бывшего СЭВ не зашли в свое время столь далеко в данном направлении, как Россия).

От иллюзий и «романтических ожиданий» действия «невидимой руки рынка» в настоящее время мы пришли к осознанию «вечных истин» – важности

⁴ Сталин И. В. Собр. соч. Т. 13. – М., 1951. – С. 38–39. [Цит. по: Жуков Ю. Н. Арктический щит. – М.: Вагриус, 2008. – 544 с.]

⁵ Там же. Раздел «Нефтяная промышленность». – С. 1.

⁶ Об едином народнохозяйственном плане. – С. 38–39.

отечественной промышленности, формированию устойчивой связи науки с практикой и преумножения человеческого капитала. Об этом пишут наши авторы (см. статьи Л. И. Лугачевой и Т. С. Соболевой, В. В. Кулешова и В. А. Крюкова).

Колоссальную роль в решении «обратной задачи» (и создании и трансформации производственных активов для нужд современной экономики) играют организационно-экономические рамки и условия. Такие, как, например, созданное в Новосибирской области Агентство инновационного развития (см. интервью В. А. Никонова), а также и индустриальные парки (как ЗАО «Новая лизинговая компания» – см. интервью А. С. Осадчего).

Пока не так много успешных precedентов (несмотря на значительные усилия и финансовые вложения со стороны органов власти, в том числе). Причина не только в неясности определения основных целей и приоритетов (при наличии и направлений научно-технического развития и тех форм и подходов, которые целесообразно развивать). Нет главного – ясного и честного взгляда на ту экономику, которую мы имеем. С одной стороны, симбиоз промышленно-производственных активов разных эпох, с другой – безусловное доминирование в экономике монопольных структур и «групп влияния». Как результат – шаги и меры в области научно-технического развития, создания новой производственной основы современной экономики (в которой, как известно, роль крупных предприятий не столь значительна, как ранее) направлены на формирование ... предложения товаров и услуг различного характера. Такой подход в полной мере был уместен в рамках той постановки задачи, которая содержалась в упомянутом выше «Наброске...». В современной экономике не менее (если не более) важно не столько создать и произвести продукцию (или предоставить услугу), сколько внедрить ее в практику. Мерилом является наличие востребованности (спроса). К сожалению, отмеченное выше «устройство рынков» в малой степени способствует решению данной задачи. Тот важнейший этап, который нам предстоит пройти, заключается в формировании процедур связи предложения со спросом (от ориентированного на местные рынки и до рынков международных). Промышленность Новосибирской области, например, имеет все предпосылки и возможности для работы как на внутриобластной, так и на межрегиональный и международный рынки. Отправной «станцией» является целенаправленное формирование цепочек создания добавленной стоимости. А это невозможно вне кооперации усилий и имеющегося и вновь создаваемого научно-производственного потенциала.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Реиндустриализация Новосибирской области – учитывать общее, развивать особенное

В.В. КУЛЕШОВ, академик РАН, директор Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН,

В.А. КРЮКОВ, член-корреспондент РАН, заместитель директора
Института экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

В статье рассмотрены причины процесса деиндустриализации в России и Сибири, опыт стран с трансформирующейся экономикой по преодолению отставания, исторически сложившиеся особенности экономики Новосибирской области и возможности возрождения на новой основе её экономического потенциала.

Ключевые слова: деиндустриализация, экономика Сибири, оборонный комплекс, реиндустриализация, структура ВРП области, «точки роста», «вытягивающие проекты»

Время неумолимо

Время неумолимо: то, что, казалось, случится еще нескоро, очень быстро становится явью. В благоприятном случае быстро наступившее будущее нас даже удивляет, оказавшись гораздо более оптимистичным, чем наши ожидания. При неблагоприятном исходе наступившее «завтра» может оказаться вовсе не таким привлекательным, как когда-то бывшее «вчера», и даже имеет шанс стать еще менее предсказуемым и менее благоприятным.

Прошло пятнадцать лет с того времени, когда мы опубликовали на страницах «ЭКО» статью об уроках прошлого и опасностях грядущего будущего [1]. Нами тогда двигала уверенность в том, что в обществе и в экономике есть разумный прагматизм в решении тех проблем, с которыми столкнулись страна, Сибирь и конкретно Новосибирская область в процессе радикальных экономических преобразований.

Сформулированные тогда наши выводы и позиция остаются и сегодня неизменными: «...Только по мере изменения и реконструкции материально-вещественной основы экономики Западной Сибири может (и должно) происходить ослабление давления

государства в экономических процессах (как в косвенном регулировании, так и прямом вмешательстве)... Необходима целенаправленная деятельность по закреплению в новых экономических условиях потенциальных сравнительных преимуществ экономики Западной Сибири... Активизация совокупного спроса – основной фактор экономического роста...» [1. С. 39].

Развитие ситуации, к сожалению, пошло по неблагоприятному сценарию: акцент на всемогущество и всеислие рыночных сил и процедур координации привел к кардинальному изменению структуры экономики страны в целом, значительной части Сибири и отдельных ее регионов, включая в прошлом наиболее «продвинутые» – Новосибирскую и Омскую области. То, что в годы реформ произошло в экономике страны и ее регионов, в настоящее время определяется термином «деиндустриализация». В дальнейшем этим словом будем обозначать процесс социальных и экономических изменений, вызванных снижением или полным прекращением индустриальной активности в регионе или стране, особенно в тяжелой промышленности и в индустриальном производстве.

Тогда это не казалось чем-то тревожным – многие развитые страны в те годы избавлялись от тяжелой индустрии, связанной с производством традиционных основных активов – таких, как металло- и материалоемкое оборудование и индустриальные изделия, а вместо них развивались наукоемкие и высокотехнологичные отрасли, включая прецизионное машиностроение, тонкую химию и т.д. Но если во всем мире переход с индустриального развития на постиндустриальные рельсы шел, хотя и не без проблем, но в общем и целом не выходил за рамки поступательного движения промышленности, науки и образования, в России спонтанное «вхождение в рынок», стремительный уход государства из экономической жизни сопровождались (и продолжают сопровождаться) феноменом «деиндустриализации».

В чем причины? Можно ли что-то сделать на региональном уровне для того, чтобы избежать развития по наихудшему сценарию и запустить обратный процесс, имя которому – «реиндустриализация»? Под этим термином будем понимать процесс социальных и экономических изменений, обусловленных развитием современной наукоемкой промышленности и технологий, которые не только обеспечивают экономический рост, но и ведут к росту уровня жизни населения.

Весьма емко суть происходящих процессов определил заместитель председателя ГК «ВЭБ» А. Клепач: «...Многие страны... сегодня заявляют о реиндустриализации. За этим стоит понимание того, что нельзя создавать только экономику будущего, экономику знаний, и при этом терять Детройт, терять базовые отрасли промышленности. Больших результатов здесь пока достичь не удалось, за исключением, может быть, Германии и Китая. Доля промышленности в ВВП, как и в занятости, продолжает сокращаться и в США, и во Франции, и во многих других странах, которые заявили политику реиндустриализации как приоритет. Такой же процесс идет и у нас. Промышленность у нас сейчас создает от 25 до 28% ВВП, в занятости это где-то 20-21%. Но эти доли снижаются каждый год. И в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе это снижение продолжится... Реиндустриализация – это в первую очередь вопрос того, чтобы промышленность обеспечивала не просто рабочие места, а высокопроизводительные рабочие места. Которые в том числе предъявляют спрос на квалифицированный труд и дают возможность людям иметь высокую, достойную заработную плату. Во-вторых, это означает, что промышленность должна коренным образом изменить свои позиции с точки зрения экспорта...» [2].

Что думают по этому поводу в мире?

Проблемы встраивания экономики в новую высокотехнологичную реальность ощущают и развитые, и развивающиеся страны. Каждая из них стремится выработать оптимальные инструменты и подходы в экономической политике, с тем чтобы ответить на вызовы меняющейся глобальной экономики.

Среди важнейших направлений и инструментов назовем следующие:

- усиление интеграции (взаимодействия) различных сторон экономической политики с позиций эффективности: инновационная политика должна лучше учитывать динамику спроса и в большей степени быть связана с направлениями развития экономики на региональном уровне;
- экономическая политика, направленная на преодоление проблемных мест, должна быть усилена за счет ее фокусировки на сферах наибольшей компетенции и имеющихся достижений; значимая роль отводится поощрению открытости бизнеса для усиления и расширения взаимных контактов (в рамках, например, кластерного подхода);

- индивидуальные шаги и действия следует осуществлять применительно к реальностям меняющегося международного бизнеса; при этом возрастает значение малых компаний как важной составляющей части инновационной системы и все более активных участников глобальных процессов создания стоимости;

- усилия по изменению ситуации с производительностью труда должны быть связаны с динамикой тех секторов экономики, которые активно развиваются, и включать в себя региональные шаги и меры там и для того, где происходит реальный рост занятости.

При этом в обозримом будущем определять направления влияния производительности на результаты национальных экономик будет целый ряд структурных факторов в глобальной экономике, роль которых очевидно растет уже достаточно продолжительное время. Важнейшими среди них являются промышленные (индустриальные) цепочки создания стоимости и инновационные процессы, протекающие в пространстве (т.е. на территории – в городе, области, стране) и в организациях (компаниях и бизнес-структурах самого различного типа).

Ярким примером последовательного и методичного «вырастания» современной высокотехнологичной экономики на основе развития и укрепления естественных условий и преимуществ нам представляется Швеция (при этом, разумеется, нужно принимать во внимание скандинавский эгалитаризм и давние традиции парламентаризма).

Основные исходные ресурсы для шведской промышленности – лес, руда и энергия рек. Часть этих ресурсов традиционно экспортировалась в Западную и отчасти – Восточную Европу, часть – перерабатывалась и использовалась национальным бизнесом и промышленностью. С течением времени цепочки создания стоимости на основе исходных ресурсов постепенно и целенаправленно дополнялись и удлинялись. Причем этот процесс происходил и на «входе», и на «выходе». В первом случае – расширялось производство средств производства (машин и оборудования), во втором – добавлялись все новые и новые переделы. Эти изменения активно опосредовались развитием системы образования и науки.

В результате Швеция создала обрабатывающий сектор мирового уровня с очень развитой системой внутренних связей. Сегодня ведущие отрасли национальной промышленности – нефтепереработка, химическая промышленность и электромашиностроение, микроэлектроника. В Швеции наблюдался наибольший в мире вклад биотехнологических компаний в ВВП [3], страна является мировым лидером по числу патентов и удельному весу высокотехнологичного сектора в экономике страны.

В основе перелома индустриальной тенденции – создание условий для научно-технических инноваций. Объем инвестиций в исследования и разработки составляет около 4% ВВП (это в два с лишним раза выше, чем в среднем по Европе). Другой источник роста – инвестиции в основной капитал, которые увеличились к концу 1990-х более чем вдвое.

Особенность предпринимаемых в современной ситуации государственных усилий – не только и не столько поддержка отдельных направлений развития промышленности, сколько акценты на росте отдачи от имеющихся ресурсов и на повышении своей конкурентоспособности в глобальной экономике. Последняя понимается как «уровень производительности работников с учетом всей совокупности факторов и условий ведения бизнеса в стране» [4]. Отметим, что подобное определение учитывает широкий круг факторов роста благосостояния в сопоставлении с предпринимаемой экономической политикой.

Так, интересным аспектом в шведской экономике является растущая роль малых компаний (с числом занятых менее 200 человек). За 2000-2007 гг. доля последних в экспорте увеличилась почти до 7%. Не менее примечательно и то значительное внимание, которое уделяется в экономической политике Швеции росту производительности и инноваций в локальной (региональной) сервисной сфере, именно в этом сегменте сегодня создается подавляющее большинство новых рабочих мест.

Резюмируя опыт индустриализации/реиндустриализации одной из наиболее успешных экономик мира, можно отметить следующее:

- традиционные (исходные ресурсные) отрасли промышленности продолжают функционировать и развиваться, хотя при этом их роль неуклонно снижается;
- индустриальные/реиндустриальные направления и виды деятельности тесно взаимодействуют и взаимопроникают друг в друга;
- роль инноваций и инвестиций в обновление основного капитала является определяющей;
- основной акцент делается не столько на отдельных шагах и направлениях, сколько на тех синергетических эффектах, которые возникают в результате формирования и развития цепочек создания ценности;
- велика роль региональных факторов поощрения инициативы на локальном уровне и условий роста производительности труда.

Отличительная особенность современных взглядов на проблемы экономического развития состоит в том, что для разных стран должны существовать разные рецепты и процедуры «встраивания» в современную высокотехнологичную экономику.

Поэтому то, что актуально, например для Швеции, имеет весьма ограниченное применение для решения проблем роста экономики и уровня жизни тех стран, которые находятся в процессе затянувшихся трансформаций.

Россия занимает в определенном смысле промежуточное положение. С одной стороны, страна в недавнем прошлом являлась одним из технологических лидеров, с другой – вступила на путь радикальных экономических преобразований, будучи недостаточно для этого подготовленной.

Советская промышленная и индустриальная система, основанная на распределении и директивных механизмах координации, оказалась не в состоянии функционировать в условиях рыночной координации при значительно более высокой роли горизонтальных взаимодействий хозяйствующих субъектов. До сих пор мы в полной мере ощущаем результаты поспешных, плохо продуманных и в целом малоэффективных мер и шагов в попытке соединения особенностей рыночного хозяйства с ранее созданным производственным и человеческим потенциалом.

Страны с трансформируемой экономикой – как преодолеть отставание?

На наш взгляд, блестящий и глубоко аргументированный анализ динамики экономического развития стран, которые, подобно России, до вступления на путь радикальных реформ находились на достаточно высокой ступени индустриального развития, представлен в работах норвежского исследователя Эрика Райнерта [5-6].

К числу основных положений так называемого «Нового канона», который он последовательно развивает и отстаивает, относятся:

- ограниченность в каждый данный момент времени и в каждой стране видов деятельности, которые обеспечивают экономический рост;
- признание критически важной роли инноваций (нововведений) для роста производительности;
- значительная синергия в современной экономике между обрабатывающей промышленностью и сектором наукоемких услуг (сродни той, какую мы наблюдаем между обрабатывающей промышленностью и сельским хозяйством);
- наличие у стран, которые вступают на путь трансформации экономических систем, автоматически складывающегося сравнительного преимущества в производстве зрелых продуктов, не

требующих использования новых технологий; жизненный цикл таких продуктов минимальный, их инновационный потенциал невелик, в результате в некоторых случаях (например, в Мексике) после деиндустриализации страна начинает специализироваться на товарах, производство которых является технологическим тупиком и не приносит возрастающей отдачи.

Выводы, к которым приходит Э. Райнерт, весьма неутешительны с точки зрения результатов радикальных экономических трансформаций. А именно: «...вследствие факторов синергии и возрастающей и убывающей отдачи, качественных различий в уровне предпринимательства, лидерства и знаний, а также различий между видами экономической деятельности рыночная экономика, если в нее не вмешиваться, зачатую усиливает, а не уменьшает рыночное неравенство...» [5. С. 240].

В контексте рассматриваемой нами проблемы реиндустриализации экономики наиболее значимыми представляются выводы исследователя о том, что

- в разных институциональных системах (включая права собственности и процедуры координации экономических агентов) складываются разные технологические и промышленные системы;
- изменение институциональной системы ведет к разрушению созданных ранее технологической и промышленной систем;
- избежать неблагоприятного течения событий – иными словами, деиндустриализации, можно только с помощью целенаправленной экономической политики;
- экономическая политика тем эффективнее (с точки зрения предотвращения развития ситуации по неблагоприятному деиндустриализационному сценарию), чем в большей степени она учитывает специфику созданных ранее технологической и промышленной систем;
- если промышленный сектор страны слаб, то надо работать над его эффективностью, а не закрывать этот сектор [5. С. 274].

Экономика Новосибирской области – истоки

В экономике Западной Сибири в целом и Новосибирской области в частности за годы существования СССР был создан уникальный производственно-технологический и научно-образовательный потенциал. Специфика «конверсии» данного потенциала в реальные экономические активы в рамках другой экономической системы состоит в учете его особенностей – тех

его сильных и слабых сторон, которые имеют достаточно глубокие корни и основания.

На начальном этапе социалистических преобразований (вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг.) подходы к развитию экономики и промышленности Новосибирской области (в те годы – Западно-Сибирского края) теснейшим образом были связаны с ее исходными (естественными) ресурсами. Роль индустриализации в первую очередь связывалась с производством широкой гаммы продуктов переработки местного сельскохозяйственного сырья и тех природных ресурсов, которыми богата Западная Сибирь.

При этом индустриализация не сводилась только к созданию заводов и фабрик: «...Под индустриализацией необходимо понимать сложный и значительный социально-экономический процесс, в котором выделяется определенная тенденция. Для Сибири эта тенденция значит: 1) подойти ближе, чем это делается сейчас, к использованию громадных естественных богатств; 2) в экспорте перейти к вывозу сырья в возможно более ценном виде; 3) потребности местного населения в готовых полуфабрикатах удовлетворить, где это окажется возможным и экономически целесообразным, за счет местной промышленности...» [7. Цит. по: 8. С. 52].

Как видно, постановка задачи была вполне современной: производство продукции с повышенной добавленной стоимостью и создание условий для роста уровня жизни (благополучия) населения Сибири.

При этом идеологами индустриализации в качестве основных принципов принимались:

- тесная связь создаваемых предприятий и производств с естественными факторами и условиями развития экономики (географическое положение, минеральные и земельные ресурсы);
- развитие и максимальное использование форм кооперации и взаимодействия различных предприятий с целью создания продуктов и изделий, содержащих повышенную добавленную стоимость.

Первостепенное значение имели вопросы формирования цепочек создания стоимости «на входе» и «на выходе»: «...Какие экономические особенности... размещения производительных сил имеются в Западной Сибири? Эти особенности заключаются в комбинировании производств, их специализации и кооперировании. Мы строим не просто отдельные предприятия, а колоссальные комбинаты, которые заключают в себе несколько производств, объединенных технико-экономическими процессами

производства... Первым представителем таких комбинатов является Кузнецкий угольно-металлургический комбинат; вторым... – Кемеровский химкомбинат. Третьим узлом, в котором комбинируются процессы производства, является Новосибирск по машиностроению... Четвертая крупнейшая и одна из ведущих отраслей – это машиностроение. Совершенно очевидно... что мы, превращаясь из аграрного в край индустриально-аграрный, не перестаем быть крупнейшей единицей по производству сельскохозяйственной продукции... Развитие сельского хозяйства мыслимо в дальнейшем только на основе высокой машинной техники. Следовательно, мы должны сельскому хозяйству дать такие машины и в таком количестве, которые могли бы совершенно реконструировать его... превратить сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда. Поднять хозяйство такого колоссального края во всех его частях невозможно без организации собственного крупного машиностроения. Наконец, важнейшее место в плане нашего хозяйства принадлежит легкой, обрабатывающей и пищевой промышленности» [9. С. 5-7].

Отличительная особенность данного подхода – его конкретность и прагматичность. Речь шла не о развитии, скажем, машиностроения или пищевой промышленности как таковых, а о конкретных производствах, удовлетворяющих конкретные потребности. Так, вслед за первыми заводами сельскохозяйственного машиностроения, «...развитие горной и, в первую очередь, угольной промышленности привело к появлению в Сибири первых заводов горного машиностроения...» [10. С. 89-90].

Вообще следует отметить, что процесс формирования цепочек роста стоимости даже в рыночной экономике крайне редко является спонтанным. Такое возможно лишь в условиях очень экономически активной и плотной среды (при значительном числе входящих и находящихся в бизнесе хозяйствующих субъектов), что в Сибири по понятным причинам трудно достижимо. И та кластеризация, о которой в настоящее время много пишется и говорится, также закономерно является процессом дирижируемым и направляемым.

К сожалению, внешнеполитическая обстановка первой половины 1930-х годов резко изменила представления о целесообразности подобного – экономически обоснованного – подхода к индустриализации Сибири. Уже начиная с середины 1930-х гг. вплоть до середины 1980-х в подходах к развитию промышленности и экономики Сибири (прежде всего, Новосибирской и Омской областей)

происходят кардинальные изменения, суть которых связана с перепрофилированием и созданием в основных городах Сибири мощной общесоюзной базы индустрии оборонного комплекса.

В годы войны в Новосибирске были построены несколько крупных оборонных предприятий – на основе эвакуированных производств из западной части страны (табл. 1). В послевоенный период активность в развитии оборонного комплекса только увеличилась – в связи с началом гонки вооружений и необходимостью создания «ядерного щита» страны.

Таблица 1. Строительство основных заводов и промышленных объектов в Новосибирской области (1930-1985 гг.)

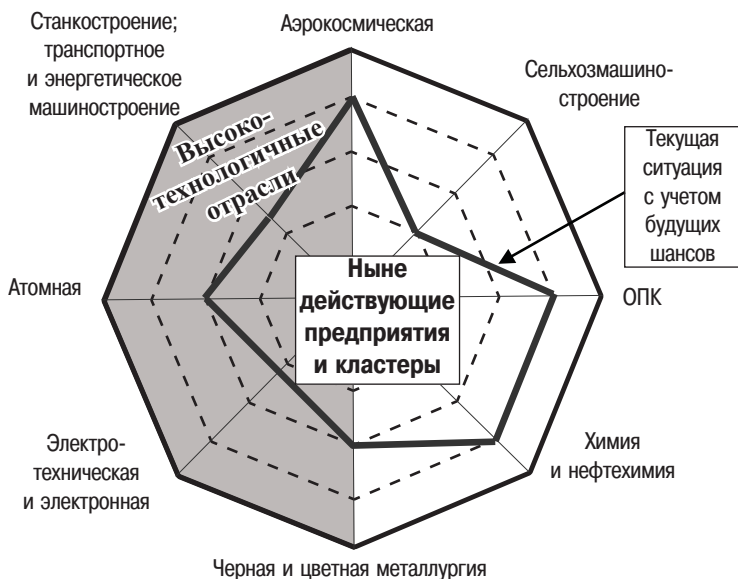
Период		
довоенный	военный	послевоенный
Завод «Труд»; НАПО им В.П. Чкалова; Завод «Сибкомбайн» (ПО «Сибсельмаш»); Завод «Станкосиб»; Мелькомбинат № 1; Чернореченский цементный завод...	«Тяжстанкогидропресс»; «Сибтекстильмаш»; Металлургический им. Кузьмина; Электровакуумный; Приборостроительный; Строительных машин; Химический; Химико-фармацевтический; Оловозавод; Завод имени Коминтерна; «Электросигнал»; «Искра»...	«Сибэлектротяжмаш»; «Сиблитмаш»; «Экран»; НЗХК; НПО «Север»; Новосибирский завод радиодеталей; Новосибирский завод конденсаторов; Бердский радиозавод «Вега»; Бердский электромеханический; Бердский химзавод; Новосибирский завод полупроводниковых приборов...

В 1950—1960-е гг. в городе было создано более 20 заводов и НИИ, работающих на оборону. На них было занято около 200 тыс. чел. Новосибирск стал крупнейшим центром оборонной промышленности в Сибири и в стране. Количество крупных предприятий могло бы быть и значительно большим, что связано с удобным географическим положением Новосибирска и примыкающей к нему территории, однако со временем вступали в силу ограничения, связанные с инфраструктурой и наличием рабочей силы...

Промышленность Новосибирской области: точка отсчета

В целом к концу 1980-х годов Новосибирская область обладала современной (на тот период) промышленностью, ядро которой наряду с оборонно-промышленным комплексом и аэрокосмической,

составляли сельхозмашиностроение, химия и нефтехимия, черная и цветная металлургия, а также высокотехнологичные предприятия станкостроения, транспортного и энергетического машиностроения, электротехнической и электронной промышленности, атомной отрасли (рисунок). В середине 1980-х гг. обсуждался вопрос о выборе промплощадки для строительства грузовых автомобилей (в том числе большегрузных) для топливной и рудодобывающей отраслей недалеко от границы с Алтайским краем.

Базовые отрасли обрабатывающей промышленности
Новосибирской области (конец 1980-х гг.)

В то же время в течение всего указанного периода промышленность Новосибирской области все больше «отрывалась» от экономики и хозяйства окружающей территории. Предприятия ВПК создавались с учетом уже не региональных, а общесоюзных программ и приоритетов. Соответственно, сила кооперационных связей в промышленности города и области уступила первенство кооперационным связям в рамках общесоюзного оборонного комплекса отраслей.

Все это закономерно привело к возрастанию значения для экономики региона приобретенных факторов – знаний

и квалификации работников, а усложнение производств требовало приближения научных исследований к процессам создания и выпуска новых изделий, что и стало предпосылкой формирования в регионе мощного научно-образовательного комплекса. Фактически возникла научная академическая агломерация, в которой работало более 10 тыс. только научных сотрудников. При этом в научных исследованиях и разработках преобладала «закрытая» проблематика (кроме аграрной науки).

По мере развития академических институтов стало формироваться и связующее звено между наукой и промышленностью – так называемый «пояс внедрения». Сфера науки и образования стала выполнять чрезвычайно важную комплексизирующую роль, заменяя в определенном смысле относительно слабую производственную кооперацию в промышленности города и области.

В развитии экономики региона значительно ослабло действие таких факторов, как

- а) естественные условия, связанные с географическим положением и близостью к источникам сырья;
- б) кооперация, формирование и развитие цепочек создания ценности.

Сходные процессы проходили и в других крупных сибирских городах (Омске, Томске). В частности, связи сформированного в них индустриального пояса с развитием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса так и не состоялись в достаточной мере. Основные поставки технологий и оборудования на сибирские месторождения осуществлялись из европейских регионов страны.

Именно это обстоятельство, как нам представляется, и было зафиксировано зарубежными исследователями: «...К 1989 году индустриализация Сибири стала выглядеть не великой утопией, а грандиозной ошибкой...» [11. С. 110-111]. Оно во многом определило глубину деиндустриализации промышленности Новосибирской области в постсоветские годы.

Если период индустриализации Сибири и Новосибирской области занял почти 50 лет, то деиндустриализация произошла в течение второй половины 1990-х гг. и привела к кардинальному изменению «промышленного ландшафта».

Множество предприятий прекратили существование, некоторые (явное меньшинство) нашли свою нишу в новых условиях, немногие сумели сохранить основную специализацию (благодаря возросшему гособоронзаказу), но и они значительно сократили объемы выпуска.

«...В Новосибирске прекращена деятельность “Сибтекстильмаша”, “Точмаша”, станкостроительного завода и других. Осуществляется процедура банкротства ОАО НПО “Сибсельмаш”. Многие из пока еще действующих машиностроительных предприятий влачат жалкое существование. Большинство из них выпускают морально устаревшее, не отвечающее современным требованиям оборудование. Именно поэтому... резко сокращаются объемы производства, уменьшается численность работников, падает рентабельность. В последние годы технологическое оборудование на большинстве заводов практически не обновлялось, его износ достиг 70–75%... Происходят примитивизация отрасли, стремление заводов к “отверточным” технологиям...” [12].

Но главная трагедия – разрушение народнохозяйственного комплекса как некоего исторически сложившегося целого, «заточенного» на процесс воспроизводства. Страна опутана импортом. Собственно, импортозамещение – это и есть одна из задач реиндустриализации.

Реиндустриализация – обновление производственного аппарата и инновации

Основной целью реиндустриализации, по нашему мнению, должно быть не столько восстановление созданных ранее производств, пусть и на новой технологической основе, сколько реконструкция всего промышленного комплекса. Надо ставить вопрос об обновлении производственного аппарата, реанимации промзон и соединении этого процесса с выходом на производство новых продуктов и изделий, ориентированных на внутренний и внешний (по отношению к региону и стране в целом) спрос. То есть подходы и посылки 1920-х годов снова становятся весьма актуальными.

Структура валового регионального продукта Новосибирской области

Содержательный анализ достигнутого текущего состояния экономики области и сложившихся тенденций целесообразно начать с её ВРП.

Доля промышленности в ВРП Новосибирской области в конце 1980-х гг. была не менее 40%¹. Практически это был единоличный

¹ Это оценка, официально ВРП стали считать с 2004 г.

лидер. Ядром отрасли являлся оборонно-промышленный комплекс (в те времена он назывался военно-промышленным).

В последние годы в объеме отгруженных промышленных товаров Сибирского федерального округа Новосибирская область занимает пятое место (8% продукции округа). Доля промышленности в ВРП в 2014 г. – 19,1%. На долю промышленности в области приходится 19% всех занятых. Лидирует производство продуктов питания (данные правительства Новосибирской области).

Оборонно-промышленный комплекс хотя и понес значительные потери в период деиндустриализации, тем не менее остался важным звеном экономики региона, имеющим приоритеты роста экономической и политической значимости.

С момента написания Стратегии развития Новосибирской области до 2025 г. (2006-2007 гг.) в структуре экономики региона выросли доли всех видов торговли, строительства и госуправления. Оптовая и розничная торговля в совокупности с операциями с недвижимостью составляют более трети ВРП области. Торговля – крупнейший работодатель Новосибирска (в работе потребительского рынка области занято 265 тыс. чел.) [13]. Статистика по институтам инновационного развития в отчетности проходит по статье «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг».

Сейчас в структуре ВРП области *три равноценных игрока – промышленность, торговля, операции с недвижимостью*, обеспечивающие 54–56% ВРП. С наибольшей вероятностью может приблизиться к лидерам *строительный комплекс*.

За 2000-2014 гг. в Новосибирской области были достигнуты следующие важные с точки зрения экономического развития результаты:

- произошло увеличение валового регионального продукта (в сопоставимых ценах) более чем вдвое (до 821,4 млрд руб. в 2013 г.), темпы роста физического объема ВРП в этот период превышали аналогичные показатели Российской Федерации и были самыми высокими среди субъектов Сибирского федерального округа;
- рост ВРП был в основном обеспечен положительной динамикой объема инвестиций, которая, хотя и несколько замедлилась в 2012-2014 гг. (по понятным причинам), тем не менее оставалась выше общероссийских показателей.

Текущее состояние инвестиционного климата

Цифры инвестиционной активности в Новосибирской области по итогам 2014 г. привел губернатор В.Ф. Городецкий. Инвестиции в основной капитал в регионе составили 180 млрд руб., или 20–25% от валового продукта, который производится на территории области. Это на 4,9% ниже уровня 2013 г. «Показатель инвестиций на душу населения в 2014 г. составил 65,7 тыс. руб., что в 1,4 раза ниже среднего уровня по России. По этому показателю мы занимаем 45-е место в стране и шестое место – в Сибирском федеральном округе. В первую очередь это обусловлено несырьевой структурой нашей экономики», — объяснил глава региона [14].

Это близко к месту Новосибирской области в текущем национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ.

Сегмент высокотехнологичных отраслей: продукты и услуги

Средства (драйверы) реиндустриализации

«За последние 10 лет оборонно-промышленный комплекс возродился как птица Феникс». В.В. Путин

1. Гособоронзаказ. Доля Сибири в оборонно-промышленном комплексе

В 2015 г. на предприятиях ОПК Сибири запланировано размещение гособоронзаказа объемом около 50 млрд руб. (это порядка 3-5% расходов Минобороны на закупку новой техники и модернизацию) (табл. 2).

Таблица 2. Крупнейшие предприятия ОПК Новосибирской области (2013 г.)

Предприятие	Выручка, млрд руб.	Среднесписочная численность, чел.
НАЗ им. Чкалова	11,8	5900
НЗХК	7,8	2000
НМЗ «Искра»	2,9 *	2600
НПО «НИИПП-НЗиК»	2,6	2400
АО «Швабе-Оборона и Защита»	2,0	1900
НИИЭП	1,5	1090

*За 2012 г.

Шесть первых предприятий (согласно списку из 30 предприятий) дают более 70% выручки, на них приходится около 70% всех занятых в ОПК области. Данные по оборонзаказу не публикуются.

2. Гособоронзаказ. Инновационные поселения

Во времена СССР исследования оборонного характера были своеобразным «мостом» между промышленностью и наукой. В основе этого сотрудничества лежали мегапроекты.

К сети предприятий ВПК традиционно «привязаны» или даже совмещены с ней закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), наукограды, научно-производственные комплексы (сейчас все это называют инновационными поселениями). Их общее количество в стране – не менее 50, при суммарной численности занятых 0,6–0,7 млн человек. Это – научно-производственное ядро.

Новосибирская область представлена наукоградом (Кольцово), Новосибирским научным центром (Академгородок) и Краснообском (инновационное поселение).

Необходимо отметить, что в исследованиях Академии наук военные НИР всегда занимали большое место. Как отметил Президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по науке и образованию (09.12.2014 г.), «...мы с вами хорошо знаем, как в советские годы развивалась Академия наук: там, наверное, почти на 90% все было связано так или иначе с “оборонкой”».

В Сибирском отделении АН СССР доля военных НИР составляла от 70 до 75%. Да и создавались они при большой поддержке со стороны военных. Основная военная проблематика концентрировалась в Новосибирской научном центре.

3. Новые институты развития

А. Индустриальные парки (ИП). Естественным продолжением индустриального строительства и эффективным средством формирования малого и среднего бизнеса являются индустриально-парковые проекты.

В перспективе индустриальные парки способны перестроить экономику страны – обновить инфраструктуру и запустить инновационный процесс. Особые надежды на индустриальные парки возлагают в моногородах. Один из наиболее состоявшихся индустриальных парков Сибири (и не только её) – новосибирский промышленно-логистический парк (ПЛП).

В. Инновационные территориальные кластеры (ИТК). Под ними часто подразумеваются рядом «посаженные» технопарки. Технопарков у нас много – сотни, но мировым стандартам соответствуют менее десяти. Один из них – в новосибирском Академгородке.

Сегодня в качестве пилотных инновационно-территориальных кластеров в РФ фигурируют 25 организаций.

Специализация ИТК

1. Информационные технологии	}	Иннопродукты
НСО
2. Биотехнологии		
3. Медицинская и фармацевтическая промышленность		
4. Нанотехнологии		
5. Новые материалы		
6. Отраслевые кластеры ²		

Нельзя не отметить тот факт, что, как правило, всё это новое хозяйство возникает рядом с давно существующими наукоградами, научными центрами РАН (ранее АН СССР), университетами.

С. Межрегиональные кластеры. Сибирские региональные биофармкластеры объединились в «Сибирскую биотехнологическую инициативу» (СБИ) в надежде получить федеральную поддержку. В совместный проект СБИ включились четыре региона – Новосибирская и Томская области, Алтайский и Красноярский края.

Основная цель инициативы – *возродить биотехнологическую отрасль* и обеспечить импортозамещение биотехнологий в сельском и лесном хозяйствах, фармацевтике, пищевой промышленности [15].

Одним из базовых ресурсов для возникновения и последующего генезиса данных институтов развития являлись и являются центры академической науки. Для Сибири – это, в первую очередь, Сибирское отделение РАН. Новосибирский научный центр СО РАН объединяет (представляет) более половины научного потенциала отделения.

Академические научные центры традиционно тесно взаимодействуют с вузами, особенно с теми, которые получили статус федеральных и национальных исследовательских университетов. Здесь нужно усиливать исследовательскую кооперацию.

4. Образовательный комплекс

Комплексообразующую роль играет образовательный блок. В Новосибирской области работают вузы на любой «вкус». Среди них – лучшие университеты страны.

К таким вузам относится Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ). Сегодня

² Для Новосибирской области – это потенциально кластеры по созданию современной электронной элементной базы и авиастроительный.

в рейтинге лучших университетов мира, согласно рейтингу журнала Times Higher Education за 2014-2015 гг., НГУ находится в «Топ-400» (301–350-е место), он занял 328-ю строчку в рейтинге лучших университетов мира по версии QS. При этом среди университетов стран БРИКС по рейтингу QS НГУ входит в «Топ-100» и занимает 18-ю позицию [16].

В образовательных учреждениях среднего специального образования студентов ненамного меньше, чем было в конце 1980-х гг. Судя по количеству победителей школьных олимпиад, у нас неплохое качество обучения в общеобразовательных учреждениях.

Спецпроект «Лучшие школы России». В рамках проекта был представлен перечень из предварительно отобранных 500 школ, из них было выбрано 25 лучших. В «Топ-5» (2013 г.) вошли:

1. Лицей № 1535 (Москва);
2. Школа-интернат им. А.Н. Колмогорова МГУ;
3. Физико-математический лицей №239 (Санкт-Петербург);
4. Спецшкола Уральского федерального университета;
5. Специализированный учебно-научный центр Новосибирского госуниверситета (СУНЦ – ФМШ).

В «Топ-5» (2014 г.) СУНЦ передвинулся на четвертое место [17]. Выпускники ФМШ (СУНЦ) пополняют ряды студентов не только НГУ, но и столичных вузов.

Интересно, что из всех общеобразовательных учреждений России, вошедших в 500 лучших в 2014 г., четверть составляют школы Москвы.

5. Здравоохранение

Развитие частной и высокотехнологичной медицины стали бесспорными трендами XXI века. Новосибирская область уже сегодня является межрегиональным центром здравоохранения, где расположены крупнейшие клиники федерального уровня (НИИ травматологии и ортопедии – НИИТО, клиника им. Мешалкина, МНТК «Микрохирургия глаза» и др.), обширная сеть государственных и частных медицинских центров, в которых получают помощь, в том числе платную, жители из разных регионов РФ и стран СНГ.

Анонсировано несколько новых интересных технопарковых проектов. Например, в 2016 г. на базе НИИ патологии кровообращения им. Мешалкина в Новосибирске начнется строительство индустриального парка «Зеленая долина». Его главная задача – практически полная замена импортных расходных материалов для

высокотехнологичных операций. Инвестиции в проект оцениваются более чем в 14 млрд руб., из них 80% – частные. Завершить строительство «Зеленой долины» планируют до конца 2019 г. [18].

Сегмент отраслей жизнеобеспечения

Роль промышленности в экономике области не может снижаться ниже определенного критического уровня (порядка 12-13% ВРП). Одним из условий ее реиндустриализации является формирование и развитие внутрирегиональных и межотраслевых кооперационных связей.

Нам представляется, что здесь можно вести речь о следующих принципах отраслевой классификации экономики области в формате цепочек создания добавленной стоимости.

Пакет №1: Сельское хозяйство – пищевая промышленность – торговля

«Что такое продовольствие? Это не доля сельского хозяйства в ВВП (она сейчас 4,5%), а это треть всего благосостояния людей по затратам.

*А потребление людей – это больше 50% ВВП.
Так что продовольствие – это 15% всего ВВП».*

А.Г. Аганбегян.

Это высказывание полностью характеризует ситуацию в нашей области.

- *Пищевая промышленность* – в Новосибирской области ее доля составляет 25% в общем объеме отгруженных товаров и выполненных услуг за 2014 г. В РФ в целом и в регионах пищевая промышленность демонстрирует устойчивый рост, катализатором которого является импортозамещение.

- *Сельское хозяйство* – здесь есть большой потенциал роста. Доля сельского хозяйства в ВРП области за последние 10 лет сократилась с 11% до 5%. При этом производство зерна осталось на уровне 1980-х годов, в то время как мяса и молока за годы реформ сократилось по отношению к этому периоду и, к сожалению, растет недостаточно высокими темпами. Особенно это касается производства мяса – за 10 лет оно выросло всего на 20% в убойном весе (в то время как в Белгородской области, например, – в семь раз).

- *Торговля* – Новосибирская область по обеспеченности торговыми площадями занимает девятое место в РФ. При этом Новосибирск является центром логистической инфраструктуры, которая обслуживает порядка 12 млн человек (в радиусе 600-650 км).

По данным Союза транспортников, экспедиторов и логистов Сибири, суммарный оборот розничной и оптовой торговли в Новосибирске в 2014 г. достиг 1,17 трлн руб., увеличившись с 2008 г. почти вдвое. Всего «вес» этого пакета – более четверти ВРП региона.

Пакет №2: Производство стройматериалов – строительство – операции с недвижимостью

Строительство – прежде всего, речь идет о строительстве жилья, по объемам которого (в 2014 г. – 2 млн м²) Новосибирская область является лидером в Сибирском федеральном округе. По вводу жилья на душу населения (0,8 м² в 2014 г.) регион значительно опережает среднероссийские показатели (0,55 м²). Если сравнивать с 1990 г., подушевой ввод жилья увеличился в 1,7 раза. При этом только за 2010-2014 гг. население Новосибирской области выросло с 2,6 до 2,7 млн чел.

Промышленность стройматериалов – вместе с ростом строительства увеличивается и объем потребляемых строительных материалов. В структуре отгруженных товаров Новосибирской области доля «неметаллических минеральных продуктов» превышает 7%.

Операции с недвижимостью и аренда – в мировой статистике эта сфера деятельности относится к финансовому сектору. «Вес» этого отраслевого пакета приближается к четверти ВРП области.

Транспорт и связь

На территории области пересекаются федеральные и международные транспортные коридоры: Транссибирская, Туркестано-Сибирская, Среднесибирская *железнодорожные магистрали*.

Федеральные автодороги: М-51, М-53 автотранспортного коридора «Россия» (Москва – Челябинск – Новосибирск – Владивосток) и М-52 (выход на страны Средней Азии, Монголию, Китай).

Региональные автодороги с выходом на Северную широтную магистраль (Томск), Северо-Восточный Казахстан, Южный Кузбасс, сельскохозяйственные районы Алтая.

Река Обь играет важную роль в транспортном обслуживании северных нефтедобывающих районов Сибири (ХМАО, ЯНАО).

Крупнейший за Уралом *узловой аэропорт Толмачево* обеспечивает авиасообщение с городами России, ближнего и дальнего зарубежья. В 2014 г. аэропорт обслужил 3,9 млн пассажиров, обработал 26,8 тыс. т груза и почты.

Потенциал транзита приобретает региональную адресность при наличии соответствующей логистики и инфраструктуры

(когда груз и (или) пассажир останавливаются в данном пункте для погрузки, разгрузки, пересадки и т.п.). В Новосибирске это направление успешно развивается, но для придания ему дополнительной динамики нужны определенные преференции (как, например, у территорий опережающего развития).

Прочие сферы и отрасли. Одной из инвестиционно-привлекательных отраслей является *туризм*, включая оздоровительный, познавательный и деловой секторы. Рынок туристических услуг в области имеется, но его уровень значимости – региональный.

Востребованность производимой продукции и услуг.

Виды рынков

Экономика области работает на *внешний* (с акцентом на страны Азиатско-Тихоокеанского региона) и *национальный* рынки (преимущественно это продукция отраслей обрабатывающей промышленности).

Динамику отраслей экономики Новосибирской области определяет спрос не только местный (в пределах города, области, агломерации), но и в рамках сибирской агломерации (Омск – Иркутск), Сибирско-Дальневосточного региона (Урал – Дальний Восток).

Особый род рынка – гособоронзаказ, с прописанными конкурсными процедурами и элементами конкуренции.

Суммируя вышеизложенное, можно предложить следующий рабочий вариант структуры ВРП Новосибирской области в 2012–2014 гг. и на период до 2022 г. (табл. 3).

Анализ данных таблицы 3 позволяет сделать следующие выводы.

1. Область обладает развитым инновационно-технологическим сегментом (первые четыре позиции). Его доля в ВРП региона – не менее 20%. Если сюда прибавить высокотехнологичные услуги связи, получится порядка 23%. Это на 5-6 процентных пунктов выше, чем по РФ в среднем.

2. Есть основания полагать, что реализация анонсированных (стартовавших) проектов может увеличить этот показатель в среднесрочной перспективе на несколько процентных пунктов и приблизиться к 30%. Что является очень неплохим уровнем.

3. Белая зона матрицы – открытое конкурентное пространство – это, в некотором роде, «терра инкогнита». Здесь реально усиление позиций, например, здравоохранения, образования и т.п.

4. Статистический «минус» НСО – это низкий удельный вес добывающей (фондоёмкой) промышленности. Отсюда – малая доля амортизации в ВРП. В расчетах по чистому продукту (ВРП минус амортизация) область выиграла бы несколько позиций.

Таблица 3. Счет производства добавленной стоимости в регионе (ВРП) по видам экономической деятельности в 2012 и 2022 гг. (производственно-рыночная матрица), %*

Отрасль	2012-2014	Рынок				2020-2022 (оценка)
		гос-оборон-заказа	внеш-ний	нацио-наль-ный	регио-нальный (област-ной)	
Инновационно-технологический сегмент (экономика знаний)						
ОПК + «Росатом»	5,5-6,0	⊕	⊕	+	+	7-8
Фундаментальная наука и инновационный сектор ^{а)}	3,5-4,0	⊕	⊕	⊕	+	5-6
Здравоохранение (высокотехнологичная медицина, лекарства)	6-7	Открытое конкурентное пространство	+ ^{б)}	+	⊕	6-7
Образование	4-5		+ ^{в)}	+	⊕	4-5
Промышленность ^{г)}	9-10		+	+	⊕	8-9(?)
Пакет отраслей № 1 (с/х (переработка), пищевая промышленность, ритейл, оптовая торговля ^{д)})	27-28			+	⊕	28-29 ^{е)}
Пакет отраслей № 2 (строительство, стройматериалы, операции с недвижимостью)	21-23			⊕	⊕	21-23 (?)
Транспорт и связь	12-13				⊕	12-13
Прочие отрасли ^{ж)}	8-9				⊕	6-7

Курсивом выделены «вытягивающие» отрасли,

■ – инновационно-технологический сегмент,

□ – сегмент отраслей жизнеобеспечения,

⊕ – текущая приоритетность рынка для отрасли.

а) выделен из «операций с недвижимостью»,

б) преимущественно пациенты из Средней Азии и Казахстана,

в) то же – со студентами,

г) без пищевой отрасли, ОПК, «Росатома» и промышленности стройматериалов,

д) включая транспортно-логистическую систему,

е) эффект импортозамещения,

ж) включая госуправление и ЖКХ.

Обозначенные предпосылки реализации прогнозных оценок

1. «Вытягивающие проекты» программы реиндустриализации области (в редакции июня 2015 г.): 1) инжиниринговый пояс Академгородка; 2) Сибирская биотехнологическая инициатива; 3) «Умный регион»; 4) нано- и микроэлектроника и производство средств связи; 5) инновационные материалы; 6) «Здоровая Сибирь»; 7) кадры реиндустриализации; 8) «Сибирский наукополис».

2. «Точки роста»: 1) транспорт – евразийский транзит; 2) высокие технологии: Академпарк – фабрика инноваций; 3) инфраструктура промышленно-логистического парка – магнит для инвестора; 4) инновационная среда; 5) проект «Агломерация» – созвездие территорий; 6) реальный сектор: «НЭВЗ-Союз» – керамика; 7) агробизнес: ««Сибирская нива» – молочные реки» [19].

3. Сегодня и в перспективе **ОПК** рассматривается в качестве «лифта» для подъема гражданского машиностроения и станкостроения, а также в роли генератора технологий двойного назначения.

Основные принципы проведения реиндустриализации:

- усиление функций государства в решении (определении и целенаправленной системе шагов) стратегических задач развития промышленности страны;
- усиление внутренней кооперации в промышленности и экономике Новосибирской области;
- воссоздание цепочек получения добавленной стоимости – начиная от границ индустриальных парков и технопарков до, по крайней мере, границ Сибири;
- постоянное и целенаправленное внимание к проблеме всех уровней власти;
- заинтересованность бизнеса.

К сожалению, как показал Петербургский международный экономический форум (июнь-2015), экономические проблемы России видны все отчетливее, но их все меньше пытаются решать с помощью экономических инструментов.

Запросы бизнеса, прозвучавшие во время встречи Президента РФ В.В. Путина с руководителями крупнейших отечественных

предприятий: возрождение в том или ином виде советского *Госплана* (бизнес явно страдает от отсутствия в стране даже основ стратегического планирования), *дешевый рубль* (для экспортеров), низкие *тарифы* естественных монополий, доступное *финансирование*. И ни слова о деловом климате, инфляции или институтах развития. Пока чиновники и экономисты говорили о структурных реформах, предприниматели сетовали на неподъемные ставки по кредитам, уверяя, что при такой цене денег ни даже нулевая инфляция, ни первое место в рейтинге Doing Business, ни инвестиции в инфраструктуру не вытянут российскую экономику из бездны рецессии [20].

Что касается заинтересованности бизнеса в программе реиндустриализации области, то его привлекает, прежде всего, возможность участия в пакете инвестпроектов, деньги, стоящие за проектами (с оценкой возможностей их получения), а также доказательство значимости своего бизнеса в общественном сознании.

Вместе с тем не только государство и бизнес определяют успех дела. Уверенность населения в будущем и получение им реальной отдачи от проводимых шагов и предпринимаемых мер – залог успешности и политики реиндустриализации, и всего того, что предпринимается для развития экономики и социальной сферы.

Литература

1. Кулешов В.В., Крюков В.А. Проблемы развития Западной Сибири в XX веке – повторение пройденных уроков? // ЭКО. – 2000. – № 12. – С. 16-39.
2. Клепач А. Суть дела. Мы не используем даже существующие механизмы // Ведомости. – 2013. – 18 дек. URL://<http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2013/12/18/my-ne-ispolzuem-dazhe-suschestvuyuschie-mehanizmy>
3. URL:// <http://www.nationsencyclopedia.com/Europe/Sweden-INDUSTRY.html#ixzz3i2OGcttH> (дата обращения: 05.08.2015).
4. Delgado M., Ketels Ch., Porter M., Stern S. The Determinants of National Competitiveness. – HBS: Boston, 2012.
5. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: Изд-во ВШЭ, 2011. – 384 с.
6. Райнерт Э., Райнер К. Модернизация России, раунд III. Россия и другие страны БРИК: продвижение вперед, наверстывание упущенного или отставание? // Доклад для Мирового экономического

форума. – Ярославль-2010. «Модернизация России – от теории к практике». – «Сумма Капитал», 2010. – С. 2-37.

7. *Новомбергский Н.Я.* К построению генерального плана развития народного хозяйства Сибири. – Новосибирск, 1927.

8. *Юрцовский Н.С.* Современная Сибирь. К изучению Сибири. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928.

9. Труды первого расширенного пленума Краевого комитета по химизации народного хозяйства Западной Сибири. 15-20 марта 1932 г. / Под ред. И.Ф. Трелина, Н.Я. Брянцева, Г.В. Хонина // Краевой комитет по химизации при Запсибкрайплане. – Новосибирск: Издание ЗапСиб-отделения ОГИЗа по поручению Запсибкрайплана, 1932. – 356 с.

10. *Полов В.Э.* Развитие и размещение тяжелой индустрии Сибири. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1962. – 114 с.

11. *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России//Региональная библиотека международного. Международные процессы. – 2007. – 328 с.

12. *Мочкин Г.* Российскому машиностроению — один шаг до точки невозврата // Новая Сибирь. URL://http://newsib.net/index.php?newsid=81320005&paper_id=324

13. Комсомольская правда. – 2015. – 2 сент.

14. Эксперт-Сибирь. – 2015. – № 28. – С. 8, 11.

15. Российская газета. – 2015. – 21 мая.

16. Основные направления социально-экономического развития Новосибирской области, 2015. – С. 18.

17. Труд. – 2014. – 30 сент.

18. Эксперт-Сибирь. – 2015. – № 36. – С. 5.

19. Новосибирская область. Точки роста. – Минэкономразвития НСО, 2015.

20. Эксперт. – 2015. – № 26-27. – С. 13-17.

Целевой подход и готовность к специализации

В.А. НИКОНОВ, генеральный директор Агентства инвестиционного развития Новосибирской области

Генеральный директор Агентства инвестиционного развития Новосибирской области в интервью «ЭКО» рассказал о своем видении инвестиционных перспектив региона, о новых подходах в реализации инвестиционной политики, работе с инвесторами и владельцами промышленных площадок.

Ключевые слова: Агентство инвестиционного развития (АИР)

Новосибирской области, Промышленно-логистический парк (ПЛП), инвестиционный климат

Созданное в середине 2000-х Агентство инвестиционного развития (АИР) Новосибирской области в 2014 г. получило новый импульс к развитию. Постановлением областного правительства¹ был существенно расширен круг его задач, а в октябре 2014 г. на должность генерального директора был назначен В.А. Никонов, проработавший в областных исполнительных органах более 12 лет. В разное время он возглавлял транспортный департамент, формировал основы стратегического управления и планирования развития, возглавлял министерство образования, науки и инновационной политики.

– *Владимир Алексеевич, будучи заместителем губернатора Новосибирской области в 2006–2010 гг., Вы, в числе прочего, курировали деятельность АИР, которое сегодня возглавляете. Как оцениваете предшествующий опыт и потенциал этой структуры?*

– На мой взгляд, за годы своего существования Агентство инвестиционного развития проявило себя как организация, способная реализовать миссию, которая определена постановлением правительства области – быть эффективным оператором в содействии приходу различных инвесторов и обеспечить активизацию инвестиционного процесса в регионе.

Необходимые для этого компетенции сформировались в основном уже при работе над главным проектом агентства – Промышленно-логистическим парком. Обеспечив строительство дорог, газопровода, электросетей на территории в 11 км²,

¹ Постановление правительства Новосибирской области от 21.07.2014 № 283-п «О специализированной организации по привлечению инвестиций и работе с инвесторами».

организация превратила ее в место реализации крупных инвестиционных проектов; сумела привлечь около двух десятков российских и зарубежных инвесторов.

Однако задачи в инвестиционной сфере, стоящие перед государственными органами, существенно шире, и некоторые из них требуют подключения специализированной организации.

– *Очевидно, этим и вызвано появление специального постановления правительства Новосибирской области, расширяющего функционал организации. Что в нем главное?*

– Особенно выделю задачу обеспечить выполнение функций взаимодействия с инвесторами по принципу «одного окна». С 2014 г. она возложена на Агентство инвестиционного развития, а всем областным органам власти, а также местного самоуправления рекомендовано обеспечить необходимое взаимодействие с нами по этому вопросу.

Для того чтобы запустить этот процесс, потребовалось провести информационную кампанию. Уже появились первые результаты: если в конце 2014 г. к нам с теми или иными вопросами обратились 12 организаций, то в первом квартале 2015 г. было уже 19 обращений, а во втором – 43. Конечно, далеко не всех обратившихся можно оценивать как реальных или даже потенциальных инвесторов. Часто предпринимателям требуются разъяснения об имеющихся возможностях государственной поддержки, помощь в оформлении инвестиционной идеи.

– *Вы не боитесь «утонуть» под валом таких обращений?*

– Нет. Напротив, мы оцениваем работу с ними как очень полезную – мы ведь таким образом получаем некий срез нужд и реальных потребностей инвесторов, бизнеса и можем соответствующим образом структурировать свою дальнейшую работу. Уже составлен перечень обязательных услуг, которые реализуются в случае подобных обращений. На первом этапе это главным образом информирование о механизмах и условиях оказания господдержки. На втором этапе начинается наше вхождение в проект – помощь в подборе участка, соответствующего конкретным запросам, консультационная поддержка по взаимодействию с финансовыми организациями, а в некоторых случаях – сопровождение проекта вплоть до заключения договора аренды или покупки и подготовки документов для участия в государственных программах Новосибирской области.

– Участки вы предлагаете в Промышленно-логистическом парке? Или есть полномочия действовать по всей территории Новосибирской области?

– Наиболее привлекательные условия, в некотором роде «инвестиционный оазис», создан именно в Промышленно-логистическом парке (ПЛП). Это участок более 1000 га в Новосибирском сельском районе, в 12 км от Новосибирска, в непосредственной близости от аэропорта Толмачево, Транссибирской железнодорожной магистрали и федеральной трассы М-51, обеспеченный всей необходимой инженерной инфраструктурой.

В ПЛП мы предлагаем инвесторам заключить договор аренды на 3–5 лет и предоставляем опцион на выкуп земли по заранее согласованной стоимости (на этапе заключения договора). При этом до границ участка инженерные коммуникации проводим за свой счет. То есть организация практически освобождается от затрат на первоначальном этапе – ни за землю, ни за техусловия она ничего не платит, пока идет строительство основных мощностей, а затем платежи идут в заранее оговоренном размере.

Да, выкупная цена земли частично покрывает наши расходы на создание техусловий, мы из этого секрета не делаем. И со временем расценки на землю возрастают, как увеличивается и капитализация участка. Но наша задача состоит не в выгодной продаже этой земли, а в привлечении на нее интересного инвестора.

Главный выигрыш для инвестора даже не в том, что земля недорогая и обеспечена пакетом техуслуг, а в том, что документы на участок оформляются буквально в течение месяца, минуя любые конкурсные процедуры. Даже обращения в какие-либо муниципальные или государственные органы, помимо АИР, для выделения земли не требуется.

В связи с расширением наших функций мы стараемся изучить возможности принять инвестпроект и на других территориях. Такая работа ведется совместно с инвеступолномоченными во всех районах области и городских округах. И заявки инвесторов мы можем сопровождать на любой территории.

Определенные возможности для размещения производств имеются на территориях, находящихся в негосударственной собственности. Особенно в этом плане интересны производственные площадки предприятий, где созданные когда-то мощности недоиспользуются. На этих территориях есть свободные инфраструк-

турные возможности. В России на таких площадках иногда успешно развиваются промышленные парки. Новосибирск – не исключение. Подтверждением тому является опыт завода низковольтной аппаратуры (НВА). Там растущим малым предприятиям предоставляются производственные мощности на очень приемлемых условиях, без дополнительных вложений². Мы надеемся убедить владельцев промышленных зон в черте города последовать этому примеру и расширить подобную практику. Совершенно очевидно, что для развития бизнеса важны не столько земельные ресурсы, сколько инфраструктурные возможности, а на площадках бывших советских заводов вся необходимая инфраструктура имеется, иногда – даже в неплохом состоянии...

– *Предполагают ли ваши полномочия финансовое участие в проектах?*

– Создание инфраструктуры «в чистом поле» – затратное дело. Для ПЛП потребовались большие бюджетные вложения, которые были переданы в уставный капитал агентства. Вряд ли целесообразно двигаться таким же путем дальше, особенно в сегодняшних условиях. Свою роль в создании других парковых структур мы видим, скорее, в том, чтобы обеспечить эффективное использование мер федеральной поддержки. Такие ресурсы имеются сегодня в распоряжении Минэкономразвития РФ и Минпромторга РФ.

Кстати, принятое недавно постановление Правительства Российской Федерации позволит рассчитывать на возврат в бюджет области средств, затраченных на создание инфраструктуры Промышленно-логистического парка и Биотехнопарка. Это может быть сделано путем возврата платежей в федеральный бюджет резидентами этих парков (налоги на добавленную стоимость и на прибыль, таможенные платежи) в форме субсидий областному бюджету.

Наше агентство занималось подготовкой необходимого пакета документов, что позволило обеспечить включение обоих парков в реестр Минпромторга РФ.

Еще свое участие в реализации парковых проектов мы видим в маркетинговом их продвижении, привлечении на эти территории заинтересованных инвесторов.

² См. также статью «Инициатива снизу. Опыт создания частного индустриального парка в Новосибирской области» в этом номере «ЭКО». 2 ЭКО. – 2015. – № 10

Думаю, мы федеральные наработки по развитию инструментов господдержки сможем использовать в практике региона. Скажем, почему бы не оставлять владельцам парков часть тех доходов, которые сформированы их резидентами для перечисления в областной бюджет (по НДФЛ, налогу на имущество)?..

Сейчас эти меры в стадии разработки. Эффективный инструмент оценки динамики налоговых отчислений еще нужно сформировать. А оказать содействие негосударственным паркам в получении федеральной поддержки на создание внешней инфраструктуры мы можем уже сегодня.

– *Идея интересная. А если сделать такие технологические парки условно-специализированными, по кластерному принципу, – то вдвойне. У вас, кстати, нет таких планов – создать на одной из новосибирских площадок специализированный парк?*

– Для этого нужны сильные якорные арендаторы, которые подтянут на площадку тех, кто может работать по аутсорсингу или осуществлять какие-то дополнительные поставки. В деятельность частных парков на таком уровне мы не вмешиваемся, а в Биотехнопарке реализуется именно такой подход. В то же время в ПЛП по факту складывается многоотраслевая модель. Когда площадка только создавалась, на нее первыми зашли логистические компании: Логопарк «Толмачево», ПНК-Толмачево и другие. Затем появились дистрибуторские центры производственных компаний («Глория Джинс», «Сладомир»). Сейчас там построено более 300 тыс. м² складских площадей класса А, и некоторые инвесторы готовы расширять свои мощности – у них уже есть заказчики.

Еще одно направление, которое у нас складывается в качестве «отраслевой специализации», – это производство продовольствия. Крупнейший его представитель на данный момент – производитель сладостей «Мон’дэлис Русь»³. Инвестирует порядка 4,5 млрд руб. в строительство современного завода мощностью 50 тыс. т в год (с возможностью расширения). «Восточная снэковая компания» начинала с производства чипсов, а теперь планирует запустить еще и макаронную фабрику. На этапе под-

³ До апреля 2013 г. – ООО «Крафт Фудс Рус», работает на российском рынке 20 лет, лидер в РФ по производству шоколада (марки Alpen Gold, Milka и Picnic), сублимированного кофе (Jacobs Monarch и Carte Noire) и печенья («Юбилейное», «Медвежонок Барни», TUC) .

готовки договора – компания «Аквалайф» (производит лимонады под маркой «Напитки из Черноголовки»), кроме того, на участке 100 га стартует очень интересный амбициозный проект – межрегиональный оптово-распределительный центр, который будет строиться по федеральной программе⁴, на условиях государственно-частного партнерства. Предполагаемая сумма инвестиций – около 8,5 млрд руб.

Несколько инвесторов представляют направление стройиндустрии. На данный момент это ООО «Арматон» (крупнопанельное домостроение), ООО «Теплопром», НПО «Базальт» (теплоизоляционные материалы), ТК «Сибалюкс» (фасадные материалы). Думаю, их количество будет расти, с учетом объемов строительства в области и удобной логистики в соседние регионы.

Возможно, со временем сформируются еще какие-то направления. Так, у нас в стадии строительства находятся два завода по производству изделий из пластмассы.

– *То есть в основном в ПЛП приходят те компании, которые заинтересованы в хорошем распространении своей продукции за Уралом, будь то производство или чисто логистическая деятельность?*

– Совершенно верно. Недавно я разговаривал с представителем компании «Хенкель», которая запустила в Новосибирской области завод по производству строительных смесей (кстати, не на территории ПЛП). Их стратегия развития вполне понятна и предсказуема: сначала они продвигают на тот или иной рынок свой товар, затем, когда объемы сбыта выходят на определенные показатели (примерно 100 тыс. т в год), ставят производство, чтобы сократить транспортные издержки.

– *ПЛП, индустриальные и технологические парки... Есть ли в вашем портфеле другие проекты?*

– Безусловно. Мы должны продвигать самые разнообразные инвестиционные возможности Новосибирской области, помимо индустриальных парков. В частности, мы отвечаем за создание проектов комплексного развития территорий – определяем перспективные для освоения территории и пытаемся сформировать

⁴ Госпрограмма «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы», курируется Министерством сельского хозяйства РФ. URL: <http://programs.gov.ru/Portal/programs/passport/26> (дата обращения: 03.06.2015).

2*

для них проекты, способные повысить их привлекательность для инвесторов, самостоятельно либо путем вовлечения в работу государственных и негосударственных структур.

– Можете пояснить на конкретных примерах, о чем идет речь?

– На сегодня у нас в разработке несколько проектов. Один из них – «Салаир-Олимпик» – предполагает организацию в Маслянинском районе, на отрогах Салаира, парка зимних видов спорта (горные и беговые лыжи, биатлон и т. д.). Сегодня большинство новосибирских любителей горных лыж ездят кататься на Танай или в Шерегеш, но с учетом дороги такая поездка занимает немало времени. И тем, у кого всего два выходных, хотелось бы иметь приличную трассу поближе. В Маслянинском районе есть подходящая территория, и мы выяснили, что нужно сделать, чтобы туда пошли инвестиционные потоки. Прежде всего, необходимо построить (вернее, обустроить в более качественном дорожном покрытии) небольшой участок уже существующей дороги, чтобы сократить путь из Новосибирска до этого места со 170 до 108 км. Затем нужно подтянуть газ и электричество (такая возможность тоже есть) и, может быть, помочь инвесторам построить первые две-три оборудованные трассы – дать первый толчок. Остальное довершит бизнес. Проект был впервые представлен в январе 2015 г. на туристическом форуме в Красноярске и получил хорошие отзывы профессионалов туриндустрии.

Второй проект комплексного развития носит условное название «Научно-студенческий кампус» и ориентируется на вовлечение средств федерального бюджета. Речь идет о строительстве современного студгородка в Академгородке. Действующие общежития Новосибирского госуниверситета, построенные в 1960–1970-х годах, уже не вмещают возросший поток студентов, между тем программа по вхождению университета в «Топ-100» мировых вузов предполагает увеличение количества магистрантов в 2,5 раза, а общего количества студентов – на 40%. Да и сотрудникам НГУ, в том числе приглашенным из других городов и стран, нужно создать приемлемые условия для жизни. При этом мы хотим, чтобы наш проект не просто увеличил количество мест в общежитиях, но способствовал бы лучшей интеграции университета с наукой и инновационным

бизнесом. Сейчас мы прорабатываем концепцию такого кампуса для того, чтобы ее можно было представить официальным инвесторам и тем, кто решает вопрос с федеральным финансированием.

Кроме того, в функции агентства входит формирование и развитие проектов ГЧП, предполагающих строительство социальной инфраструктуры. Это особенно актуально сейчас, когда сократились возможности областного бюджета обеспечивать возведение необходимых объектов.

Недавно мы подписали соглашение с Фондом содействия реформированию ЖКХ РФ. Это позволило нам стать активным участником «упаковки» проектов по привлечению бизнеса к модернизации систем теплоснабжения в некоторых районах Новосибирской области. Таких проектов совместно с Минкомхозом области и муниципальными образованиями в настоящее время подготовлено 11. Из них получили положительную предварительную оценку федеральных структур четыре проекта с общим потенциальным объемом привлекаемых средств в Новосибирскую область свыше 1,5 млрд руб.

Следующий проект, который сейчас находится в работе, – это строительство на принципах ГЧП сети поликлинических учреждений. АИР в нем отвечает за привлечение и организацию работы инвестиционного консультанта, призванного разработать пакет конкурсной документации и обеспечить привлечение частного партнера.

– То есть речь идет о некоем портфеле проектов, реализуемых на определенных принципах. В какой степени готовности они должны находиться?

– Наша задача – проработка концепта и предложение эффективного организационно-финансового механизма реализации. Но, как и в случае с ПЛП, не исключается возможность и более глубокого вхождения в проект, вплоть до полной его реализации.

– Как строится работа по привлечению инвесторов? Существуют ли у вас какие-то отраслевые приоритеты, предпочтения, или кто пришел, тому и помогаете?

– Практический опыт привлечения крупных инвестиций, взаимодействия с инвесторами формировался в контексте приглашения резидентов в Промышленно-логистический парк.

Напомню, что их на сегодняшний день около двух десятков. И среди них не только те, кто, находясь в Новосибирске, решил расширить свой бизнес за счет новых объектов, но и компании, пришедшие из-за пределов нашего региона, в том числе иностранные.

Понятно, что решению о реализации крупного инвестиционного проекта всегда предшествует серьезная аналитическая работа по изучению условий ведения бизнеса и эффективности инвестиций; всегда есть варианты. Сотрудники агентства на данном этапе должны быть убедительны, помогая в детальном изучении возможностей. Конечно, в основе принятия решения инвестором лежит позитивная оценка общих конкурентных преимуществ региона, но успех дела решают знания о том, что именно здесь проект будет реализован с минимальными затратами времени и средств и впоследствии не встретит непредвиденных сложностей и лишних издержек. В этом смысле – территория ПЛП наилучшим образом подготовлена, чтобы удовлетворить таким запросам, а персонал агентства и управляющей компании принимают на себя обязательства сопровождать реализацию проекта на всех его этапах, включая выполнение работ по подключению к инженерной инфраструктуре, консультирование по всем вопросам, помогают в подготовке заявки для получения государственной поддержки проекта в соответствии с законодательством области.

Этот опыт в целом хоть и успешный, но все же, в известной степени, ограниченный. Правительством области перед агентством поставлена гораздо более масштабная задача – научиться привлекать внимание к региону активного российского и зарубежного бизнеса, способного реально ускорить процессы технологического обновления экономики региона, способствовать росту ее производительности. А это предполагает уже другое качество нашей работы.

И первое, что напрашивается, – это умение вести прицельный поиск будущих инвесторов. В основе этого должны лежать не просто понимание территориальных, логистических, человеческих преимуществ Новосибирской области, но и гораздо более определенные посылы региональной экономической политики к специальному усилению внимания к тем или иным секторам, отраслям, а может быть, и кластерам.

Такая концентрированность в подходах не вполне характерна для нашей области – мы гордимся очень высоким уровнем диверсификации сложившейся экономики. Однако современные прорывы некоторых регионов России в их развитии прямо связаны с усилением специализации в отдельных отраслях. Это справедливо по отношению и к Калужской области, и к Татарстану, и к Мордовии. Это и понятно: происходит концентрация как своих сил, так и ресурсов государственной поддержки, возрастают шансы привлечения внимания, а следовательно, и возможностей федеральных министерств и ведомств.

Выработка решений об усилении специализации региона – крайне непростой и очень ответственный выбор для руководства. Он не всегда задается логикой предыдущих экономических процессов, а порой требует проявления политической воли, для того чтобы пойти вразрез со сложившимися тенденциями.

– *Возможно, Вы имеете в виду постановку губернатором Новосибирской области задачи о создании и реализации «Программы реиндустриализации»?*

– Именно так! В 2000-е годы экономика области демонстрировала существенные темпы роста. Бурно росли торговля, транспорт, логистические услуги, операции с недвижимостью, финансовые и другие услуги.

Развивалась и промышленность. Однако ее рост носил восстановительный характер после обвала 1990-х, когда оборонно-промышленный комплекс стремительно деградировал, а новые высокотехнологичные производства почти не создавались. Не поправилась ситуация и в 2000-х годах.

В настоящее время доля промышленного производства в валовом региональном продукте едва дотягивает до 20%. Не изменив ситуацию в пользу высоких темпов роста производства, на одних традиционных услугах невозможно поднимать уровень доходов населения, бюджетов региона и муниципальных образований, да и сохранить высокий уровень высшего и профессионального образования, научный потенциал не удастся. А миграционные процессы будут вымывать высококвалифицированных и талантливых.

Противопоставить этим угрозам и негативным тенденциям руководство региона может и должно активную политику, направленную на создание современного высокотехнологичного

производственного потенциала. И в этой политике должны найти отражение, опять же, целевой подход и готовность к определенной специализации.

Подчеркну – идея специализации вовсе не предполагает пренебрежения развитием других сфер или подотраслей. Здесь работает принцип «главного звена», да и практика показывает, что существенные прорывы в правильном направлении дают стимулы и возможности к развитию во многих сферах.

Это видно даже на примере сельского хозяйства области. Стагнация в развитии мощностей по переработке сельхозпродукции заметна уже сейчас, а далее она, очевидно, будет основным тормозом для роста сельхозпроизводства. В то время как в мире этот рынок постоянно растет. Участие в международных поставках, да и более полное освоение собственного рынка без глубокой и эффективной переработки невозможно.

Агентство инвестиционного развития для успеха своей работы очень нуждается в точном определении приоритетных направлений и секторов, заинтересовано в завершении работы над программой реиндустриализации, понимая, что этот документ должен задать новую промышленную политику, которая поставит точные задачи и в инвестиционной сфере.

– *Следует ли понимать, что без этой программы Агентство инвестиционного развития не имеет ориентиров для расширения своей деятельности?*

– Вовсе нет! Мы и сейчас постоянно работаем над совершенствованием нашей деятельности.

Прежде всего, развиваем свои компетенции по привлечению инвесторов. Это связано с успешной работой с экономической информацией, необходимой для принятия решения нашими потенциальными инвесторами в пользу региона. Специалисты агентства систематизируют и выстраивают подачу информации, характеризующей условия экономической деятельности в Новосибирской области, которая позволяет рассчитывать на успех того или иного бизнес-проекта. Они повышают готовность оперативно помогать заинтересованным бизнес-структурам найти ответы на интересующие вопросы.

Ведется работа над превращением сайта агентства в эффективный инструмент привлечения внимания к региону, что оказалось несколько сложнее, чем представлялось изначально. Но мы

внимательно изучали не только отечественный, но и зарубежный опыт, и сумеем обеспечить необходимый уровень.

– *Те девять проектов реиндустриализации Новосибирской области**, которые были представлены на «Технопроме-2015», не кажутся вам достаточно привлекательными?

– Тут вопрос не в привлекательности, а скорее в хорошем понимании наличия необходимых факторов для действительно прорывного развития. И последующая работа над программой реиндустриализации как раз и направлена на то, чтобы тщательно оценить рыночные возможности, наличие базовых компетенций для новых направлений, состояние научно-технических и технологических заделов, возможность формирования кластерных сообществ, наконец, наличие фактических лидеров, способных обеспечить необходимую кооперацию, возглавить и скоординировать работу.

Проекты, сформированные с учетом всех этих обстоятельств, действительно могут стать «вытягивающими», и Агентство должно будет найти свое место в поддержке их реализации.

Хочу, однако, заметить, что вопрос о приоритетах не замыкается исключительно на определении важнейших промышленных проектов. Для агентства важно также сориентироваться и в территориальных приоритетах. А это уже связано с более конкретной постановкой задач по отношению к развитию Новосибирской агломерации и – созданию новых зон приложения труда, которые бы поддерживали появление новых селитебных зон, а также с пониманием возможностей развития экономики в периферийных территориях региона.

– *Как Вы оцениваете итоги инвестиционного рейтинга АСИ? Новосибирская область оказалась в не слишком почетной четвертой зоне...*

– Этот вопрос всесторонне обсуждался в правительстве области, и важнейшие выводы сделаны.

Понятно, что любой рейтинг, а тем более проводимый впервые, содержит в себе немало погрешностей. Но смысл этих действий не сводился к тому, чтобы просто построить всех по ранжиру и «раздать слонов». Главная его задача была в том, чтобы обратить внимание руководства регионов на те

* См. «ЭКО»-информ в данном номере. С. 58–63.

факторы, которые способны либо содействовать развитию инвестиционного процесса, либо тормозить его, а также привлечь внимание к лучшим практикам формирования благоприятного инвестиционного климата.

Через эту призму были рассмотрены многие аспекты организации работы федеральных и областных органов управления, деятельность инфраструктурных организаций. Сформирован план конкретных действий, направленных на совершенствование важнейших процессов.

Что касается Агентства инвестиционного развития, то его задачи получили соответствующее расширение. Прежде всего, это касается обеспечения работы с предпринимателями в части инвестиционной деятельности по принципу «одного окна». Об усилении этой работы я уже говорил.

Второе направление связано с расширением возможностей принятия инвестпроектов на подготовленные площадки. И здесь от нас требуется активизация работы по развитию системы парковых структур.

И еще одно направление – повышение эффективности работы всей системы структур, призванных создавать для бизнеса благоприятные условия и быть проводниками мер государственной поддержки. Агентство, выполняя роль «единого окна», стремится стать неким координатором в их работе, обеспечивая комплексный связный подход в организации содействия бизнесу.

При этом мы имеем в виду меры господдержки федерального и областного уровня.

Беседовала корреспондент «ЭКО» Э.Ш. ВЕСЕЛОВА

Инициатива снизу.

Опыт создания частного индустриального парка в Новосибирской области

Э.Ш. ВЕСЕЛОВА, кор. «ЭКО», Новосибирск

В статье освещается опыт формирования в Новосибирской области индустриального парка на площадке ЗАО «Новосибирская лизинговая компания».

Ключевые слова: индустриальный (промышленный) парк, промышленная политика, инвестиции, инфраструктура

Сдача в аренду офисных и производственных площадей сегодня является солидным источником доходов для многих промышленных предприятий. В Новосибирской области, по данным регионального правительства, не менее четырех десятков заводов активно приглашают арендаторов. Некоторые из них объявили о формировании на своей территории так называемых индустриальных парков – производственно-хозяйственных комплексов, специализирующихся на размещении новых производств. Вдохновляющим примером для них может служить ЗАО «Новая лизинговая компания», за 10 лет превратившая убыточные активы бывшего Новосибирского завода низковольтной аппаратуры (НВА) в единый производственный комплекс, обладающий мощным потенциалом развития и соответствующий всем критериям индустриального парка.

Индустриальный парк – это не просто промышленная зона или площадка, оснащенная инженерной инфраструктурой. Стандарт индустриального парка, утвержденный 30 марта 2012 г. правлением НП «Ассоциация индустриальных парков», дает следующее определение: «Индустриальный (промышленный) парк – это управляемый единым оператором (специализированной управляющей компанией) комплекс объектов недвижимости, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными помещениями и сооружениями, обеспеченный энергоносителями, инженерной и транспортной инфраструктурой и административно-правовыми условиями для размещения производств» [1].

Из 680 площадок, исследованных экспертами ассоциации, индустриальными парками (действующими или создаваемыми) на начало 2015 г. признаны только 120, из которых 65 – частные, 55 – государственные. Площадка ЗАО «НЛК» в этот перечень пока не входит, ей еще предстоит пройти сертификацию ассоциации. Но, по мнению экспертов, проблем с получением статуса индустриального парка возникнуть не должно: налицо не только соответствие формальным критериям (единое управление имущественным комплексом, способствующее развитию новых производств), но и бесспорная эффективность выбранной модели: только за 2010–2014 гг. объем выпускаемой на территории площадки продукции вырос в 3,5 раза. Поэтому далее в тексте будем называть площадку «НЛК» индустриально-промышленным парком.

Парк «НЛК» занимает территорию бывшего завода НВА и включает участок земли площадью 47 га, офисные (23 тыс. м²) и производственные площади (около 127 тыс. м²), а также инфраструктурные объекты (инженерные, тепловые и электросети, дороги, пожарное депо и т. д.). На территории парка осуществляют свою деятельность более 200 резидентов. Общий объем выпускаемой ими продукции за 2014 г. превысил 7 млрд руб.

Первые шаги

В советские годы Новосибирский завод низковольтной аппаратуры специализировался на выпуске патронов боевого и гражданского назначения, производил электротехнические изделия и пиротехнику, приводные роликовые цепи, автоматические выключатели, метизы, строительную и мебельную фурнитуру, оборудование для птицепереработки.

В результате цепочки преобразований и реструктуризаций в 2000–2006 гг. НВА прошел через процедуру банкротства и был ликвидирован, его производственные активы и земля перешли на баланс ЗАО «Новая лизинговая компания» («НЛК»), а на базе отдельных производств были созданы различные предприятия, включая ЗАО «Новосибирский патронный завод» («НПЗ»), который с 2004 г. является одним из арендаторов «НЛК».

«Мы до последнего пытались удержать наше производство на плаву, покрывали убытки от него за счет других видов деятельности, но в 2004 г. осознали, что производство, не при-

носящее прибыли, не только в конце концов само умрет, но и все остальное за собой потянет», – рассказывал генеральный директор «НПЗ» П. Я. Добрынин в интервью «ЭКО» [2]. – Сегодня на базе основных фондов НВА созданы разные предприятия, но мы не участвуем в их уставном капитале и не вмешиваемся в управление ими, довольствуемся тем, что нам платят за аренду площадей и оборудования... Вряд ли этот подход лучший или единственно верный, но у нас он оправдывает себя. Те, кто выжил, работают, если не выжил, мы не берем на свои плечи дополнительные нагрузки».

Поначалу о создании индустриального парка речи не шло. «На первом этапе нам надо было просто выжить: занять чем-то максимум площадей и получить средства на содержание основных фондов, потому что с конца 1980-х на заводе практически ничего не ремонтировалось, приходило в запустение, – вспоминает директор ЗАО «НЛК» А. С. Осадчий. – Тогда все руководители предприятий поголовно записались в девелоперы – внесли в уставные документы пункт “Управление имуществом”. Мы тоже стали управлять имуществом».

Часть этого имущества пришлось продать – для покрытия долгов и финансирования текущих расходов, в результате чего размер площадки, принадлежащей «НЛК», сократился с 75 до 50 га. При этом вся инфраструктура на проданных участках осталась под управлением «НЛК», что позволяет компании получать доход и сохранять управляемость всей площадки. Тогда же компания получила бесценный опыт работы, который позднее лег в основу ее концептуального подхода: **индивидуальная работа с инвестором значительно повышает стоимость актива**.

«Это было во время переговоров с компанией “Балтика”, которой мы хотели продать свой участок под строительство завода, – вспоминает А. С. Осадчий. – Я тогда встретился с Т. К. Боллоевым¹, и он поставил условие: купим эти объекты за определенную цену, но их надо соответствующим образом подготовить: привести в порядок инфраструктуру, получить заключение санэпидемстанции и т. д. Сегодня это воспринимается как что-то само собой разумеющееся, но в середине 2000-х

¹ Т. К. Боллоев – создатель и до 2004 г. генеральный директор пивоваренной компании «Балтика».

мы с такой практикой столкнулись впервые. На то, чтобы реализовать все эти условия, нам понадобилось восемь месяцев. Мы в результате все выполнили, получили деньги. Но главное – был накоплен первый опыт, как надо действовать».

«Индпошив»

«У наших предприятий, технопарков зачастую господствует чисто девелоперский подход: сначала построим, потом найдем, кому сдать в аренду, – рассуждает А.С. Осадчий. – Какая задача при этом решается? Быстрая отдача от инвестиций. Но мы-то как индустриальный парк ставим перед собой совсем другую задачу – привлечь компании, которые будут что-то производить. Значит, надо сначала найти эти компании, а потом уже, с учетом их специфических потребностей, нынешних и будущих, строить для них помещения. Наш путь – это “индпошив”, точная подгонка всех параметров, чтобы они способствовали развитию производства».

Сегодня этот подход реализуется в том, что потенциальный инвестор еще на этапе предварительных переговоров формулирует техническое задание к будущей площадке: площадь, покрытие пола, освещенность, связь, наличие и грузоподъемность крана, потребление и распределение электроэнергии, вплоть до цвета стен. «НЛК» делает ремонт за свой счет, но учитывает эти расходы при определении размера арендной платы.

«Все прозрачно. Стоимость квадратного метра устанавливается в зависимости от вложенных средств и продолжительности договора аренды, – объясняет глава «НЛК». – Срок окупаемости собственных инвестиций мы принимаем от трех до пяти лет. Средний срок договора аренды – около семи лет, но можно подписать договор и на два года, и на 10, 20 лет, – как пожелает заказчик. Чтобы подстраховаться, перед началом ремонтных работ берем аванс по арендным платежам за два месяца. Если предприятие передумает и не захочет въезжать на подготовленные для него площади, аванс остается у нас». При таком подходе арендные ставки остаются вполне конкурентоспособными, – уверяют в «НЛК», а все опрошенные резиденты «НЛК» подтверждают это (впрочем, не называя конкретных цифр). Во всяком случае, производственные компании охотно заключают долгосрочные договоры аренды.

«Мы впервые в своей практике столкнулись с таким подходом, когда все наши потребности учитываются, а пожелания выполняются точно и в срок», – комментирует генеральный директор ООО «Росспак» И. Ю. Дедюхин. Его компания в настоящее время переносит мощности в индустриальный парк «НЛК». В ремонт корпусов и коммуникаций, строительство трансформатора специально под потребности нового арендатора «НЛК» вложила около 20 млн руб. Переезд осуществляется в сжатые сроки без остановки производства. Пока в производственном помещении некоторые станки и стеллажи еще монтируются, часть оборудования уже работает, а в офисном здании заканчивают отделку душевых, собирают офисную мебель.

«До этого мы работали на площадке Новосибирского авиаремонтного завода, – продолжает И. Ю. Дедюхин. – Там нам предоставили помещение, в котором не было ни крыши, ни окон, ни дверей, как, впрочем, и в корпусах других предприятий (правда, арендная плата была ниже, чем в других местах). Все это пришлось восстанавливать не просто за свои средства, но и своими силами. Мы сами пристраивали помещение под склад, сами тянули 1,5 км кабеля до трансформатора (и сами договаривались с железной дорогой, потому что кабель шел через путепровод), нам пришлось купить технику, чтобы зимой чистить снег, отсыпать дорогу до корпуса. При этом сидели “на птичьих правах” – договор аренды заключался только на 11 месяцев, с ежегодным повышением ставок. На площадку “НЛК” первоначально планировали въехать на два года – пока строится наш производственный корпус в производственно-логистическом парке (“ПЛП”), но теперь точно останемся здесь надолго, а площадку в “ПЛП” используем для расширения бизнеса. Здесь такая структура услуг, что я могу полностью сосредоточиться на работе. Если на авиаремонтном заводе несколько человек занимались вопросами ремонта, расчистки территории, уборки мусора, энергетикой и т. д., то теперь их можно перевести на производственные процессы».

Конечно, далеко не все производственные помещения «НЛК» выглядят «как с иголочки». Одни предприятия («НПЗ», инструментальный завод) продолжают работать в старых корпусах советской постройки, там ремонт помещений идет без остановки производства и зачастую растягивается на несколько

лет; кто-то переезжал в спешке, для него успели только наскоро покрасить стены, поменять окна, освещение и поставить новые краны. Это все учитывается при установлении арендной платы. Но постепенно приводятся в порядок и старые здания, и вся территория: ремонтируются дороги, утепляются стены и окна, заменяются коммуникации, устанавливается видеонаблюдение, размечаются парковки. Строительные и ремонтные работы идут сразу в нескольких местах на территории парка.

Центры роста

Наладив первые финансовые потоки и подновив коммуникации, в «НЛК» осознали, что стабильность доходов прямо зависит от успешности арендаторов. «На втором этапе мы стали проводить ротацию арендаторов: избавляться от слабых и вялых и привлекать перспективных, способных стать центрами роста», – объясняет А.С. Осадчий.

Одним из основных таких центров стал Новосибирский патронный завод. В результате реструктуризации он избавился от множества прежних непрофильных функций (охрана, АХС, транспортное обеспечение и др.), сосредоточившись на производстве патронов. Все услуги получает по аутсорсингу, оборудование и площади арендует у «НЛК». Такая оптимизация основных затрат позволяет предприятию поддерживать конкурентоспособные цены и поставлять большую часть продукции на экспорт. По итогам 2014 г. на заводе получен двукратный рост производства. Соответственно выросли объемы получаемых на площадке «НЛК» комплектующих и услуг.

Второй точкой роста стало русско-венгерское СП «Унисибмаш» – производитель сельхозтехники, промышленного и нестандартного оборудования. «До прихода в “НЛК” в 2003 г. мы арендовали производственные помещения на “Сибсельмаше”, но из-за арендной политики и огромных сопутствующих расходов рентабельность производства была очень низкой, – рассказывает гендиректор СП А.И. Залевский. – Здесь сначала арендовали 1 тыс. м², потом 5, 10 тыс. Штат вырос с 40 до 300 человек, объемы товарного выпуска – до 500 млн руб. В 2010 г. приобрели когда-то принадлежавшее НВА производство приводных цепей [3], на его основе наладили выпуск транспортеров на комбайны. К 2014 г. благодаря грамотной политике взаимоотношений

с арендаторами смогли накопить средства и купить на соседнем “Луче” помещение “под себя”, – 17 тыс. м² (компания «Росспак» сегодня въезжает в помещения, освобожденные «Унисибмашем». – *Прим. «ЭКО»*), а цепное производство до сих пор остается на территории “НЛК”. Думаю, мы еще будем заниматься совместными проектами».

Остальных арендаторов руководство «НЛК» стало подбирать таким образом, чтобы по возможности наладить внутреннюю кооперацию на площадке или обеспечить предоставление тех или иных услуг. Сегодня здесь работают фирмы, которые обеспечивают основные товаропроизводящие предприятия инструментом, запасными частями, изделиями из дерева, оказывают им услуги связи, охраны, вывоза мусора, уборки помещений, строительства, экспедиции. На территории парка действуют несколько точек питания, две парикмахерских, аптека.

«Я на этой площадке могу найти для себя любой тип помещений, – комментирует С. В. Корнеев, владелец нескольких компаний-арендаторов «НЛК». – Где-то это будет дороже, где-то дешевле, но все свои желания я могу здесь удовлетворить. А так как мои интересы соприкасаются с интересами множества других арендаторов, возникает некое взаимодействие, способствующее общему развитию. Очень удобно и то, что руководство “НЛК” доступно в любое время, по любым вопросам. Личные контакты в бизнесе очень важны, а здесь они очень тесные. Такое отношение к делу для меня лично служит примером и обозначает высокую планку во взаимоотношениях с другими компаниями».

Стоимость коммунальных и иных услуг в арендную плату не входит, за них нужно платить отдельно. «НЛК» не вмешивается в ценовую политику поставщиков, но по мере возможности поддерживает конкуренцию и обеспечивает прозрачность учета.

«У каждого арендатора стоят электронные счетчики электроэнергии, газа и воды, по всем услугам мы заставляем делать паспортизацию, чтобы можно было в любой момент оценить точный объем работ, – объясняет А. С. Осадчий. – Все это в электронном виде, доступно для любого контроля».

Периодически набор услуг расширяется. Так, за последние несколько лет в дополнение к бесплатной парковке у бизнес-центра на территории «НЛК» появились три платные –

с дифференцированными тарифами, в зависимости от удобства расположения, по всей территории индустриального парка осуществляется видеонаблюдение. «Мы никому ничего не навязываем, – говорит глава «НЛК». – И никогда не вводим новые платные услуги, если нет альтернативы. Если люди понимают, за что они платят, проблем не возникает. Хочет человек делать что-то сам – нет вопросов, но мы готовы предоставить весь комплекс услуг, включая взаимодействие с пожарной инспекцией, экологами, СЭС, – по вполне конкурентным ценам».

«НЛК» эволюционно подошла к той модели бизнеса, которую реализуют наиболее успешные частные индустриальные парки, – комментирует директор консалтинговой компании «МОСТ Маркетинг» В.Н. Ларионов (Москва). – Основная тенденция такова, что в доходах управляющих компаний доля арендных платежей постепенно снижается и возрастает доля сопутствующих услуг. В России есть примеры, когда управляющие компании в пакет услуг резидентам включают не только коммунальные, уборку территории и вывоз ТБО, но и бухгалтерское, юридическое сопровождение, взаимодействие со всеми проверяющими органами, вплоть до услуг кредитного брокера (посредничество при получении кредитов) и продвижения товара на рынок (путем создания торгового дома). «НЛК» тоже идет в этом направлении, по которому развиваются все успешные парки».

Развитие площадки

За 10 лет «НЛК» вложила в развитие площадки порядка 700–800 млн руб. – точный объем капитальных вложений здесь не подсчитывали, поскольку инвестиционный процесс во многом определяется запросами новых арендаторов и рефинансируется из текущих платежей. «Мы некоторое время назад отказались от кредитов из-за дороговизны, поэтому модернизация основных фондов идет медленнее, чем хотелось бы», – сетует А.С. Осадчий.

В 2007 г. на месте бывшей заводской проходной, впритык к старому административному корпусу построили 13-этажное здание бизнес-центра, общий объем офисных площадей увеличился на 9 тыс. м² – до 23 тыс. м².

«Заполняемость бизнес-центра у нас в среднем около 90%, хотя арендная плата выше, чем в центре города, – комментирует

глава «НЛК». – При этом, в отличие от чисто офисных центров, в кризисные годы спад практически не ощущается: мы росли в 2008 и в 2009 гг., и по итогам 2015 г. тоже ожидается рост. Причина простая: мы стараемся “заселять” в бизнес-центр в первую очередь те компании, которые имеют производство на нашей площадке или у соседей – на “Луче”, “Сибсельмаше”. Им удобно, когда офис и производство находятся поблизости, а для нас это дополнительная гарантия стабильности: производство – достаточно инерционная вещь, его так просто не закроешь, не перенесешь. А для того чтобы облегчить своим арендаторам управление издержками, мы придумали свои меры. Например, за своевременное перечисление арендных платежей предоставляем скидку в 20%, для некоторых компаний график платежей согласовываем с сезонными пиками-спадами производства, закупаем оборудование для предоставления в аренду, если эффективность его использования достаточно хорошо просматривается. Очень помогает стабилизировать экономику и кооперация внутри площадки».

В 2014 г. «НЛК» за свои средства отремонтировала дорогу, которая, соединяя две ее площадки, проходит по территории соседей – ПО «Луч» и ОАО «Сибсельмаш». Оба предприятия находятся в стадии банкротства, им не до инвестиций, но на их территории, которая прилегает к отремонтированной дороге, сейчас наметилось оживление – стали появляться арендаторы, новые собственники. Многие из них часть услуг и работ по аутсорсингу получают от резидентов «НЛК».

Одним из наиболее масштабных проектов «НЛК» обещает стать запуск инструментального завода. «Несколько наших резидентов имеют оборудование по производству и оснастке инструментов для сложных изделий, но мало у кого оно загружено на 100%, в то же время каких-то станков, наоборот, не хватает, – рассказывает А. С. Осадчий. – До сих пор все взаимодействие осуществлялось на кооперационных связях, но сейчас мы хотим создать акционерное общество или ООО с долевым участием нескольких наших резидентов, купить необходимое оборудование и создать полноценный инструментальный завод, который бы выполнял весь комплекс услуг, от моделирования до конечного изделия. По нашей оценке, совокупный заказ на инструменты и оснастку только внутри нашей площадки составляет около

200–300 млн руб., а в перспективе можно будет работать на всю Новосибирскую область и дальше».

На территории «НЛК» уже зарезервирована площадка под будущий завод, имеется необходимый запас энергетических мощностей, есть оборудование и специалисты, пока разбросанные по разным компаниям. Основообразующим предприятием должно стать ООО «Проект-Р», выросшее из бывшего инструментального производства НВА. Его гендиректор В.П. Навруев полагает, что наличие «в двух шагах» завода по производству оснастки значительно повысит инвестиционную привлекательность и площадки «НЛК», и Новосибирской области в целом. Уже сегодня его предприятие выполняет заказы для оборонных заводов нескольких соседних регионов и стран СНГ. «Везде нужны резцы, штампы, пресс-формы, а мы смогли сохранить это производство на очень хорошем уровне, – подчеркивает В.П. Навруев. – Для патронной промышленности мы каждый месяц выполняем по 300 номенклатур изделий с высокой точностью – от 1 до 0,01 микрона, основали сопутствующее производство точной механообработки».

За последние 5–6 лет «НЛК» вложила порядка 100 млн руб. в покупку оборудования для завода: приобретено 12 современных станков с ЧПУ, переоснащен гальванический цех. Чтобы закончить модернизацию производства, по оценке В.П. Навруева, только в оборудование нужно вложить еще около 100 млн руб. Сопоставимая сумма понадобится на строительство новых современных корпусов.

«В “НЛК” создана и отработана эффективная модель поддержки новых производств. За 10 лет они доказали, что умеют работать, – поддерживает коллег глава ООО «Сибирский проект ТПД» С.А. Брагин. – До прихода сюда в 2001 г. наша компания несколько лет арендовала площади на “Сибтекстильмаше”, и с каждым годом там обстановка становилась все хуже и хуже, пока нам не предложили освободить помещение в течение двух месяцев – завод распродал имущество за долги. Мы переехали на площадку “НЛК” в авральном режиме, и с тех пор идет постоянное развитие. Здесь есть порядок, и это чувствуется. Сюда можно вкладывать деньги. Наша компания станет одним из первых заказчиков нового завода. Сейчас мы уже достигли такого уровня, когда отсутствие современного инструментального

производства становится сдерживающим фактором развития. В апреле 2015 г. мы представили свою инновационную разработку системы пожаротушения министру энергетики А.В. Новаку. У нее хороший потенциал, аналогов по техническому уровню в мире не существует, просматривается обширный рынок. Но для того чтобы запустить изделие в серию, необходима качественная оснастка».

В расчете на государственную поддержку этого инвестпроекта руководство «НЛК» намерено получить аккредитацию площадки в качестве полноценного индустриального парка. По мнению экспертов, проблем с получением такого статуса у «НЛК» возникнуть не должно. «То, что я услышал о деятельности ЗАО “НЛК”, полностью соответствует стандарту, разработанному ассоциацией индустриальных парков, – отмечает В.Н. Ларионов. – Правда, этот стандарт не вполне официален, но он практически полностью соответствует новому ГОСТу Р-56301 “Индустриальные парки”, который вступает в силу 1 сентября 2015 г., и, на мой взгляд, проблем с получением сертификации по этому ГОСТу тоже возникнуть не должно. Это важно, поскольку с 1 сентября наличие такой сертификации будет обязательным условием для получения господдержки».

В дополнение к весьма ощутимым мерам федеральной государственной поддержки частных индустриальных парков, включающим гарантии, субсидии и специализированные кредитные продукты госбанков, в Новосибирской области разрабатываются собственные меры такой поддержки. В частности, по словам начальника управления инвестиционной политики и территориального развития регионального Минэкономразвития Л.Н. Решетникова, проект изменений в закон Новосибирской области № 97 «Об инвестиционной деятельности», помимо прочего, предполагает предоставление льгот по налогу на прибыль и на имущество (в части, зачисляемой в региональный бюджет) компаниям, управляющим частными индустриальными парками.

Прямая речь

Гендиректор ЗАО «НЛК» **А.С. ОСАДЧИЙ** ответил на вопросы «ЭКО».

– *Александр Семенович, в Новосибирске множество промышленных площадок, не использующих свой потенциал. Поделитесь*

опытом, сколько нужно вложить средств для того, чтобы запустить такой индустриальный парк, как «НЛК»?

– Вы допускаете ту же ошибку, что и многие другие. Все думают в первую очередь о деньгах, но дело-то вовсе не в них. В России множество технопарков, созданных на бюджетные средства, а деятельность в них не ведется. И мотивации работать нет – все же даром досталось. Главное, что нужно для деятельности индустриального парка, – это люди. Надо привлечь на площадку активных людей и создать им такие условия, чтобы они начали развиваться. Как минимум – снять с них те задачи, которые не свойственны их бизнесу. Эта задача «сверху» не решается. И сделать это скоро тоже не получится. Быстрее, чем за 10–15 лет, индустриальный парк не раскрутить. Мы уже 10 лет работаем, а работе – конца не видно.

– В таком случае поделитесь, как Вы подбирали людей?

– У меня есть любимая задачка: что нужно, чтобы испечь бублик?

– Надо взять продукты, затопить печку...

– Вы опять начинаете с денег... Деньги – это всего лишь инструмент. С моей точки зрения – надо найти человека, который умеет и хочет делать бублики. То есть человека с правильной мотивацией. Было бы желание, а печку можно и в аренду взять... Если вы создаете индустриальный парк, в него нужно привлекать тех людей, которые не деньги хотят зарабатывать, а расти – прирастать производством, внедрять что-то новое, вкладываться в свое развитие. А для того чтобы привлечь таких людей, надо самому таким стать: прибыль не себе в карман класть, а вкладывать в развитие: строить дороги, вводить новые услуги. Личный пример, причем не на словах, а на деле, это первое условие, чтобы в парк пошли инвестиции.

– Означает ли это строгий отбор резидентов? Вы многим отказываете? По каким основаниям?

– Естественно, мы удовлетворяем не все заявки подряд. Это моя работа – искать людей и компании, которые мне интересны. К счастью, вопрос ротации возникает не каждый день, у нас же все договоры долгосрочные... Кого-то рекомендую, кто-то приходит сам, я всех выслушиваю, если надо – навожу справки. Если человек рассказывает, что у него есть идея, но нет денег ее реализовать, – это не тот разговор. Нам интересны те, что начал

с имеющимися ресурсами и постепенно развивается, растет. Мы таких ищем.

– *Как обеспечивается дисциплина платежей? Например, в связи с кризисом у отдельных компаний могли возникнуть проблемы со сбытом...*

– У нас не возникает проблем с неплатежами. Во-первых, арендаторы у нас воспитанные. Они же видят, что все прозрачно, разумно, платят за услуги без проблем. Во-вторых, мы стимулируем своевременную оплату разными мерами. В-третьих, во всем соблюдается принцип разумности. Например, в последний кризис мы заморозили тарифы на три года, хотя по договору имеем право поднимать их на 5% в год. Я всегда говорю, что у нас нет арендаторов – есть партнеры. А работа с партнером подразумевает соблюдение баланса интересов.

– *А как вы добиваетесь добросовестной работы и адекватных цен от поставщиков услуг? Это же независимые компании, или у вас есть какие-то рычаги влияния?*

– Каких-то специальных мер не применяем. Главное – найти на ключевые позиции правильных людей. Каждый процесс построен как бизнес. И практически по всем услугам есть альтернатива. Если кто-то будет плохо работать, он потеряет клиентов. А у нас клиентура – очень привлекательная: объемы растут, платежи перечисляются вовремя. Уборщики, охранники и другие стоят в очередь, чтобы сюда попасть, в том числе – компании федерального уровня. Многие хотят зайти на эту поляну. Здесь удобно работать. На «Сибсельмаш», например, никто не хочет. Там дикий рынок, у нас – развитый капитализм.

– *А с монополистами как решаются вопросы? С энергетиками проблем не возникает?*

– Поставку электро- и теплоэнергии мы полностью берем на себя. На НВА были выделены лимиты мощности 16 МВт, они полностью перешли ЗАО «НЛК». Мы в этих пределах можем свободно работать. Несколько лет назад построили газовую котельную, так что тепло тоже свое. И, естественно, сетевое распределение внутри площадки делаем сами. Арендаторы оплачивают тепло- и электроэнергию как возмещение коммунальных услуг, а непосредственно с «Энергосбытом» общаемся мы сами как основной потребитель.

– *Сколько человек работает в управляющей компании «НЛК»? Как распределяются обязанности?*

– В штате ЗАО «НЛК» всего восемь человек, включая меня; вместе с совместителями – двадцать. У каждого своя зона ответственности, зона получения прибыли и сокращения затрат. Управляющая компания является непосредственным владельцем активов и сама осуществляет контакты, ведет договоры с поставщиками ресурсов и всеми внешними организациями. Есть еще ООО «Гамма», которое по договору с «НЛК» несет функции административно-хозяйственной части на территории (юридическое сопровождение договоров аренды, уборка помещений бизнес-центра, утилизация мусора и т. д.). Там в штате 66 человек. За энергетику, водоснабжение и коммуникации на территории отвечает ООО «Сибирь-проект-монтаж». Связь и Интернет обеспечивает «Связь-Сервис». Со всеми этими предприятиями «НЛК» работает на договорной основе. Помимо «НЛК» все эти компании оказывают услуги арендаторам, сторонним организациям и на этом зарабатывают. Организационно это напоминает холдинговую структуру: каждый процесс построен как бизнес. ЗАО «НЛК» осуществляет финансовое управление.

– *Вы работаете уже достаточно долго. Остался ли запас площадей, мощностей под развитие?*

– Есть еще и то и другое. На несколько лет развития точно хватит.

– *А если вам предложат взять в управление соседнюю площадку, например, «Сибсельмаш», согласитесь?*

– Уже предлагали. Но я понял, что ее собственник в долгосрочных инвестициях, промышленном развитии площадки не особенно заинтересован: хочет побыстрее привести в нормальное состояние и продать. Мне это неинтересно, я отказался.

– *Такое впечатление, что у вас на площадке проблем вообще нет...*

– Почему же? Многие здания старые, соответственно, где-то крыша течет, где-то теплопотери выше нормы. За всем этим надо следить. Рук, средств на все сразу не хватает. Но мы эти проблемы решаем. Сложнее с соседями. «Сибсельмаш», например, уже который год находится в стадии конкурсного производства,

на «Луче» очень сложное финансовое положение, следовательно, инфраструктура в плохом состоянии. А площадка исторически единая: вода, канализация, коллекторы общие. Поэтому если большие соседи плохо себя чувствуют, проблема возникает и у нас. Пару лет назад зимой на «Сибсельмаше» канализацию прорвало, так мы еще долго боролись с последствиями потопа. Дорогу вот пришлось за свой счет ремонтировать – по сути, на чужой территории.

– *Можно как-то тиражировать ваш опыт развития индустриального парка?*

– Пожалуйста! В Библии написано «дорогу осилит идущий», но не сказано, ни как долго идти, ни что потом получим. Я об этом размышлял... На мой взгляд, речь идет, конечно, о дороге к Богу. И дорога эта бесконечна. Ты не можешь остановиться, передохнуть, отвлечься. Надо постоянно идти, работать, что-то преодолевать... Так и тут. Если ты хочешь создать что-то стоящее, что останется после тебя, надо принять, что путь будет долгий и трудный. Главное – идти и никуда не сворачивать.

Литература

1. URL: <http://www.indparks.ru/certification/standard/> (дата обращения: 06.07.2015).
2. Добрынин П. Я., Курцевич А. И. Три десятилетия из жизни российского директора // ЭКО. – 2013. – № 6. – С. 46–69.
3. URL: <http://www.unisibmash.ru/> (дата обращения: 08.07.2015).

Девять направлений реиндустриализации Новосибирской области

Программа реиндустриализации Новосибирской области находится пока в стадии формирования, но ее концепция, разработанная специально созданным экспертным советом, была представлена в ходе Международного технологического форума «Технопром-2015». Она включает девять мегапроектов, которые, по мнению экспертов, могут стать «вытягивающими» для экономики региона.

«Применительно к нашим условиям мы предлагаем понимать реиндустриализацию как некий структурный маневр по переходу на новое качество экономического роста, базирующееся на реализации основных конкурентных преимуществ региона, – подчеркнул первый вице-губернатор Новосибирской области А.К. Соболев, представляя концепцию участникам форума. – При таком подходе реиндустриализация затрагивает все сферы экономики: и промышленность, и сельское хозяйство, и сектор высокотехнологичных услуг». Для включения в концепт программы экспертным советом были отобраны девять комплексных направлений развития, или «мегапроектов», которые «имеют реальные заделы и практические результаты», а именно:

- «Сибирская биотехнологическая инициатива»,
- «Кластер микро-, нано- и биоэлектроники»,
- «Инновационные материалы»,
- «Аддитивные технологии»,
- «Умный регион»,
- «Инжиниринговый пояс Академгородка»,
- «Сибирский наукополис»,
- «Здоровая Сибирь»,
- «Кадры для реиндустриализации».

Межрегиональный проект **«Сибирская биотехнологическая инициатива»** нацелен на обеспечение продуктовой, медицинской и экологической безопасности России и импортозамещение на основе восстановления и модернизации биотехнологической

отрасли. В его рамках будут разрабатываться технологии для лесного и сельского хозяйства, фармацевтики, пищевой промышленности, экологии и биомедицины.

По словам новосибирского вице-губернатора, в 2016 г. планируется оформить «Сибирскую биотехнологическую инициативу» на уровне программы, утвержденной специальным постановлением Правительства РФ. Её межрегиональный характер представляет особый интерес для укрепления интеграционных межрегиональных процессов на территории Сибири.

«Программа будет реализовываться в Новосибирской, Томской, Кемеровской, Омской, Иркутской областях и в Красноярском крае, – рассказал директор ГАУ Новосибирской области Агентство формирования инновационных проектов «АРИС» А. Н. Ремённый. – Объём продукции, который сегодня выпускается с применением биотехнологий в этих регионах, составляет не менее 30 млрд руб.». В результате реализации проекта предполагается модернизировать производственно-технологическую базу до мирового уровня и добиться увеличения производства и потребления биотехнологической продукции в 20 раз.

Проект создания **кластера микро-, нано- и биоэлектроники** нацелен на развитие элементной базы современной полупроводниковой электроники на новых физических принципах и новых материалах и ориентирован на создание приборов и устройств нанoeлектроники, нанофотоники, спектрономики, сенсорики, квантовых информационных систем, в том числе – двойного назначения. Одним из элементов кластера станет технологический центр прототипирования – мини-фабрика по производству пилотных образцов изделий, проект которой «прошёл самую строгую экспертизу в Кремниевой долине и максимально готов к реализации», – рассказал председатель СО РАН академик А. Л. Асеев. Включение в программу создания кластера оборонных предприятий с проектом «Сибирская электроника» позволяет рассчитывать на получение федеральной поддержки.

Кластер инновационных материалов будет ориентирован на замещение традиционных материалов в основных отраслях промышленности Новосибирской области и других регионов более эффективными инновационными. Участники проекта – институты новосибирского Академгородка и другие научные

организации и промышленные предприятия, в том числе из Красноярского края и Иркутска.

Проект формирования металло-машиностроительного **кластера аддитивных технологий** направлен на создание технологического базиса для выращивания сложных изделий из металла. «В металлургическую часть кластера закладывается накопленный научный задел Института химии твердого тела и механохимии СО РАН и ряда других институтов Сибирского отделения по созданию металлических порошков и порошковых композиций, а также серьезный производственный и технологический задел по выплавке порошковых материалов НПП электроплазменного оборудования и систем, имеющего опыт создания уникальных технологий и оборудования для атомной, оборонной, авиационной промышленности и ряда машиностроительных отраслей», – рассказывает А. К. Соболев. По его словам, процесс отработки кластера продолжается, ожидается поддержка от Правительства РФ и Фонда перспективных исследований.

Региональный вытягивающий проект «**Умный регион**» нацелен на совершенствование среды жизнедеятельности и предполагает управление экономикой, социальной сферой, транспортно-портной системой, экологией и жизнеобеспечением с помощью информационных технологий. Он создан для того, чтобы сделать проживание в Новосибирской области максимально комфортным и безопасным. Базовыми направлениями будут являться транспортный комплекс, сфера ЖКХ, системы энергоэффективности и энергосбережения, интеллектуальные системы в здравоохранении, современные образовательные системы и обеспечение безопасности. Реализация таких проектов, как «Интеллектуальная транспортная система», «Умные системы в сфере ЖКХ», «Безопасный регион», позволит поддержать региональных производителей отечественного оборудования и информационных систем, повысить инвестиционную привлекательность региона.

В частности, одним из существенных конкурентных преимуществ и инвестиционно-привлекательных факторов региона является наличие развитой транспортной инфраструктуры. Примеры инновационных разработок в этой сфере – комплексная информационная система «Умная остановка», бортовой навигационный комплекс, единая региональная навигационно-информационная система контроля транспорта Новосибирской области, системы

геоаналитики, весогабаритного контроля транспорта и мониторинга транспортных потоков, информирования водителей и др.

Среди перспективных разработок в создании интеллектуальных систем в сфере ЖКХ Новосибирской области – интеллектуальные приборы учета электроэнергии, системы автоматического регулирования потребления энергоресурсов и частотного регулирования электроприводов, распределительно-коммутационное оборудование, а также информационная система центра обработки обращений населения.

В сфере безопасности современные информационные технологии позволяют создавать комплексные территориально-распределенные системы мониторинга и предотвращения неблагоприятных событий, а также специальные системы защиты и уничтожения (изоляция) источников: системы видеонаблюдения, видеоаналитики и оповещения населения, а также мониторинга инфраструктурных и инженерных сооружений на базе ГЛОНАСС/GPS, интеллектуального анализа данных, телекоммуникационное оборудование. Использование информационных технологий для «умного региона» открывает перед ИТ-компаниями огромный перспективный рынок. «Над концепцией “Умного региона” мы работаем совместно с региональным правительством, с Департаментом информатизации и развития телекоммуникационных технологий Новосибирской области, – говорит руководитель ассоциации «Сибакадемсофт» И. А. Травина. – Цель – достижение качества человеческого капитала. В конкурентной борьбе за наши кадры у нас нет другого пути, чем предоставлять им наилучшие условия жизни».

Мегапроект **«Инжиниринговый пояс Академгородка»** призван стать полноценной заменой системе бывших отраслевых НИИ – это необходимый и дополняющий элемент в треугольнике «Новосибирский научный центр – Технопарк новосибирского Академгородка – региональная промышленность». Проект включает как действующие инжиниринговые центры, где отработаны организационные механизмы и есть инвесторы, так и новые перспективные. «Мы пока не отвечаем на текущие научно-технические вызовы, – констатирует заместитель председателя СО РАН академик В. М. Фомин. – Нам требуются системные меры: соответствующие структуры при научно-исследовательских

институтах, технических вузах, технопарки, опытные заводы, малые и средние инжиниринговые компании и многое другое». Академик представил проект Центра технологических компетенций по машиностроению, механообработке и цифровому конструированию, который будет реализован с участием регионального Минпрома и институтов СО РАН, уже сегодня производящих на своих мощностях определенную продукцию.

Стратегическая инновационная инициатива **«Сибирский наукополис»** призвана стать новой важнейшей точкой роста новосибирской агломерации, объединяющей научную, инженерную и транспортную инфраструктуры, городскую среду, свободные площади Академгородка, наукограда Кольцово, поселка Краснообск и территории Нижней Ельцовки. «Территориальная близость и возможность научной интеграции дают основание рассматривать их как единое пространство науки, образования, инжиниринга и производства инноваций и как своеобразную территорию опережающего развития новосибирской агломерации», – комментирует новосибирский вице-губернатор.

Комплексный инновационно-социальный мегапроект **«Здоровая Сибирь»** ставит своей задачей превращение Новосибирской области в центр инновационной медицины и эффективной системы организации здравоохранения, лидирующий по ряду направлений в стране. «На современном этапе предполагается развитие кластера высокотехнологичной медицины и формирование биофармацевтического кластера, активное включение системы здравоохранения области в тестирование и демонстрацию инновационных медицинских препаратов, материалов, технологий, а также подготовку медицинских кадров, обладающих современными компетенциями, например, врача-биотехнолога и врача-исследователя», – объясняет А. К. Соболев. По его словам, реализация проекта согласована с региональной программой развития здравоохранения до 2020 г. и находится в русле общегосударственной стратегии импортозамещения, работая на обеспечение лекарственной и технологической национальной безопасности.

Комплексный проект **«Кадры для реиндустриализации»** ориентирован на подготовку специалистов для новой промышленности на основе современной производственной базы и лучших образовательных технологий. Проект имеет характер

обеспечивающего, создающего условия для реализации всей программы реиндустриализации.

«Сформированные мегапроекты – прорывные проекты экономического и социального развития региона, реализация которых требует современных организационных подходов. Прежде всего это смещение акцентов государственной поддержки в сторону завершающих этапов производственного цикла – формирование спроса на инновационную продукцию со стороны как государственного и муниципального заказа, так и коммерческих предприятий.

Одна из главных особенностей программы – акцент на механизмах, которые включают финансовые, экономические и институциональные инструменты. Первые направлены на расширение источников финансирования и снижение стоимости привлекаемых ресурсов, экономические инструменты – это снижение барьеров для создания и продвижения бизнеса, продвижения продукции и брендов за пределы области, стимулирование технологической модернизации и развития на основе госзакупок различных форм ГЧП. Институциональные мероприятия направлены на улучшение законодательно-нормативной базы и инвестиционного климата региона, снижение рисков регуляторной и административной среды и развитие информационного обмена.

Основной результат, на который мы рассчитываем – это не просто рост производства, занятости, налоговой базы, а, по сути дела, – создание новой архитектуры экономики Новосибирской области, улучшение качества экономического роста», – подытожил А. К. Соболев.

Инновационное развитие предприятий машиностроения как фактор роста экономической защищенности региона (на примере Новосибирской области)

Л.И. ЛУГАЧЁВА, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный университет,

Т.С. СОБОЛЕВА, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

В статье проанализированы инновационная деятельность регионального машиностроения Новосибирской области, особенности протекания инновационных процессов в отрасли в условиях введения санкций. Обсуждаются направления расширенного сотрудничества бизнеса и государства в рамках импортозамещения, возможности корректировки мер, направленных на активизацию инновационной деятельности предприятий машиностроения в условиях экономической блокады.

Ключевые слова: экономическая защищенность, санкции, импортозамещение, инновации, региональное машиностроение

Проводимая в Новосибирской области политика импортозамещения и экономической защищенности одной из основных целей ставит формирование комплекса высокотехнологичных производств и расширение позиций на рынках наукоемкой продукции. С этой целью в области задействованы такие механизмы создания и продвижения инновационной продукции, как участие в федеральных целевых программах, модернизация производства с учетом групповых интересов, создание новых и переформатирование старых кластеров, появление предприятий 6-го технологического уклада и строительство новых заводов¹, растущий госзаказ для ОПК и др. Властные структуры для усиления конкурентных преимуществ стремятся сократить существующий разрыв между высоким научно-техническим потенциалом региона и недостаточной восприимчивостью его производственной системы к инновациям.

¹ ООО «Термокаб» по созданию в течение двух лет производства огнестойкого кабеля, ООО «Маком», производящее молочные мини-заводы, завод по производству торгового холодильного оборудования – дочернее предприятие крупной транснациональной корпорации Arneg и др.

Поворот к реальному производству

В начале 2000-х гг. на волне роста финансового сектора и сферы услуг в экономике Новосибирской области властные структуры считали, что основной доход региону должны приносить финансовые операции. Большинство машиностроительных предприятий постепенно сдавали свои позиции, снижая объемы экспорта, значительно сокращая персонал. За 2000–2007 гг. доля машиностроения и металлообработки в объеме промышленного производства области упала с 25,9% до 20,9%, а трудовой потенциал комплекса сократился на 8,6%. Переоценка ценностей началась после 2008 г., когда стало понятно, что невозможно жить без мощной опоры в виде реального производства и наращивать темпы экономического роста без модернизации промышленности [1].

В период восстановительного роста в инновационной сфере Новосибирской области появилась необходимая «критическая масса» финансирования из различных источников, сокращалась диспропорция между фундаментальными, прикладными исследованиями и разработками, интенсивно стали формироваться инфраструктура и связи между основными звеньями инновационной системы – научными организациями, малыми инновационными предприятиями и промышленностью. За 2010–2013 гг. доля инновационно-активных предприятий в области выросла на 88%, резко увеличился объем инвестиций в основной капитал, в том числе у инновационно-активных предприятий – почти в 6,5 раза (табл. 1).

Таблица 1. Показатели развития инновационно-активных предприятий Новосибирской области в 2010–2013 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013
Число предприятий, осуществлявших технологические инновации, ед.	51	80	84	96
Среднесписочная численность работников, чел.	48132	53936	57429	61193
Из них с высшим образованием	14055	19244	22819	23765
Объем отгруженной инновационной продукции (без НДС и акциза) и оказанных услуг инновационного характера, млн руб.	12665,3	12834,9	20379,9	31296,1
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	6256,1	6913,7	11285,2	41886,4

Источник табл. 1–2: стат. бюлл.: Наука и инновации в Новосибирской области в 2009–2013 гг. – Новосибирск: обл. комитет гос. статистики, 2014. – С.64; Наука и инновации в Новосибирской области в 2007–2011 гг. – Новосибирск: обл. комитет гос. статистики, 2013. – С. 63.

С введением санкций подход к развитию промышленности региона пересматривается, она вновь становится основным инструментом для экономического роста. Новая геополитическая ситуация усилила обеспечение заказами оборонных предприятий и дала толчок инновационно-технологическому развитию. Область входит в число девяти субъектов РФ, имеющих большой удельный вес предприятий, участвующих в реализации государственного оборонного заказа. В рамках концепции реиндустриализации властные структуры области предполагают, что в будущем экономика будет расти именно за счет повышения роли и конкурентоспособности оборонного и гражданского машиностроения, поскольку предпринимательство и бизнес-структуры в машиностроении являются основными потребителями инноваций, которые генерируют научно-исследовательские структуры региона.

Сотрудничество Сибирского отделения РАН и машиностроительных заводов Новосибирска происходит по следующим направлениям:

- Институт горного дела (ИГД СО РАН) создал серию пневматических молотов, которые используются, в частности, для водоотводящих и водоподводящих систем. Новосибирский завод «Сиблитмаш» уже выпустил около 40 технических комплектов такого оборудования, в том числе и для новосибирского Горводоканала;

- совместные проекты компании «Сухой» и СО РАН касаются разработки военного самолета пятого поколения, а также гражданского самолетостроения с улучшенной аэродинамикой. Для Новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова четыре НИИ Академгородка разработали новые типы покрытий, применяемых для повышения износостойкости стекол кабины самолета (их получают с помощью методов вакуумного магнетронного напыления и с применением композиционных материалов). НАПО начинает сотрудничество с Институтом автоматики и электрометрии СО РАН по разработке коммерческого беспилотника «Квадрокоптер», имеющего вертикальный взлет и высокую маневренность. «Квадрокоптер» работает без участия человека и может выполнять задачи любой сложности – зависнуть в воздухе или двигаться по траектории в помещении, куда доступ человеку ограничен – например, в задымленном или

зараженном радиацией. Беспилотные летательные аппараты – одно из наиболее перспективных направлений в современной авиационной промышленности;

- Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН разработал новые катодные материалы для аккумуляторов, конденсаторов и топливных элементов из железо-фосфата лития. В настоящее время корпорацией «Роснано» реализуется инвестиционный проект в Новосибирске по строительству производства литий-ионных батарей²;

- развитие специального электронного кластера, ориентированного на выпуск новых и импортозамещающих изделий, которые разработаны в институтах СО РАН. Так, Институт физики полупроводников разработал датчики с тончайшими 10-миллиметровыми кремниевыми пластинами, которые распознают утечку в различных трубопроводах (городской канализации, нефтегазовой отрасли), используются в системах предупреждения аварий на транспорте;

- Институты теоретической и прикладной механики и химии твердого тела и механохимии СО РАН участвуют в разработке технологий получения нанокерамики, производства безупрочных изделий из корунда и вторсырья, которые реализуются на заводе «НЭВЗ-Союз».

На территории Новосибирской области работают 39 предприятий военно-промышленного комплекса, участвующие в выполнении оборонного заказа РФ. В 2014 г. суммарный объем выполненного заказа – 57 млрд руб., при этом за последние пять лет темпы роста его объема увеличились в 2,5 раза. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. объем производства на оборонных предприятиях области увеличился на 20%, в том числе производства военной продукции по госконтрактам – на 14%. В программных документах федерального и регионального уровня предусматривается поэтапный рост производственных мощностей оборонного комплекса региона вплоть до 2017 г. [2].

Наиболее крупным производителем оборонной продукции стал Новосибирский авиационный завод им. Чкалова, выпустивший в 2014 г. 18 фронтовых бомбардировщиков Су-34,

² «Роснано» и Новосибирская область продолжат развитие завода «Литотех». URL: http://www.liotech.ru/news_8_1036

в том числе две сверхплановых машины. Среди лидеров ОПК региона – завод имени Коминтерна, выпускающий узлы и агрегаты для зенитно-ракетных комплексов С-300 и С-400, ОАО «Швабе – Оборона и Защита» (бывший Новосибирский приборостроительный завод), производящий средства наблюдения, прицелы и другую оптику.

Машиностроительный комплекс Новосибирской области является инвестиционно-привлекательным и конкурентоспособным в производстве тепловыделяющих элементов и сборок для атомных станций, самолетов, турбо- и гидрогенераторов, электротермического оборудования, машин для литья под давлением, тяжелых металлорежущих станков, сельскохозяйственных машин, оборудования и аппаратуры для нефте- и газодобычи, угольной и горнорудной промышленности.

Значительное ускорение инновационного развития машиностроительного комплекса в Новосибирской области было обеспечено активным внедрением прогрессивных технологий, внутренними инновациями, усилением интеграционных процессов (образованием кластеров, вхождением в структуры государственных корпораций и т. д.) (табл. 2).

Таблица 2. Объем инновационной продукции предприятий машиностроения по уровню новизны и видам экономической деятельности в 2009–2013 гг., млн руб.

Вид экономической деятельности	2009	2010	2011	2012	2013
<i>Продукция, подвергшаяся значительным технологическим изменениям или вновь внедренная в течение последних трех лет</i>					
Всего по видам деятельности	2558,9	5174,7	7018,0	17881,8	12579,2
В том числе производства:					
машин и оборудования	128,1	98,4	151,4	298,5	306,1
электрических машин и электрооборудования	805,6	1442,1	1661,9	2138,5	2719,7
транспортных средств и оборудования	135,7	173,5	2345,0	9885,1	-
<i>Продукция, подвергшаяся значительным усовершенствованиям</i>					
Всего по видам деятельности	5375,6	4865,5	5816,9	2498,1	18716,9
В том числе производства:					
машин и оборудования	170,2	99,0	1146,3	165,5	177,2
электрических машин и электрооборудования	213,6	358,5	434,8	551,5	376,0
транспортных средств и оборудования	1358,8	3586,4	3587,8	223,4	16225,4

По данным рейтинга регионов страны, подготовленного Ассоциацией инновационных регионов России совместно с Ми-

нистерством экономического развития РФ, по итогам 2014 г. по уровню инновационного развития Новосибирская область по сравнению с 2013 г. улучшила свою позицию, поднявшись с 14-го на 10-е место среди 83 субъектов Российской Федерации, принявших участие в исследовании. Эксперты включили ее в группу сильных инноваторов. Индекс инновационного развития региона по итогам 2014 г. составил 130,7% от среднего по стране уровня (за 2013 г. – 127%). На динамику инновационной активности, несомненно, наложила отпечаток проводимая в РФ с 24 июля 2014 г. политика импортозамещения, стимулирующая ускоренный выпуск высокотехнологичной машинотехнической продукции [3].

Виды и формы поддержки

В 2014–2015 гг. на развитие инновационно-инвестиционной деятельности предприятий Новосибирской области властными структурами всех уровней были выделены огромные средства. И если предприятия ОПК поддерживали через гарантированный гособоронзаказ, то «гражданские» предприятия могли рассчитывать только на помощь со стороны властных органов региона.

Муниципальные структуры г. Новосибирска в 2015 г. выделили ряду машиностроительных предприятий селективную адресную финансовую поддержку из бюджета города на развитие производства инновационной продукции [4]. Так, по итогам конкурсов на предоставление субсидий в сфере инвестиционной и инновационной деятельности победителями признаны шесть предприятий, получившие из бюджета города субсидии на общую сумму 7,5 млн руб. Из них 500 тыс. руб. будет предоставлено ОАО «Машиностроительный завод “Труд”» для возмещения расходов по получению патента на новую технологию интенсивного таяния снега и новую продукцию – снегоплавильную установку; ОАО «Электроагрегат» окажут поддержку в сумме 2 млн руб. для возмещения расходов на приобретение нового технологического оборудования для модернизации производства систем электро-снабжения. АО «Швабе – Оборона и Защита» получит субсидию в сумме 1,5 млн руб. на возмещение расходов, связанных с приобретением оборудования для производства оптического прицела с дискретной сменой увеличения. Комиссией принято решение о предоставлении ООО «Котельное оборудование Теплодар»

субсидии в размере 448 тыс. руб. Эти средства возместят часть затрат предприятия на покупку нового технологического оборудования для проведения модернизации и расширения основного производства.

На региональном уровне действует программа помощи инновационным предприятиям, объем которой на 2014 г. составлял 53,7 млн руб. При этом, несмотря на сложную ситуацию с бюджетом, принято решение сохранить объемы финансирования и на 2015 г. [2].

В Новосибирской области действует программа развития субъектов малого и среднего предпринимательства, в которой предусмотрено два основных направления – грантовая поддержка отдельных проектов и создание инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, центров прототипирования, инжиниринговых центров, технопарков, поддержку фондов и молодежных организаций). Экономическая ситуация в стране стала причиной сокращения финансирования предприятий по программе: в 2013 г. было выделено 574 млн руб., в 2014 г. – 512 млн руб., а в 2015 г. – 490 млн руб.

В регионе существует два фонда поддержки предпринимательства в сфере получения кредитования и более дешевых кредитных ресурсов: фонд микрокредитования, который может выдать бизнесмену кредит до 1 млн на один год с максимальной ставкой до 10%, и залоговый фонд, гарантирующий коммерческому банку возврат до 80% затраченных ресурсов и одновременно обеспечивающий снижение процентной ставки.

Поддержка федерального центра на инновационное развитие Новосибирской области осуществляется из бюджета РФ и внебюджетных источников. Так, с 2015 г. начинается программа по техпереворужению и созданию новых производств стоимостью 2,2 млрд руб., которые получают новосибирские предприятия, входящие в холдинг «Росэлектроника» в составе государственной корпорации «Ростех». Речь идет о НПО «Восток», Новосибирском заводе радиодеталей «Оксид» и Новосибирском заводе полупроводниковых приборов [5]. Государство осознало необходимость импортозамещения и готово финансировать перспективные проекты, однако средства выделяются только успешным предприятиям, доказавшим свою способность работать и эффективно осваивать средства. К тому же государство

предпочитает выделять деньги на условиях софинансирования, наряду с банками и самими предприятиями. При этом мероприятия по импортозамещению продукции стран – членов НАТО и ЕС, используемой в отечественных образцах вооружения, в ближайшие годы будут авансироваться из федерального бюджета в размере до 80% [6].

Антироссийские санкции стали причиной остановки ряда перспективных высокотехнологичных проектов. Так, строительство российско-американского завода лазерных систем IPG Photonics должно было начаться в 2015 г., однако проект отложен на неопределённый срок. В сентябре 2013 г. «Ростех» намеревался заняться робототехникой: госкорпорация вела переговоры с французской ECA Robotics о совместном производстве в Новосибирске дистанционно управляемых одноразовых противоминных аппаратов. Инициатором проекта является главкомат ВМФ, но он ориентирован и на гражданских заказчиков, в частности «Роснефть» и «Газпром», ведущих работы на морском шельфе. Реализация проекта застопорилась, вероятно, в связи с санкциями.

Направления импортозамещения

Влияние санкций на реальный сектор Новосибирской области привело к поиску и выработке определенных направлений в политике импортозамещения. Резкая активизация инновационных процессов в 2014–2015 гг. сопровождалась реализацией следующих направлений импортозамещения.

Создание новых кластеров с целью импортозамещения комплектующих военной и гражданской техники. В их числе следующие.

Кластер по производству 3D принтеров. К настоящему времени в России уже есть четыре предприятия, где производят такие принтеры, одно из них – в Новосибирске, где есть также малые предприятия, которые занимаются производством порошка для принтеров. Они требуют расширения. В будущем кластере появится сборочный цех, заработает производство порошка, начнут использовать лазерные технологии и создавать программное обеспечение. По предварительным данным, кластер будет базироваться на территории Опытного завода СО РАН. В рамках импортозамещения и снижения издержек в новосибирском

Академпарке создали малозатратный «стол» для 3D принтера, без которого он бесполезен, а печать невозможна. Использование 3D принтеров позволит быстрее перейти к аддитивным технологиям и печатать объемные копии различных комплектующих деталей для машиностроительных предприятий [7].

Авиационный кластер. На базе технопарка новосибирского Академгородка будут производиться комплектующие для авиационной отрасли. Через 2–3 года его резиденты рассчитывают выпускать различные комплектующие для Новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова, входящего в состав холдинговой компании «Сухой», на сумму 1 млрд руб. Соглашение о создании авиационного кластера на базе Академпарка подписали правительство Новосибирской области, ОАО «ОАК», ОАО «Компания “Сухой”», ОАО «Технопарк новосибирского Академгородка», Ассоциация инновационных регионов России и Новосибирский государственный технический университет. В нем зафиксировано намерение сторон сотрудничать в сферах подготовки кадров, развитии малого и среднего предпринимательства и инжиниринговой деятельности, реализации инвестиционных проектов в целях развития авиастроительного кластера в регионе.

Авиационный кластер открывает очень интересное окно возможностей в импортозамещении как для гражданской, так и военной авиации, с учетом развития кластера по производству 3D принтеров. Главный гражданский проект завода им. В.П. Чкалова – самолет «Сухой Суперджет 100» становится теперь конкурентоспособным по цене, но при этом он до сих пор серьезно зависит от импортных комплектующих, доля которых достигает 60%. Модернизация фронтовых истребителей-бомбардировщиков Су-34 в 2016 г. должна коснуться бортовой электроники, кроме того, на Новосибирском авиационном заводе им. В.П. Чкалова решили полностью отказаться от комплектующих украинского производства. Новая модель СУ-34 будет полностью отечественного производства.

Кластер по созданию современной электронной элементной базы (микроэлектроники) формируется в 2015 г. на базе трех новосибирских предприятий, выпускающих электронику (ОАО «Новосибирский завод полупроводниковых приборов», ОАО «НПП “Восток”» и ОАО «Новосибирский завод радиодет-

талей “Оксид”»). В него войдут также профильные вузы города и институты СО РАН. Вышеназванные предприятия сформируют научно-производственное объединение «Сибирская электроника», а оно, в свою очередь, войдет в государственный холдинг «Росэлектроника», при поддержке которого все производственные предприятия кластера ожидает техническое перевооружение. С учетом синергетического эффекта совокупный объем производства к 2018 г. вырастет до 4,5 млрд руб. (в 2014 г. – 1,3 млрд руб.).

Кластер оптических систем (по производству материалов и комплектаций, необходимых для предприятий-производителей оптики). В него войдут ОАО «Катод», ОАО «Швабе – Оборона и Защита», ЗАО «Экран – Оптические системы», а также профильные вузы Новосибирска и институты СО РАН. Кластер будет в перспективе производить в том числе и весьма востребованные охлаждаемые тепловизионные датчики, которые до введения санкций поставлялись из Франции и США. В Новосибирской области есть и технологии, и законченные опытные образцы в Институте физики полупроводников СО РАН, которые позволят довести продукцию до серийного выпуска и укомплектовать ею российские военные самолёты, вертолёты, танки, бронетехнику и дальнюю артиллерию.

2. Импортозамещение на основе развития локализации производства.

Несмотря на определённые сложности и ограничения, компании из дальнего зарубежья не уходят с сибирского рынка машино-технической продукции. Развитие процессов импортозамещения происходит на базе существующих совместных предприятий (СП) с повышением уровня локализации и созданием новых СП.

Одним из приоритетных направлений импортозамещения является стимулирование «глубокой» локализации, предполагающей развитие кооперационных связей, использование отечественных комплектующих, а также передачу ключевых технологий и формирование необходимого кадрового и научного потенциала. Примером развития локализации в сфере станкостроения является функционирование в области российско-швейцарского предприятия ООО «Фишер шпиндель технолоджи» с 50%-м участием одного из ведущих мировых разработчиков и производителей станочных шпинделей – швейцарской группы FISCHER Spindle Group AG, созданного в Новосибирске в 2010 г. [8].

Группа FISCHER передала российскому предприятию новейшие импортозамещающие технологии и уникальное оборудование для производственно-технических работ по полноценному техническому обслуживанию, ремонту и наладке шпиндельных систем. Все специалисты-инженеры дочерней компании ООО «Фишер шпиндель технолоджи» прошли профессионально-техническое обучение на заводах группы FISCHER в Швейцарии и Германии, получили доступ к базе технической документации группы. За пять лет на производственной базе российской компании произведён ремонт более 500 шпинделей и нескольких фрезерных голов различных современных марок и изготовителей по заказам более сотни российских предприятий.

В 2015 г. началась работа над проектом развития импортозамещающего производства современных высокотехнологичных станочных компонентов (шпинделей и голов) для использования в отечественном станкостроении на базе уже работающего российско-швейцарского предприятия ООО «Фишер шпиндель технолоджи» в Новосибирске. Сотрудничество с признанными мировыми технологическими лидерами позволяет развивать собственное импортозамещающее производство и сформировать школу конструкторской разработки высокотехнологичных станочных компонентов.

Американская компания Honeywell, несмотря на санкции, намерена запустить в Новосибирске осенью 2015 г. сборку первых авиационных двигателей на производственных площадках НИИ авиации им. С.А. Чаплыгина. Контракты на начало локализации сборки авиадвигателей будут подписаны в конце лета. Дальнейшая локализация производства двигателей в России по мере освоения технологии потребует создания совместного или привлечения предприятия, которое будет заниматься выпуском этих двигателей в России. Испытывать произведенные в Новосибирске двигатели планируется на советских самолетах АН-2, после чего они будут устанавливаться и на другие воздушные суда. Первые моторы новосибирской сборки установят на Ан-2 (новосибирское предприятие «Русавиапром»). В 2016–2017 гг. планируется модернизировать порядка 150–200 самолетов. Аналогов подобных моторов в России пока нет. В стране производятся двигатели высокого качества для истребителей, надежные

двигатели для пассажирских, однако для небольших самолетов, к сожалению, их выпуск пока не налажен [9].

3. Создание нового производства и закупка импортного оборудования second hand с целью сокращения технологического разрыва.

ОАО «Новосибирский завод полупроводниковых приборов с ОКБ», входящий в Сибирский кластер микроэлектроники, создает новое производство, в рамках которого намерен наладить серийный выпуск микросхем с проектными нормами до 0,25 мк (в перспективе – до 0,13 мк) на пластинах диаметром до 200 мм. Эти микросхемы будут обладать радиационной устойчивостью для бесперебойной работы в условиях естественного радиационного фона и смогут использоваться в авиакосмической отрасли, атомной энергетике, производстве транспорта. Объем инвестиций в проект – 2,2 млрд руб., из них 1,2 млрд руб. обеспечит федеральный бюджет, а остальное – собственные средства предприятия и банковские займы. Расчетный срок окупаемости – до 10 лет. Несмотря на внушительную сумму, практически весь объем средств предназначен для покупки оборудования second hand у зарубежных корпораций – мировых лидеров микроэлектроники, что позволит сократить технологическое отставание завода с 20 до 10 лет и в дальнейшем облегчит переход на более современные технологии. На проектную мощность новое производство выйдет в 2018 г. [2].

Институциональные факторы

В ближайшие годы на развитие инновационных процессов в машиностроительном комплексе Новосибирской области значительное влияние будут оказывать институциональные факторы. Среди них – состояние инвестиционного климата, формирование регионального Фонда развития промышленности, взаимодействие между наукой и реальным сектором экономики, развитие технопарковых структур и др.

В 2014 г. Новосибирская область оказалась в аутсайдерах национального рейтинга состояния инвестиционного климата, представленного Агентством стратегических инициатив. Самые низкие оценки («Е») Новосибирская область, в частности, получила за неудовлетворительную деятельность по государственной

регистрации юридических лиц и низкую эффективность процедур по подключению к электросетям, за «качество регионального законодательства о механизмах защиты прав инвесторов и поддержки инвестиционной деятельности», частоту различных проверок, невозможность связи инвесторов с руководством области, небольшие объемы выдаваемых госгарантий и слабые меры государственной поддержки. В связи с этим в региональных властных структурах намечен комплекс мер по исправлению сложившейся ситуации [10,11].

Меры господдержки предприятиям оборонно-промышленного комплекса и крупным градообразующим компаниям будут оказываться в рамках создаваемого Фонда развития промышленности Новосибирской области. Областное правительство формирует список системообразующих предприятий, в который предварительно вошли 87 компаний. Региональный фонд подразумевает применение уже существующих мер стимулирования развития региональной промышленности, в том числе предоставление субсидий, а также новые, не предусмотренные действующим законодательством, меры [12].

Возобновление активной кооперации между наукой и реальным сектором экономики, по-видимому, будет происходить в рамках идеи создания национального Лаврентьевского центра на базе новосибирского Академгородка [13]. Предполагается, что особенностью центра будет замкнутый инновационный цикл, включающий этапы подготовки специалистов, проведения исследований и осуществления опытно-конструкторских работ. Вместе с тем на кооперацию крупных, средних и малых предприятий, прикладной и фундаментальной науки будет оказывать сильное влияние развитие технопарковых структур, промышленных парков, играющих важную роль в формировании инновационной и производственной инфраструктуры и являющихся ключевыми элементами формирующихся на территории региона кластеров.

Литература

1. Лугачёва Л. И., Мусатова М. М. Интерактивная модернизация – фактор преодоления кризисных явлений в региональном машиностроении // ЭКО. – 2013. – № 8. – С. 139–150.
2. Официальный сайт администрации Новосибирской области. URL: <http://www.novosib.ru>, инвестиционный портал. URL: <http://economy.newsib.ru/>

3. *Хотяновская Ю.* Новосибирская область вошла в десятку самых инновационных регионов России. URL: <http://nsknews.info/news/150558> (дата обращения: 29.04.2015).
4. *Савельева А.* Министр Симонов рассказал, на какую помощь могут рассчитывать новосибирские бизнесмены. URL: <http://nsk.dk.ru/news/ministr-simonov-rasskazal-na-kakuyu-pomosch-mogut-rasschityvat-novosibirskie-biznesmeny-236956765#ixzz3fDeFX8L>
5. КРЭТ: BBC России перестанут зависеть от западного импорта в 2017 году. URL: http://ria.ru/defense_safety/20150708/1120473711.html#ixzz3fHdhgZuX (дата обращения: 08.07.2015).
6. Минфин решит вопрос об импортозамещении военной продукции из ЕС и НАТО. URL: <http://svpressa.ru/>
7. *Маховская О.* Недорогой «стол» для 3D принтера создали новосибирские изобретатели. URL: <http://nsknews.info/news/151590/> (дата обращения: 09.02.2015).
8. FISCHER Spindle запустит в Новосибирске новое производство. URL: <http://nsk.dk.ru/news/fischer-spindle-zapustit-v-novosibirske-novoe-proizvodstvo-236932006#ixzz3fUlm4UpF> (дата обращения: 27.03.2015).
9. Новосибирский институт решил собирать американские авиадвигатели. URL: <http://news.ngs.ru/more/2197383> (дата обращения: 07.07.2015).
10. Инвесторам не понравился климат в Новосибирской области. URL: <http://sibkrai.ru/news/2/876083/>
11. Представители регионов Сибири обсудили инвестиционный климат Сибирского федерального округа. URL: <http://ngtpp.ru/show.php?page=news> (дата обращения: 23.07.2015).
12. *Косачева Т.* Фонд поддержки промышленности планируют создать в Новосибирской области. URL: <http://nsk.dk.ru/news/analog-federalnogo-fonda-podderzhki-promyshlennosti-sozdatut-v-novosibirske-236939063#ixzz3fUpOMicn> (дата обращения: 24.04.2015).
13. Станет ли новосибирский Академгородок «Лаврентьев-центром»?
14. URL: <http://www.sbras.info/articles/sciencestruct/stanet-li-novosibirskii-akademgorodok-lavrentev-tsentrom/> (дата обращения: 11.07.2015).

Что улучшать: рейтинги или институты?¹

Л.М. СИМОНОВА, доктор экономических наук. E-mail: lsim@utmn.ru

Т.В. ПОГОДАЕВА, кандидат экономических наук, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет, Тюмень.
E-mail: taisyapogodaeva@gmail.ru

Целью статьи является оценка влияния изменения позиции страны по составляющим рейтинговой оценки Doing Business на показатели, характеризующие уровень инвестиционной активности в развитых и развивающихся странах, а также выявление особенностей инновационного климата Тюменской области и разработка практических рекомендаций по его стимулированию. Обоснована необходимость институциональных изменений для повышения привлекательности инвестиционного климата и создания благоприятной бизнес-среды в регионе.

Ключевые слова: международные инвестиционные рейтинги, инвестиционный климат, эконометрический анализ, региональные инвестиционные рейтинги

Целесообразность рейтингов: разброс мнений

Несмотря на то, что переживаемый в настоящее время экономический кризис называют периодом «преимущественно внутреннего движения капитала», современная макроэкономическая и социально-политическая ситуация в России не благоприятствует активной инвестиционной деятельности. Это подтверждают и внешние международные оценки. По недавней версии двух из «большой американской тройки» ведущих международных агентств Standard & Poor's и Moody's Investor Service, в России констатируется «неинвестиционный суверенный рейтинг». И только по версии третьего из них – Fitch Ratings – Россия остается на нижней ступени инвестиционного рейтинга с негативным прогнозом и вероятным перемещением рейтинга в неинвестиционную область [1. С. 13]. Что означают эти решения? Насколько они верны и в чем их функциональное значение?

Во-первых, потребность в компетентных оценках объектов, рисков и условий инвестирования многократно возрастает

¹ Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 15–32–01350) «Инновационное развитие циркумполярной зоны Тюменской области: возможности локализации и эффекты межрегионального сотрудничества».

в условиях неопределенности, волатильности и нестабильности экономической среды. Действительно, многочисленные и самые достоверные формы финансовой отчетности рядовой инвестор правильно оценить не может, и «наиболее эффективным механизмом передачи информации об эмитенте инвестору являются аналитические обзоры различных рейтинговых или информационных агентств, статьи финансовых аналитиков в средствах массовой печати» [2].

Во-вторых, международные инвестиционные рейтинги – распространенный и удобный инструмент бенчмаркинга и оценки рисков, связанных с ведением бизнеса, а также условий и надежности вложения инвестиций в тот или иной регион или страну. Поэтому «традиционно инвестиционные декларации многих институциональных инвесторов как за рубежом, так и в России жестко привязаны к рейтингам» [1. С. 13].

В-третьих, аналитические центры мирового уровня способны не только адекватно оценивать деятельность объектов рейтинга, но и формировать деловой климат в тех странах, регионах, отраслях, где есть соответствующие интересы. Это превращает рейтинговые агентства в инструмент отражения и компактного представления экономических реалий, а также до некоторой степени – в инструмент влияния, который при определенных условиях способствует проведению той или иной экономической политики.

Таким образом, рейтинги являются важнейшей составляющей в области деловой информации, они нужны для поддержания уровня делового доверия, а также служат в качестве индикатора перспективных направлений размещения финансовых средств, вложения инвестиционных ресурсов. Рейтинги выполняют информативную функцию, помогают выработать долгосрочную стратегию. И что не менее важно – они учат работать открыто и прозрачно. Кроме того, получение рейтингов более высокого уровня просто выгодно.

Однако степень соответствия рейтинговых и экспертных оценок реальности стала в последние годы актуальной проблемой, которая вышла на международный уровень. Международные инвестиционные рейтинги вызывают все больше нареканий, инвесторы ставят под сомнение их объективность, политическую неангажированность и аналитическую достоверность, а также правомерность приложения «чужой матрицы» к уникальным

и своеобразным условиям развития экономики без соответствующей социально-экономической коррекции. В зависимости от политической конъюнктуры происходит трансформация международного рейтинга из «объективного экономического индикатора» в «инструмент политического давления», «эффективное информационное оружие не только в борьбе за рынки сбыта и услуг, но и в интересах доминирования в мире», что порождает «рейтинговые войны» [3].

Наглядным примером является наблюдаемая с осени 2014 г. цепная реакция снижения оценок России международными рейтинговыми агентствами, которая зачастую выглядит как «циничная публичная пощечина» [4]. Страна при этом несет несомненные имиджевые потери. Замминистра финансов С. Сторчак даже допустил возможность отказа России от договоров с международными рейтинговыми агентствами и заявил, что настало время «прекратить цацканье с агентствами», поскольку общение с ними «бесполезно».

Вместе с тем многие управленцы убеждены в том, что, несмотря на допускаемые неточности в глобальных рейтингах, они выступают надежным ориентиром и навигатором инвестиционной активности и тем самым способствуют развитию национальной экономики. «Рейтинги – прежде всего для власти, чтобы они развивали программы поддержки бизнеса», – убежден бизнес-омбудсмен Б. Титов [5]. Более того, рейтинговое позиционирование может быть возведено даже в ранг целевого ориентира экономической политики и индикатора результативности экономических реформ. Убедительным примером этого является, на наш взгляд, участие России в международном рейтинге Doing Business (DB).

Россия в инвестиционных рейтингах

Сегодня Россия занимает в рейтингах Doing Business Всемирного банка и Bloomberg – 62-е и 43-е места соответственно. Хотя она и является участницей и объектом измерения множества авторитетных международных рейтинговых систем, тем не менее впервые позиционирование страны в Doing Business превратилось из банального «места в рейтинге» в приоритет стратегирования. Так, в мае 2012 г. Президентом РФ был подписан указ «О долгосрочной государственной экономической политике», согласно которому был определен ее целевой приоритет – до-

стижение Россией 50-го места в рейтинге DB в 2015 г. (против 120-го в 2011 г.) и 20-й позиции – к 2018 г. Тем самым была поставлена задача существенного улучшения инвестиционного климата в стране, а рейтинговая позиция в этом отношении должна была стать измерителем его качества и, более того, одним из основных индикаторов успешности проводимых реформ.

Помощник президента А. Белоусов справедливо замечает, что «мы, наверное, единственная страна в мире, которая имплементировала международный рейтинг в текущую экономическую политику, в том смысле, что не только продекларировала, что нам надо переместиться со 120-го на 20-е место, но показатели Doing Business были включены в KPI (ключевые показатели эффективности) руководителей федеральных органов исполнительной власти... Это дало позитивный результат, поскольку позволило определить цели и направления работы по улучшению инвестиционного климата» [5]. Каковы итоги выполнения этой целевой задачи?

Рейтинг как повод для тщеславия?

Результаты международного исследования Doing Business позволяют сопоставить условия регулирования предпринимательской деятельности в 189 странах мировой экономики, объективно оценить законодательство, связанное с регулированием бизнеса, и его фактическое применение. Без сомнения, благоприятный инвестиционный климат во многом определяется количеством и качеством государственных процедур. Но только ли от этого зависят инвестиционные решения предпринимателей?

Итоги международного рейтинга DB-15, представленные Всемирным банком в аналитическом докладе «Ведение бизнеса 2015: Больше, чем эффективность», способны внушить оптимизм. Так, Россия переместилась на 62-е место с 92-го в 2013 г. Позитивная динамика налицо – мы «перепрыгнули» 30 (!) ступеней, в пору рапортовать о «стратегическом прорыве».

Действительно, по рейтинговым оценкам, в стране достигнуто упрощение (в категориях затрат времени и денег) процедур ведения бизнеса: уменьшилось как само количество процедур – с семи до четырех, так и время на их осуществление – с 15 до 11 с небольшим дней. Это обеспечило подъем с 88-го места на 34-е! Не столь впечатляющи достижения (156-е место против прежнего 178-го) по количеству разрешений, необходимых

для осуществления реального строительного проекта: 20 процедур общей продолжительностью 238,4 дня. По условиям же регистрации прав собственности наша страна осталась в первой двадцатке, переместившись – с 17-го места на 12-е. Соответствие правовой среды ведения бизнеса передовым мировым практикам для лидера рейтинга – Сингапура оценивается в 88,27, а применительно к России – лишь 66,7.

И, наконец, легкость ведения международного бизнеса: существенных сдвигов по международной торговле так и не произошло, поэтому 17-я позиция по данной номинации к 2018 г. выглядит недостижимой. Судите сами: рейтинг 2015 г. фиксирует улучшение всего на две ступени (со 157-й на 155-ю) по международной торговле; при этом по экспортным операциям оформляется девять документов (прежняя позиция), при стоимости контейнера 2401 долл. (уменьшение на 214 долл.), а по импортным – десять документов, при стоимости контейнера 2595 долл. (снижение – на 215 долл.).

В качестве позитивного момента можно отметить, что таможеня наконец-то начала диалог с участниками внешнеэкономической деятельности. Однако негатив остается прежним: «госорганы планомерно действуют в своих интересах, соглашаясь с мнением бизнеса лишь в тех моментах, которые способствуют решению собственных задач. Смысл совместной работы экспертов и таможенников свелся к тому, что чиновники ежеквартально просят экспертов подтвердить выполнение того или иного пункта, но при этом упорно не желают принимать какие бы то ни было новые идеи и предложения, идущие от бизнеса», – отмечают представители бизнеса.

Итоговое 62-е место России уравнивает ее по условиям ведения бизнеса с такими странами, как Молдавия (63-я) и Греция (61-я позиция в рейтинге). Что, на первый взгляд, совсем неплохо. Но разберемся, действительно ли в стране существенно улучшился предпринимательский и инвестиционный климат? Что стоит за этим прогрессом?

Вверх по лестнице, ведущей вниз

Во-первых, в международном рейтинге DB-15 была серьезно подвергнута изменениям сама методология исследования, в связи

с чем динамика России, если бы она оценивалась по прежней методике, оказалась бы не столь впечатляющей и гарантировала бы перемещение лишь с 64-й на 62-ю позицию. Подъем на две ступени прогрессом не назовешь! Далее, если таковой действительно «имел место быть», то почему он сопровождался столь значительным, сопоставимым, пожалуй, лишь с кризисным 2008 г., оттоком капитала в 2014 г., исчисляемым в 130 млрд долл. (133,7 млрд в 2008 г.) и никак не повлиял на вектор его движения в обратном направлении? Так, по данным Банка России, Минэкономразвития, за 2005–2014 гг. чистый отток капитала из страны составил 418,5 млрд долл., причем с 2013 г. по 2014 г. он возрос более чем вдвое – с 62,7 до 130 млрд долл., на фоне «улучшения» инвестиционного и предпринимательского ландшафта.

Наконец, почему лишь 5% россиян становятся предпринимателями и активно развивают свои компании, хотя в слабых государствах, как выясняется из последнего совместного доклада Global Entrepreneurship Monitor (GEM) и World Economic Forum, этот показатель достигает 30% [6]? Так любят в России бизнес или только терпят его?

Действительно, статистика GEM озадачивает: среди непринимателей в 2013 г. лишь 2,6% от экономически активного взрослого населения имели намерение открыть собственный бизнес, по этому показателю Россия заняла последнее место среди всех 67 исследуемых стран. Причем за последние годы уровень предпринимательских намерений россиян имел общую тенденцию к снижению, как говорится в опубликованном в конце 2014 г. восьмом российском докладе, подготовленном в рамках международного проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» Высшей школой менеджмента СПбГУ.

А что если санкции, введенные рядом государств в отношении России, «разбудят» россиян и подтолкнут их к созданию собственного бизнеса? По логике, действительно, режим «санкции» в отношении западных бизнесов должен расчистить деловой ландшафт, значительно снизить конкурентность среды и подтолкнуть к развитию предпринимательской инициативы. Вынуждать к этому будут и многочисленные банкротства, и сокращения в российском предпринимательском секторе, которые, по словам вице-президента НИСИПП В. Буева, «станут трендом

наступившего года». В реальности же при наличии существенных изъянов в российской институциональной среде, хаотичности и непредсказуемости регулятивной деятельности сдерживающие факторы явно доминируют.

И последнее. Приток прямых иностранных инвестиций в нефинансовый сектор нашей страны удерживается на крайне низком уровне. Иностранные инвесторы за 2014 г. вложили в Россию всего 18,4 млрд долл., что является своеобразным антирекордом за последние 10 лет.

Безусловным преимуществом проекта DB, на наш взгляд, является выделение в инвестиционном процессе «узких» мест, препятствующих развитию предпринимательства. Это позволяет вести «прицельный» огонь в гонке за привлекательную инвестиционную среду. Однако значительный скепсис вызывают многочисленные политические спекуляции, сводящиеся в итоге к имитации повышения привлекательности страны и игры «в деловой климат».

Остается открытым вопрос, действительно ли инвестиционная активность бизнеса и инвестиционная привлекательность страны зависят от изменения ее рейтинговых позиций, и неужели позитивная динамика в рейтинге приводит к росту деловой активности или к внезапному приходу долгожданных инвесторов? А если так, какие именно составляющие (индексы) обладают большим влиянием, качество каких процедур более значимо для ускорения инвестиционного процесса?

В поиске объективных оценок

Используя данные исследований Doing Business за 2006–2014 гг., мы оценили влияние изменения позиции страны по составляющим рейтинговой оценки на такие показатели, характеризующие инвестиционную активность, как логарифм объема инвестиций в основной капитал (международные долл., ППС) и логарифм доли инвестиций в ВВП (%) [7] (их выбор обусловлен доступностью статистической информации, ее сопоставимостью и требуемой репрезентативностью выборки).

Эконометрическая оценка базировалась на гипотетическом предположении о том, что на инвестиционную активность страны влияют изменения значений индексов, включенных в рейтинговый анализ Doing Business (регистрация предприятия

и собственности, получение кредитов, разрешений на строительство, защита миноритарных инвесторов, условия налогообложения и международной торговли, обеспечение исполнения контрактов и разрешение неплатежеспособности).

В качестве одного из недостатков рейтинговых подходов к оценке инвестиционной привлекательности стран эксперты называют отсутствие учета специфики, связанной с уровнем экономического развития. Логично предположить, что факторы инвестиционной привлекательности, а также степень их влияния на инвестиционные решения могут отличаться в развитых и развивающихся странах. В связи с этим нами было проведено исследование и построены эконометрические модели отдельно по развитым и развивающимся странам. В результате были получены оценки влияния выделенных объясняющих переменных на логарифм инвестиций в основной капитал и логарифм доли инвестиций в ВВП. Полученные оценки были проверены на эконометрическую корректность, в результате были выбраны модели с наилучшими качественными характеристиками. Выбор моделей осуществлялся между сквозной регрессией, регрессией с фиксированными индивидуальными эффектами и регрессией со случайными индивидуальными эффектами посредством тестов Вальда, Бройша-Пагана и Хаусмана (табл. 1).

Полученные данные свидетельствуют о влиянии позиции страны в рейтинге Doing Business на показатели инвестиционной активности в группе развитых стран. Наиболее значимыми являются следующие составляющие рейтинговой оценки DB: «защита миноритарных инвесторов», «обеспечение исполнения контрактов» и «условия международной торговли». Это свидетельствует об исключительной важности для инвесторов таких институциональных факторов, как уровень спецификации и защиты прав собственности, эффективность судебной системы (количество процедур, их стоимость и сроки), индексы прав акционеров, корпоративной прозрачности и ответственности менеджмента. Кроме того, объективными препятствиями инвестиционному процессу по этой группе стран являются высокая стоимость и длительные сроки оформления экспортно-импортных операций, вызванные наличием административных барьеров и зарегулированностью данной сферы деятельности.

Таблица 1. Результаты влияния позиции страны по индикаторам рейтинга DB на показатели, характеризующие инвестиционную активность в стране (по группе развитых стран)

Объясняющие переменные (значения страны по индексам рейтинга DB)	Зависимая переменная	
	логарифм объема инвести- ций в основной капитал	логарифм доли инвести- ций в ВВП
	модель со случайными эффектами	модель с фиксированны- ми эффектами
Регистрация предприятия	-0,005** (0,003)	-0,008*** (0,002)
Получение разрешений на строительство		-0,01** (0,04)
Регистрация собственности	-0,008*** (0,002)	
Получение кредитов		
Защита миноритарных инвесторов	0,015*** (0,003)	0,01*** (0,003)
Условия налогообложения	-0,008** (0,003)	-0,008** (0,003)
Условия международной торговли	0,010** (0,004)	0,008*** (0,003)
Обеспечение исполнения контрактов	0,015** (0,006)	0,018** (0,009)
Решение неплатежеспособности	0,004** (0,002)	
Константа	25,49*** (1,49)	3,54*** (0,762)
Число наблюдений	261	261
Число стран	29	29
Whithin R-квадрат		0,34

Примечания. ** – значимость на уровне 5%; *** – значимость на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки.

Стоит отметить наличие отрицательного влияния как на объем инвестиций в основной капитал, так и на долю инвестиций в ВВП индексов «регистрация предприятий» и «условия налогообложения». Ситуацию с налогообложением можно объяснить следующим образом: по данным компании KPMG [8], в мировой экономике отмечена тенденция уменьшения уровня прямого налогообложения компаний, в основном за счет снижения предельных ставок налога на прибыль, на фоне роста косвенных налогов с целью финансирования выпадающих доходов. Тем более что

в условиях глобализации бизнеса, свойственной, прежде всего, развитым странам, компании имеют возможность «распределять» налогооблагаемую прибыль между различными юрисдикциями, а это «постепенно, но верно» нивелирует разницу в налоговых режимах между странами.

Наряду с этим отрицательная связь имеет место по позициям «регистрация собственности» с объемом инвестиций в основной капитал и по «получению разрешений на строительство» с долей инвестиций в ВВП. Полученные оценки еще раз подтверждают обоснованность опасений по поводу излишней «фетишизации» рейтинговых оценок и стремления к высоким баллам «любой ценой».

Анализ влияния данных переменных на рейтинговые позиции по группе развивающихся стран позволяет сделать ряд выводов (табл. 2). Во-первых, меньшее количество составляющих рейтинга Doing Business оказывает значимое влияние на зависимые переменные. **Возникает закономерный вопрос: неужели предприниматели в развивающихся странах менее чувствительны к изменению условий ведения бизнеса или «запросы» инвесторов различаются в зависимости от уровня экономического развития?**

Так, на объем инвестиций в основной капитал и его долю в ВВП значимое влияние оказывают «регистрация предприятий», «условия получения кредитов» и «разрешение неплатежеспособности». Данные индексы отражают количество и стоимость процедур по регистрации предприятий, доступность и качество кредитной информации, условия и стоимость «выхода», а также участие кредиторов в данном процессе. Следовательно, эти группы характеризуют условия, способствующие или препятствующие открытию бизнеса «на старте», то есть ту среду, в которой потенциальный инвестор принимает решение – «быть или не быть» бизнесу. И именно от того, удастся или нет сформировать благоприятную для предприятий малого и среднего бизнеса среду, на наш взгляд, главным образом и зависит инвестиционная активность в развивающихся странах. А по мере повышения уровня экономического развития дальнейший прогресс определяется уже факторами более сложного порядка, в частности, институциональными детерминантами, что и было выявлено в ходе исследования развитых экономик.

Таблица 2. Результаты влияния изменения позиций страны по индикаторам рейтинга DB на показатели, характеризующие инвестиционную активность в стране (по группе развивающихся стран)

Объясняющие переменные ² (первые разности значений по индексам рейтинга DB)	Зависимая переменная	
	логарифм объема инвестиций в основной капитал	логарифм доли инвестиций в ВВП
	модель с фиксированными эффектами	модель со случайными эффектами
Регистрация предприятия	0,009*** (0,002)	0,002** (0,001)
Получение разрешений на строительство	-0,0014 (0,005)	-0,0009 (0,0014)
Регистрация собственности	0,0016 (0,004)	0,0011 (0,002)
Получение кредитов	0,003** (0,001)	0,0004 (0,0015)
Защита миноритарных инвесторов	8,48e-05 (0,003)	0,0001 (0,0015)
Условия налогообложения	0,0002 (0,004)	0,004** (0,001)
Условия международной торговли	0,003 (0,004)	0,0025 (0,002)
Обеспечение исполнения контрактов	-0,002 (0,0126)	-0,003 (0,003)
Решение неплатежеспособности	0,007*** (0,003)	-0,0003 (0,001)
Константа	21,51*** (0,718)	3,14*** (0,027)
Число наблюдений	744	968
Число стран	93	121
Whithin R-квадрат	0,20	-

Примечания. ** – значимость на уровне 5%; *** – значимость на уровне 1%. В скобках указаны стандартные ошибки.

Во-вторых, все значимые факторы оказывают положительное влияние на зависимые переменные. Если вернуться к результатам эконометрического исследования по группе развитых стран, то было отмечено отрицательное влияние на объем инвестиций

² В модели с зависимой переменной – логарифм объема инвестиций в основной капитал, объясняющие переменные брались со лагом (-1). В модели с зависимой переменной – логарифм доли инвестиций в ВВП, в модели использовались первые разности объясняющих переменных.

в основной капитал и долю инвестиций в ВВП следующих регрессоров – «регистрация предприятий» и «получение разрешений на строительство». Полученный результат может быть объяснен «исчерпанностью» фактора, а вернее, существованием некоего «оптимального» уровня, после достижения которого дальнейшее его улучшение уже не приводит к повышению объемов инвестиций в основной капитал. В этих условиях настойчивое небирательное стремление в двадчатку наиболее благоприятных стран *по всему набору* составляющих рейтинга может не только не дать реального «инвестиционного» результата, но и иметь обратный эффект.

Например, Россия вошла в «Топ-20» стран рейтинга по условиям регистрации прав собственности, поднявшись с 17-го места на 12-е, в результате количество процедур сократилось до трех, длительность процесса – до 19 дней. А насколько необходимо было сокращение сроков по регистрации собственности на три дня? На какие реальные инвестиционные процессы это оказывает значимое влияние? Что важно инвестору в данном случае – быстрее зарегистрировать права собственности или качественно пройти правовую экспертизу на соответствие нормам действующего законодательства и, в конечном счете, обеспечить сохранность своей собственности и уберечь себя в дальнейшем от возможных дорогостоящих и длительных судебных разбирательств и потерь? Тот ли это случай, где «гонка» должна приветствоваться? **Но при этом в действительно значимой для инвестиционной привлекательности области – международной торговле – Россия поднялась всего на две позиции – со 157-го на 155-е место.**

Еще один важный момент: Всемирный банк при определении рейтинга акцентирует преимущественно «вход» на рынок, но не «выход» из него, поэтому подлежит детализированному учету проблема регистрации нового бизнеса, которая не имеет такой остроты и не рассматривается бизнесом как обременительная. При этом проблема ликвидации юрлица, сбрасывания «юридической оболочки» по сей день остается труднопреодолимой, но она не отражается в рейтинговой методике. Между тем сопоставление регистрируемых и ликвидируемых компаний за два последних года, согласно данным «Опоры России», показывает, что в 2014 г. компании преимущественно закрывались

(483,6 тыс. предприятий), а не создавались (417,5 тыс. единиц), как это было, скажем, в 2013 г. (419 тыс. против 490,7 тыс. предприятий соответственно). Негативную динамику создания малых и средних предприятий обеспечили следующие факторы – общее ухудшение бизнес-климата, рост курса иностранных валют, арендных ставок и спад потребительской активности.

В-четвертых, в отличие от развитых экономик, «условия налогообложения» оказывают значимое влияние на долю инвестиций в основной капитал в ВВП развивающихся стран, что, по нашему мнению, объясняется относительно более низкой степенью глобализации бизнеса и, как следствие, важностью данного фактора для процессов накопления капитала в условиях развивающихся рынков.

И наконец, по результатам исследования было выявлено, что «условия получения кредитов» оказывают значимое влияние на долю инвестиций в основной капитал в ВВП. Таким образом, повышение инвестиционной привлекательности и деловой активности в России требует проведения серьезной работы по обеспечению доступности финансовых ресурсов и улучшению качества кредитной информации.

Регионы под «прицелом» рейтингов

Наряду с оценкой инвестиционного климата той или иной страны не меньшее значение имеет оценка инвестиционной привлекательности ее отдельных регионов. Данную задачу актуализирует создание в настоящее время Национального инвестиционного рейтинга регионов. Обратимся на мезоуровень. В качестве примера рассмотрим Тюменскую область, которая, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Тюменская область – регион, занимающий первое место в рейтинге инвестиционной привлекательности субъектов РФ, согласно докладу Министерства регионального развития о ситуации в экономике, финансово-банковской и социальных сферах субъектов за семь месяцев 2014 г. В числе показателей, определяющих ее лидерские позиции в рейтинге инвестиционной привлекательности, следует указать такие, как строительство, ввод жилья в эксплуатацию и число прибыльных для региона предприятий. Так, в 2014 г. в Тюменской области выросло количество квадратных метров готового жилья на душу населения: 624,7 м²

на 1000 человек. В настоящее время в реестре области зафиксировано 287 инвестиционных проектов на сумму 1300 млрд руб. По совокупности, помимо прибыли, они должны принести региону почти 34 тыс. рабочих мест. Более того, в 2013–2014 гг. в Тюменской области введено в эксплуатацию 21 новое производство, причем около четверти реализуемых инвестиционных проектов осуществляются с участием иностранного капитала.

Тюменская область – это также регион с минимальными рисками инвестирования в УрФО, согласно оценке «Эксперт РА». Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, риски многократно возрастают, а инвестиционная активность затухает в условиях неуклонного падения показателей производственного сектора с 2009 г. С 2012 г. в макрорегионе фиксируют «логику экономического застоя»: индекс промышленного производства на Большом Урале за 2012 г. составил 103,6%, за 2013 г. – 101,1%, за 2014 г. – 102,5%. Тюменская область на этом фоне – «недосягаемо впереди»: в 2013 г. – прирост в 16,8%, по итогам 2014 г. – 12,9%, что выступает фактором инвестиционной активности [9].

Во-вторых, в макрорегионе, по сути, завершились инвестиционные циклы, связанные с крупным бизнесом и государством, в то время как в Тюменской области и в настоящее время реализуются масштабные инвестиционные проекты по строительству крупных производств (Антипинский нефтеперерабатывающий завод, «Тобольск-Полимер» и др.). Мощность переработки Антипинского НПЗ составляет 8,0 млн т нефти в год, качество нефтепродуктов соответствует стандарту «Евро-5», а глубина переработки в 2015 г. увеличится до 97%. «Тобольск-Полимер» также уже функционирует, выпуская 500 тыс. т полипропилена в год. За ним в Тобольске начнут строить крупнейший в Евразии завод «ЗапСибНефтехим-2» с объемом инвестиций около 400 млрд руб. (проектируется выпуск 500 тыс. т полипропилена и 500 тыс. т полиэтилена). Подобного производства нет нигде – от Португалии до Дальнего Востока. Участие в нем примут 20 тыс. человек. Его строительство укрепит Тобольск в статусе сердцевины Западно-Сибирского нефтехимического кластера и одного из крупнейших промышленных центров.

В-третьих, единственным драйвером инвестиционной активности и роста региональной экономики в этих условиях может

выступать лишь потребление, простимулированное ростом доходов. Эти источники в других регионах также оказались исчерпанными в условиях кризиса. Спад розничной торговли по макрорегиону составил в среднем 4–5%. Тюменская же область имеет значительные резервы в этом отношении и заняла в 2015 г. четвертое место в рейтинге самых богатых регионов России.

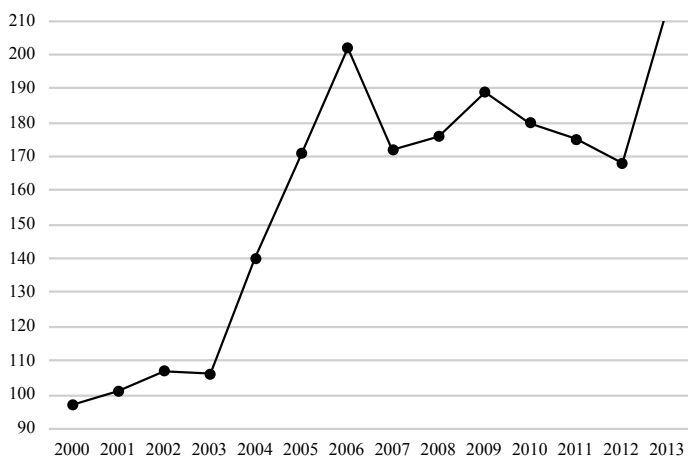
В-четвертых, бюджеты у более 88% регионов в 2014 г. были исполнены с дефицитом, поэтому больше не могут быть источником инвестиций на Большом Урале. Новый импульс инвестиционной деятельности может дать лишь привлечение в регион частных инвесторов из числа средних российских и зарубежных компаний. Но в кризисных условиях повсеместно снижается внимание к работе с бизнесом, так как крупный мало зависит от регионов, средний – зачастую прочно аффилирован с местными властями, а малый – институционально задавлен и вытесняется. В этом отношении статистика макрорегиона выглядит неутешительно: как и ранее, в 2014 г. вложения в основной капитал «варьировались на том минимальном уровне, который обеспечивает текущее функционирование производств, но не сулит развития. Ни прорывов в будущее, ни пожарного обнуления в инвестиционном процессе на территории Уральского макрорегиона нет» [9]. В то время как Тюменская область привычно «на голову выше всех», поскольку не только динамичнее своих региональных соседей, но и устойчивее – она демонстрирует стабильную позитивную динамику.

Рост по многим экономическим показателям отмечает и департамент инвестиционной политики Тюменской области: за 2008–2013 гг. объем инвестиций в основной капитал увеличился в 2,7 раза, со 143279,1 млн руб. до 229197,2 млн руб. в ценах 2008 г.

В 2013 г. прирост показателя составил порядка 35% по отношению к уровню 2012 г. За 2013 г. 40,4% всех инвестиций направлялось на строительство зданий и сооружений, 28,7% – на приобретение машин, оборудования, транспортных средств, 24,8% – на строительство жилья. Основными источниками финансирования инвестиций предприятий и организаций являлись привлеченные (54,5% от всего объема инвестиций в основной капитал) и собственные средства (42,4%). Особо следует отметить, что прирост показателя обусловлен увеличением вложений

в экономику региона частными инвесторами. Объем же инвестиций в основной капитал за счет бюджетных средств снизился до 13,0% от всего объема поступивших инвестиций (в 2012 г. этот показатель составлял 20,8%). Наибольший рост инвестиционной активности отмечен в обрабатывающих производствах – в 6,1 раза, в рыболовстве и рыбоводстве – на 58,0%, в оптовой и розничной торговле – на 46,6%.

В 2014 г. наблюдается рост инвестиций в основной капитал на душу населения. В настоящее время по данному показателю юг Тюменской области занимает восьмое место среди регионов РФ. Душевые инвестиции в области превышают средний уровень по России более чем в два раза (рисунок), кроме того, сохраняется стабильность положительной динамики. Однако стоит отметить, что инвестиции в основной капитал в расчете на душу населения остаются значительно ниже, чем в автономных округах.

Душевые инвестиции Тюменской области
в 2000–2013 гг., % к средним по РФ

В 2015 г. планируется ввод шести новых инвестиционных объектов на территории Тюменской области с объемом инвестиций в 62,329 млрд руб. и потенциалом занятости в 3 102 рабочих места. В их числе Антипинский нефтеперерабатывающий завод (57 млрд руб. и 2600 рабочих мест); Ялуторовский молочный комбинат компании «Данон» (2,8 млрд руб. и 100 рабочих мест);

завод по производству керамического кирпича «Дорстрой-инвест» (514 млн руб. и 100 рабочих мест); завод по производству сухих строительных смесей «Эм-Си Баухеми» (715 млн руб. и 60 рабочих мест); завод перфорационного оборудования «Дина Энерджетикс» (500 млн руб. и 50 рабочих мест) и рыбоперерабатывающий завод «Эра-98» (800 млн руб. и 192 рабочих места). ОАО «Фармасинтез» реализует крупный проект по модернизации и техническому перевооружению бывшего завода «Юграфарм».

Тюменская область стала настолько инвестиционно привлекательна, что крупные действующие промышленные предприятия, зарегистрированные в других регионах, предпочитают сменить прописку на тюменскую. Первым в регионе перерегистрировался «Геотек Холдинг», а в конце 2014 г. о своей перерегистрации объявил «Сибур». Это открывает новые возможности бюджета области, даст толчок развитию инфраструктуры, социальной сферы.

Что лежит в основе столь значимых результатов региона? Эконометрическое исследование по группе развивающихся стран доказало, что это условия, способствующие открытию бизнеса «на старте». Значит ли это, что органам власти Тюменской области удастся формировать благоприятную для предприятий малого и среднего бизнеса среду, которая способствует развитию инвестиционной активности в регионе? Департаментом инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области был проведен опрос 130 инвесторов и предпринимателей из 24 муниципальных образований по показателям национального рейтинга (табл. 3).

Таблица 3. Оценка позиций Тюменской области по созданию благоприятных условий ведения бизнеса в сравнении с другими регионами

Среднее время	Среднее по:		
	группе А*	группе Е**	Тюменской области
Регистрации предприятия	11	21,5	11
Получения разрешения на строительство	78,5	340,6	108
Регистрации прав собственности	15,2	61,8	24
Подключения к электросетям	59,1	288,6	160
Регистрации прав собственности на земельный участок	24,3	113,1	94

Примечания. * - регионы, получившие самые высокие оценки;

** – регионы, получившие самые низкие оценки.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в регионе складывается благоприятная среда для ведения бизнеса, именно это и является основой значительного роста инвестиционной активности в области. Главным препятствием при этом выступает рост издержек производства, достигший уровня развитых стран. На Большом Урале разворачивается «кризис затрат»: из-за падения курса национальной валюты и применения против России внешнеэкономических санкций производственные издержки возросли многократно, вследствие того, что уровень импорта по разным отраслям в УрФО варьируется от 50 до 80% [9].

В этих условиях основным направлением стимулирования инвестиционной активности выступает снижение уровня затрат за счёт использования готовой инфраструктуры для создания производств. Правительство Тюменской области, несмотря на снижение объемов федерального финансирования, в 2015 г. намерено развивать инфраструктуру поддержки инвестпроектов. Планируется создание промышленных парков по предоставлению площадей для размещения инвестпроектов в производственной сфере. Продолжит работу механизм возмещения части средств, потраченных на лизинг оборудования и спецтехники. Сохраняется программа предоставления инвестзаймов под пониженную процентную ставку с учетом субсидирования из областного бюджета в 7% годовых. Одним из ключевых звеньев инфраструктуры поддержки и развития предпринимательства является фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области». Еще одна структура, оказывающая помощь малому и среднему бизнесу, – Областной бизнес-инкубатор.

В январе 2015 г. на базе тюменского отделения «Опоры России» и федерального Альянса развития предпринимательства были созданы Центр развития предпринимательства, а также Агентство кредитных гарантий с целью поддержки малых и средних предприятий, модернизации существующего бизнеса, помощи в создании новых предприятий. Планируется осуществление малой индустриализации на селе путем создания большого количества гибких современных производств, перерабатывающих основные местные ресурсы и имеющих качественную товарно-сбытовую сеть. Таким образом, эти меры могут стать реальной основой структурных реформ в Тюменском регионе.

Однако есть и «ложка дегтя» в этой «бочке меда». Если мы рассмотрим структуру инвестиций в основной капитал, то увидим, что львиная их доля осуществляется за счет лишь трех крупных проектов: Антипинский НПЗ, «Тобольск-Нефтехим» и «Тобольск-Полимер» (два последних реализует «Сибур Холдинг»), на них приходится 15%. Если сюда добавить проекты в нефтедобыче, доля которых в общем объеме инвестиций составляет 13%, то можно сделать очевидный вывод. Инвестиции в эти масштабные проекты осуществляются не по причине благоприятной бизнес-среды, а скорее, обусловлены территориальной близостью месторождений углеводородов севера области, то есть капитализируется главным образом сырьевая специализация региона, нежели его инфраструктурная обустроенность.

Проанализировав структуру инвестиций в основной капитал с точки зрения размера бизнеса, можно заключить, что доля малых и средних предприятий ничтожна и имеет тенденцию к снижению.

Представленные данные свидетельствуют о том, что усилия органов власти Тюменской области по созданию благоприятных условий ведения бизнеса направлены на стимулирование инвестиционной активности крупных игроков, в то время как бизнес-среда региона не обеспечивает приход инвесторов в средний и малый бизнес. В этом отношении сохраняет свою перспективность развитие туристического бизнеса и придорожного сервиса, нефтесервиса и деревообработки, переработки сельхозпродукции, что наряду с развитием крупных промышленных комплексов позволит обеспечить баланс в экономике и городской инфраструктуре. Также к числу перспективных направлений, способных выступить ядром будущей экономики Тюменской области, относится развитие биотехнологий. В качестве приоритетных сегментов, обладающих наибольшим потенциалом, можно выделить агро- и промышленные биотехнологии.

Таким образом, на федеральном уровне предпринимаются меры по созданию благоприятной бизнес-среды, включая продвижение России в международных инвестиционных рейтингах. Рейтинг Douing Business позволяет увидеть собственные точки

роста и перенять положительные практики из других стран. Однако в данный момент дальнейший прогресс нашей страны, по свидетельству заместителя министра экономического развития С. Воскресенского, все больше будет зависеть от власти в субъектах Федерации и муниципалитетов, от того, «смогут ли они создать дух и атмосферу, при которых хочется заниматься предпринимательством», а также общих условий правоприменения в стране.

Литература

1. Ивантер А. Условно уценили //Эксперт. – 2015. – № 10. – С. 13–17.
2. Кузнецова Л. Г. Транспарентность как условие выхода российских предприятий на рынки долгосрочных заимствований// ЭКО. – 2006. – № 3. – С.145–157.
3. Рейтинговые войны: проблема объективности //ТПП-информ. – 2012. – 6 авг.
4. Придумать будущее//Эксперт. – 2015. – № 10. – С. 11.
5. Рейтинг как баланс интересов// Expert Online. – 2015. – 16 янв. URL: Expert.ru
6. В России не любят бизнес. URL: vedomosti.ru. (дата обращения: 16.01.2015).
7. World Data Bank, World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/variableSelection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators>
8. Corporate and Indirect Tax Rate Survey, 2012. URL: http://www.kpmg.com/DE/de/Documents/Corporate_and_Indirect_Tax_Survey_2012.pdf
9. Статистическое расследование очевидного//Эксперт-Урал. – 2015. – № 14 (640).

«Роснефтегаз» – не про нефть, и не про газ

А.А. БАЛАБИН, кандидат экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: bal_kon@mail.ru

На примере создания и развития одного из российских акционерных обществ анализируются процедуры формирования холдингов в российской нефтяной отрасли, оценивается влияние государства на их становление и развитие. Показано, что зачастую возникновение холдингов носило ситуативный, случайный характер и не преследовало далеко идущих целей. До настоящего времени для расширения влияния холдингов используются близость к государству, административные, внеэкономические рычаги. Вместе с тем вопросам экономической целесообразности такого расширения, стратегии развития холдингов не уделяется должного внимания.

Ключевые слова: «Роснефтегаз», «Роснефть», холдинг, управление акционерным капиталом

*“Взгляните на птиц небесных:
они ни сеют, ни жнут,
ни собирают в житницы;
и Отец ваш Небесный питает их”.*

Евангелие от Матфея (6:26)

Большинство взрослых читателей журнала «ЭКО» знают, что молочные реки в кисельных берегах, скатерти-самобранки и щуки, исполняющие любые желания, встречаются только в сказках. Но есть в нашей стране компания, которая имеет чудесную возможность извлекать из скважин не нефть, не газ и даже не банальную минеральную воду, а сразу, минуя этапы разведки, освоения, добычи, транспортировки и переработки, получать нефте- и газорубли. Эта компания называется открытое акционерное общество «Роснефтегаз». Об этой компании (которую далее для краткости будем называть просто – «Роснефтегаз») и пойдет речь в статье.

История «Роснефтегаза» одновременно и уникальна, и типична для нашей страны. Само создание компании можно назвать случайностью, следствием юридического казуса. Начнем с того, что еще в начале 2000-х годов руководители ОАО «Газпром» (далее – «Газпром») задумались о диверсификации бизнеса в смежную с газовой отрасль – нефтедобычу. Для достижения этой цели проще всего было приобрести какую-нибудь небольшую

действующую нефтяную компанию, а еще интереснее – не за живые деньги, а «за просто так». Такое чаще всего случается, если у государства имеется какой-нибудь не очень доходный актив, а у вас – хорошие связи с этим государством.

С другой стороны, федеральный центр хотел «за просто так» вернуть контроль над «Газпромом», утраченный в ходе его чековой приватизации¹. К весне 2004 г. стороны сошлись на том, что «Газпром» получит единственную остававшуюся государственной небольшую и не самую эффективную нефтяную компанию ОАО НК «Роснефть», а взамен отдаст государству контроль над собой. Для этого акции «Газпрома» (10,7% его уставного капитала), принадлежавшие его дочерним обществам, должны были попасть под контроль Росимущества, а 100% акций ОАО НК «Роснефть» – перейти «Газпрому».

Передать по закону – это непросто

Прямой обмен государственного ведомства и частного «Газпрома» каким-либо имуществом с точки зрения закона выглядит довольно сомнительно и наводит на неправильные мысли о приватизации/национализации. Поэтому для того чтобы осуществить «принципиальную схему», была создана «фирма-прокладка», названная довольно банально – открытое акционерное общество «Роснефтегаз»². Формальным (и единственным) учредителем общества выступило ФГУП ВО «Технопромэкспорт» (далее – «Технопромэкспорт»). Сам «Технопромэкспорт» был федеральной собственностью и до 2004 г. включительно находился в ведомственном подчинении Минэкономразвития РФ, а с 1 января 2005 г. – Федерального агентства по управлению федеральным имуществом (Росимущество).

«Роснефтегаз» был зарегистрирован 23 ноября 2004 г. по юридическому адресу, совпадавшему с местоположением его

¹ Об этом подробнее см. [1].

² Нынешняя ОАО НК «Роснефть» возникла в 1993 г. путем передачи активов Российской государственной нефтегазовой корпорации «Роснефтегаз», созданной, в свою очередь, Указом Президента РСФСР от 20.08.1991 г. № 66. Таким образом, новая компания была названа в честь «бабушки». Вместе с тем в России есть и просто «однофамильцы» нашей компании, например, ООО «Корпорация Роснефтегаз», созданная еще в 1990 г. и в настоящее время являющаяся крупнейшим перевозчиком железнодорожных грузов в Ямало-Ненецком АО.

«подставного родителя» – «Технопромэкспорта». Первоначальный уставный капитал Роснефтегаза составлял 500 тыс. руб., разделенных на 50 тыс. акций номинальной стоимостью 10 руб. [2]. В качестве основного вида деятельности указана добыча сырой нефти, нефтяного (попутного) газа, добыча природного газа и газоконденсата, дополнительного – деятельность по управлению холдинг-компаниями³.

Таким образом, на первом этапе сформированная организационно-правовая конструкция напоминала «матрешку» – государство на 100% владело «Технопромэкспортом», а тот, в свою очередь, на 100% – «Роснефтегазом».

На следующем этапе был осуществлен второй выпуск акций «Роснефтегаза», зарегистрированный ФСФР 31 мая 2005 г. Компания выпустила 18,355 млрд обыкновенных акций номиналом 10 руб. в пользу Росимущества. Они были размещены по цене 40 руб. за акцию, а Росимущество оплатило их, передав 1 июня 2005 г. «Роснефтегазу» 100% акций «Роснефти». Таким образом, сумма увеличения уставного капитала «Роснефтегаза» составила 734,2 млрд руб. (26,16 млрд долл. США), что формально совпадало с рыночной стоимостью переданных акций «Роснефти», зафиксированной по состоянию на 1 января 2005 г. в отчете независимого оценщика – компании «2К Аудит-Деловые консультации», и предварительной оценкой инвестиционного банка Morgan Stanley [3]. «Роснефтегазом» стали владеть два акционера – Росимущество и «Технопромэкспорт», а сам «Роснефтегаз» – «Роснефтью».

Правда, при этом возникла неувязка – в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2004 г. № 1113-р «Технопромэкспорт» был включен в очередной прогнозный план (программу) приватизации на 2004 г., он должен был быть преобразован из ФГУП в открытое акционерное общество. И тогда владельцами «Роснефтегаза» потенциально могли бы стать «посторонние лица».

«Технопромэкспорт» нужно было вывести из числа владельцев «Роснефтегаза». Казалось бы, передай ФГУП находящиеся в его владении 50 тыс. акций «Роснефтегаза» своему хозяину – Росимуществу – и акционируйся на здоровье! Но передача акций Росимуществу означала бы, что оно становилось единственным

³ URL: <http://www.rusprofile.ru/id/901938> (дата обращения: 19.06.2015).

владельцем «Роснефтегаза». А тот, в свою очередь, являлся единственным владельцем «Роснефти». Однако в соответствии с Гражданским кодексом РФ (ст. 98.6) акционерное общество не может иметь в качестве единственного участника другое ОАО, состоящее из одного лица. Поэтому понадобился третий этап. Для «Роснефти» нужно было найти еще хоть одного совладельца, помимо «Роснефтегаза». Оригинальный выход был найден в том, что «Роснефтегаз» продал одну (!) акцию «Роснефти» своему хозяину – «Технопромэкспорту». Сделка была зарегистрирована 14.11.2005 г., ее сумма (по сообщениям СМИ) составила 1 руб. [4].

И уже 15.11.2005 г. распоряжением Росимущества № 2536-р состоялось преобразование ФГУП ВО «Технопромэкспорт» в ОАО ВО «Технопромэкспорт» и был утвержден его устав. Единственным владельцем нового ОАО оставалось Росимущество, а почти всё имущество ФГУП переходило к ОАО. В это «почти» не вошли 50 тыс. акций первого выпуска акций «Роснефтегаза» и одна акция «Роснефти», оставшиеся за Росимуществом [5]. С этого момента ОАО ВО «Технопромэкспорт» уже не будет иметь никакого отношения к «Роснефтегазу», а последний в 2007 г. переедет под новую крышу, сменив юридический и фактический адрес в Москве (ул. Софийская набережная, 26/1, где расположен и головной офис «Роснефти»)⁴.

Теперь «Роснефтью» формально стали владеть два лица – «Роснефтегаз» (100% минус 1 акция) и Росимущество (1 акция).

Возможно, не стоило так подробно описывать давние тонкости манипулирования акционерным капиталом, если бы не тот факт, что в дальнейшем данная схема (неденежный обмен «Роснефтегазом» своих акций на пакеты акций энергетических компаний, находившихся в собственности государства, с удержанием последним всего одной или нескольких акций) применялась десятки раз и используется до сих пор – то есть стала типовой.

⁴ По иронии судьбы, в начале XX века данное здание строилось по заказу купцов Бахрушиных, как Дом бесплатных квартир для вдов с детьми и учащихся девиц. Всего в бахрушинских домах на Болоте (и бесплатных, и «дешёвых») было 456 квартир, в которых к 1913 г. проживали 631 взрослый и 1378 детей. Это был первый для Москвы опыт сотрудничества частного капитала и городских властей в постройке крупных муниципальных жилых комплексов («Софийская набережная» Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%B0%D1%8F) (дата обращения: 20.06.2015).

И хочется, и колется, и матушка не велит

Итак, подготовительные этапы для передачи акций «Роснефти» «Газпрому» были завершены. Вместе с тем параллельно с вышеописанными событиями с середины 2003 г. развивалось скандальное дело нефтяной компании «ЮКОС», связанное с расследованием налоговых и уголовных нарушений. Не будем в этой статье обсуждать, насколько неправомерными и противозаконными были действия владельцев и менеджеров «ЮКОСа», отечественный и зарубежные суды дают различающиеся оценки на этот счет. Отметим, что одним из его главных итогов стало то, что эта крупная нефтяная компания была признана банкротом, а ее активы были выставлены на продажу. Другим важным итогом стала крайне негативная реакция зарубежных деловых и политических кругов, средств массовой информации, обвинивших руководство России в разгроме «ЮКОСа».

В связи с этим встал на повестку дня вопрос о будущем одной из крупнейших нефтедобывающих компаний страны ОАО «Юганскнефтегаз» (далее – ЮНГ). Ее судьба должна была быть решена на аукционе в конце 2004 г. Наверное, если бы ЮНГ выставили на продажу без сопутствующего «шлейфа» налоговых и уголовных дел, первым претендентом на аукционе мог бы быть, конечно, «Роснефтегаз». Это вполне соответствовало первоначальной задумке: объединение «Роснефти», ЮНГ и нефтяных газпромовских активов под общим контролем автоматически привело бы к формированию крупнейшей российской нефтяной компании. И вместе с тем международные последствия приобретения «спорных», с точки зрения Запада, активов могли весьма скверно сказаться на зарубежных финансовых делах самого «Газпрома». Вероятно, взвесив «плюсы» и «минусы» такого приобретения, руководство «Газпрома» решило не связывать себя «сомнительным» активом и отказаться (во всяком случае формально) от участия в приобретении имущества «ЮКОСа». Почти наверняка эта позиция была согласована и с руководством страны.

Не заставили себя долго ждать и западные «санкции». Суд по банкротству южного округа штата Техас в Хьюстоне вынес решение о временной приостановке всех операций с активами российской нефтяной компании «ЮКОС». Вынося

решение в пользу «ЮКОСа», судья Кларк заявила: «Участники международной торговли в России, в США и в других странах должны ожидать, что, вкладывая инвестиции в зарубежные предприятия, они могут делать это, не опасаясь, что их инвестиции могут подвергнуться конфискационным действиям со стороны зарубежных правительственных ведомств» [6]. Взять на себя риски по кредитованию «Газпрома» для выкупа основного добывающего актива «ЮКОСа» западные банки после этого не захотели.

И вот в декабре 2004 г., за две недели до проведения аукциона по продаже акций ЮНГ, появилась новая «солидная» компания с уставным капиталом в 10 тыс. руб. – общество с ограниченной ответственностью «Байкалфинансгруп». Как известно, в аукционе приняло участие и ООО «Газпромнефть», созданное при участии «Газпрома» в сентябре 2004 г., которое также было перед аукционом передано формально не связанным с «Газпромом» лицам. На аукционе 19 декабря 2004 г. ООО «Газпромнефть» благоразумно не сделало ни одной заявки, и победителем стало ООО «Байкалфинансгруп», приобретя 76,79% акций ЮНГ за более чем 247 млрд руб. Как выяснилось из дальнейшего развития событий, конечным приобретателем ЮНГ оказалась «Роснефть»⁵, та самая, которую ранее собирался приобрести «Газпром», и ради чего, собственно, и затевалась вся эта возня с «Роснефтегазом».

Благодаря приобретению ЮНГ, «Сибнефть» сохранила независимость от «Газпрома». Купить «Сибнефть» (теперь уже вместе с ЮНГ) «Газпром», в силу политических и финансовых соображений, теперь не мог себе позволить. Однако задача по доведению доли государства в капитале «Газпрома» до контрольной – осталась. Теперь нужно было изыскивать живые деньги для того, чтобы выкупить недостающие для установления государственного контроля газпромовские акции. И тут помог тот актив, который был у «Роснефтегаза» – акции «Роснефти».

В конце 2005 г. «Роснефтегаз» под залог 49% акций «Роснефти» (и дополнительно – под поручительство «Роснефти») заключил кредитный договор с синдикатом зарубежных банков

⁵ Более подробно см. [7].

на сумму до 7,5 млрд долл.⁶ Он был потрачен на покупку 10,74% акций «Газпрома», находившихся у дочерних предприятий газового монополиста⁷.

Источником для погашения кредита стала продажа «Роснефтегазом» в 2006 г. части акций «Роснефти».

Размещение акций «Роснефти» состоялось 14 июля 2006 г. как в нашей стране (на биржах РТС и ММВБ), так и за рубежом (на Лондонской фондовой бирже, в форме глобальных депозитарных расписок). Организаторами размещения выступили всё те же банки, которые давали «Роснефтегазу» кредит на покупку акций «Газпрома».

Размещение акций в отечественной прессе было названо «народным IPO» (хотя основными покупателями были юридические лица). Общий объем размещения составляли два пакета акций – 1126 млн «старых» акций (из 9092 млн акций, принадлежащих «Роснефтегазу»), а также 285 млн вновь выпущенных акций. Итоговая цена размещения составила 7,55 долл. за одну акцию или глобальную депозитарную расписку. Общая вырученная сумма – 10,65 млрд долл. Это стало самым крупным размещением акций в России и пятым крупнейшим за всю предшествующую историю мирового фондового рынка [8].

В результате размещения акций «Роснефти» доля «Роснефтегаза» в уставном капитале «Роснефти» снизилась, но зато появились 8,5 млрд долл. на погашение синдицированного кредита и процентов по нему.

Помимо этого в том же году «Роснефть» консолидировала акции 12 своих «дочерних» обществ. Для этого акции этих

⁶ В синдикат входили банки – ABN Amro, Dresdner Kleinwort Wasserstein, JP Morgan и Morgan Stanley. Кредит «stand-by» был выдан сроком на год, ставка кредитования – LIBOR+1,55%, плюс комиссионные организаторам выпуска // Годовой отчет открытого акционерного общества «Роснефтегаз» за 2005 г. URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/> (дата обращения: 10.03.2014). Вместе с тем имеются данные, что два банка, участвовавшие в предварительных переговорах о кредитовании, – британский Barclays и французский BNP Paribas, – в последний момент, побоявшись, отказались от участия (подробнее см.: URL: <http://www.vremya.ru/2005/165/8/133925.html> (дата обращения: 10.03.2015)).

⁷ Вместе с тем неверно, что все акции «Газпрома», находившиеся под его контролем, были проданы «Роснефтегазу». По некоторым данным, накануне сделки с «Роснефтегазом» дочерние и зависимые общества «Газпрома» владели в совокупности 18,26% акций «Газпрома» (см.: URL: <http://www.banki.ru/news/bankpress/?id=258237>; URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=131862>).

компаний (находившиеся в собственности третьих лиц, акционеров-миноритариев) менялись на новые дополнительные выпуски акций самой «Роснефти» (в совокупности потребовалось выпустить еще 1221 млн акций). Это также привело к некоторому сокращению доли «Роснефтегаза» в уставном капитале «Роснефти».

В результате совокупности операций 2006 г. «Роснефтегазу» стало принадлежать 75,16% акций «Роснефти» и 10,74% акций «Газпрома». Обратим внимание на то, что совокупность сделок, совершенных как бы под действием «стихийных рыночных сил», в том числе в ходе «народного IPO» «Роснефти», привела к вполне определенным и желаемым результатам – у государства остался блокирующий пакет акций «Роснефти», появился контрольный пакет акций «Газпрома»⁸ и полностью были погашены кредиты западных банков.

Запасной внебюджетный кошелек

Казалось бы, теперь функции «Роснефтегаза» были выполнены, фирма-«прокладка» больше не нужна, и остается только ее ликвидировать, а пакеты акций – передать Росимуществу. Но по ходу дел выяснилась весьма привлекательная особенность существования «Роснефтегаза»: мало того что он позволял национализировать, как бы не национализируя, и приватизировать, как бы не приватизируя, он еще и приносил прибыль. Главным источником стали дивиденды по акциям «Роснефти» и «Газпрома». Если бы владельцем акций было непосредственно Росимущество, доходы от акций неизбежно зачислялись бы в федеральный бюджет. И их зачисление, и их расходование регулировалось бы Бюджетным кодексом, федеральными законами о бюджете и бюджетным процессом. А прибыль «Роснефтегаза» счастливым образом из этого процесса «выпадала». Собственно говоря, она продолжает «выпадать» и в настоящее время. Конечно, было бы наивно думать, что «номинальный» руководитель «Роснефтегаза» самостоятельно и бесконтрольно выбирает направления расходования средств. Просто высокие бенефициары «Роснефтегаза»

⁸ Он сложился из акций, принадлежащих Росимуществу (38,37%), ОАО «Росгазификация» (0,89%), и «Роснефтегаза» (10,74%). С учетом того, что и «Роснефтегаз» (полностью), и ОАО «Росгазификация» (на $\frac{3}{4}$) принадлежат Росимуществу, общий пакет акций «Газпрома», контролируемых прямо или косвенно через Росимущество, составил 50,002%.

могут несколько свободнее оперировать денежными потоками, не связывая себя жесткими требованиями законодательства.

О каких же суммах идет речь? Некоторые финансовые показатели деятельности «Роснефтегаза» приведены в таблице 1.

**Таблица 1. Некоторые показатели деятельности
ОАО «Роснефтегаз» в 2005-2013 гг., млрд руб.**

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Чистые активы, на конец года	1012, 5	2717, 9	2726,7	1155,4	2489,7	2346,3	2271,2	2661,8	2550,4
Чистая прибыль	(-3,7)	0,1	16,4	0,4	16,4	25,4	33,7	83,0	160,9
Полученные дивиденды – всего	0,0	0,0	17,0	19,5	16,3	24,5	32,0	83,0	75,0
В том числе:									
«Роснефть»	-	-	10,6	12,7	15,3	18,4	22,0	60,0	59,3
«Газпром»	-	-	6,4	6,8	0,9	6,0	9,8	22,8	15,6
прочие организации	-	-	-	-	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2
Уплаченные дивиденды	-	-	-	15,5	-	-	-	80,5	30,4
Денежные средства и и денежные эквиваленты (на конец года)*	0,0	5,6	16,3	1,2	17,5	45,2	78,5	83,9	64,9
Проценты к получению**	0,0	0,2	0,3	0,5	0,1	1,3	2,9	7,2	10,7

* За 2005-2010 гг. указана сумма по строке «Депозитные вклады» формы №5 приложения к бухгалтерскому балансу.

** За 2005-2010 гг. указана сумма по строке «Полученные проценты по депозитным вкладам» формы №4 приложения к бухгалтерскому балансу

Источник: Данные официальной отчетности ОАО «Роснефтегаз», URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/>, URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/finance> (дата обращения: 17.03.2015).

Чистые активы предприятия увеличились с 2005 по 2013 гг. в 2,5 раза. Поскольку мы имеем дело с холдинговой структурой, этот показатель отражает главным образом текущую рыночную оценку принадлежащих «Роснефтегазу» пакетов акций. Сильное падение чистых активов в 2008 г. объясняется, конечно, финансовым кризисом, охватившим фондовый рынок России, и последовавшей формальной переоценкой акций в портфеле «Роснефтегаза» в конце декабря того года. Следом за восстановлением биржевых цен на фондовом рынке последовал и соответствующий рост чистых активов. Косвенно такой размах колебаний чистых активов говорит о сомнительной надежности текущих оценок, которые дает для сырьевых компаний российский (да и не только российский) фондовый рынок.

Из таблицы 1 видно, как устойчиво и быстро росла сумма полученных дивидендов. Начиная с 2007 г. они увеличились

без малого в 4,5 раза. Во-первых, этому способствовали высокие цены на энергоносители, которые формировали в эти годы сверхприбыль как у «Роснефти», так и у «Газпрома». Во-вторых, Правительством РФ было принято решение, которое предписывает представителям Российской Федерации в акционерных обществах руководствоваться минимальным уровнем выплаты дивидендов в размере «не менее 25% чистой прибыли акционерного общества (без учета доходов, полученных от переоценки финансовых вложений)»⁹.

Однако самим «Роснефтегазом» дивиденды в пользу Росимущества выплачивались крайне нерегулярно и почти никак не корреспондировали с полученными компанией доходами (некоторое соответствие наблюдалось только в 2012 г.).

Вследствие этого происходило систематическое накопление свободных денежных средств на счетах «Роснефтегаза». На конец 2012 г. их остатки составляли без малого 84 млрд руб., на конец 2013 г. – около 65 млрд руб.¹⁰

Деньги эти систематически размещались и размещаются на краткосрочные банковские депозиты, что дает еще один неплохой источник доходов «Роснефтегаза». Только в 2013 г. сумма процентов по депозитам составила 10,7 млрд руб.

Были и кое-какие «социальные» траты, которые не совсем удобно финансировать из федерального бюджета. Одна из них – участие в 2012 г. в формировании специализированного фонда целевого капитала поддержки и развития Сколковского института науки и технологий на сумму 1,9 млрд руб. Также в 2013 г. было перечислено на деятельность автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» 6 млрд руб.¹¹

По нашим расчетам, в 2015 г., исходя из решений годовых собраний акционеров «Газпрома» и «Роснефти» о выплате

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации №2083-П от 12.11.2012 г.

¹⁰ Для сравнения: расходы федерального бюджета на культуру в 2013 г. составили чуть более 86 млрд руб. Информация об исполнении консолидированного бюджета РФ. URL: <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/> (дата обращения: 22.03.2015).

¹¹ Годовой отчет открытого акционерного общества «Роснефтегаз» за 2013 г. С. 20. URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/> (дата обращения: 19.06.2015).

дивидендов за 2014 г., и современной доле в них «Роснефтегаза», дивиденды «Газпрома» в пользу «Роснефтегаза» за 2014 г. составят 18,7 млрд руб., «Роснефти» – 60,5 млрд руб.

Сам «Роснефтегаз» заплатит за 2015 г. 30,09 млрд руб. дивидендов, что составляет 16,4% от чистой прибыли. Попытка Министерства финансов «вытащить из копилки» «Роснефтегаза» в бюджет больше дивидендов (напомним, что компаниям с государственным участием положено платить не менее 25% чистой прибыли), в очередной раз не увенчалась успехом¹².

Парадоксальными в этой связи выглядят недавние предложения «Роснефти» потратить на свои инвестиционные проекты не деньги «материнского» «Роснефтегаза», а – в связи с «санкциями» США и Евросоюза – средства Фонда национального благосостояния¹³.

Копилка «энергетических» акций

Поскольку «Роснефтегаз» окончательно оформился как постоянный держатель «энергетических» акций и имел доступ к «административным» и финансовым ресурсам, он продолжил играть роль собирателя акций компаний топливно-энергетического комплекса.

Перечислим эти приобретения.

В 2009 г. Росимуществом были переданы 74,55% акций ОАО «Росгазификация», на балансе которого, в свою очередь, находились (и находятся до настоящего времени) 0,89% акций «Газпрома».

В том же году Росимуществом были переданы государственные доли в 81 организацию газовой промышленности (в том числе 16 контрольных пакетов акций). Основная часть компаний, пакеты акций которых внесены в уставный капитал «Роснефтегаза», – газораспределительные организации (ГРО). ГРО являются специализированными организациями, осуществляющими эксплуатацию газораспределительной системы и оказывают

¹² URL: <http://www.vedomosti.ru/business/news/2015/08/14/604896-rosneftegaz-viplatit-dividendi-3009-mlrd-rublei> (дата обращения: 15.08.2015).

¹³ Первоначально запрашиваемый объем средств составил фантастические 2 трлн руб. (см, например, URL: <http://www.rbcdaily.ru/industry/562949992731596>, дата обращения 15.08.2015), что конечно, несопоставимо со средствами, которыми располагает «Роснефтегаз». Но хотя бы для соблюдения приличий в проектах мог бы как-то «поучаствовать» и «Роснефтегаз». К счастью, пока что почти все эти запросы «Роснефти» в настоящее время отложены на неопределенный срок (об этом подробнее см. [9]).

услуги, связанные с подачей газа потребителям на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации, а также осуществляют поставки потребителям сжиженного углеводородного газа¹⁴. Отметим, что все эти организации являются прибыльными, и, следовательно, тоже с 2009 г. платят дивиденды «Роснефтегазу» (см. табл.1, строка – «Прочие организации»).

Первоначально предполагалось, что акции ГРО будут переданы «Газпрому» в обмен на его собственные. Однако данная сделка в полном объеме не состоялась¹⁵. Впоследствии были переданы акции только четырех предприятий: ОАО «Дальтрансгаз» (в 2010 г.), ОАО «Чеченгаз» и ОАО «Чеченгазпром» (в 2012 г.), ОАО «Камчатгазпром» (в 2013 г.).

В 2011 г. были переданы 100% минус одна акция научного института ОАО «Институт геологии и разработки горючих ископаемых» и такого же количества акций ОАО «Калининградгазификация».

Все вышеперечисленные приобретения происходили без использования денежных средств, в обмен на новые дополнительные выпуски акций самого «Роснефтегаза». Как уже отмечалось, систематически повторялась схема, опробованная при передаче акций «Роснефти» в 2005 г.

В 2012 г. было принято окончательное решение о закреплении за «Роснефтегазом» функций постоянно действующего холдинга – держателя «государственных» пакетов акций топливно-энергетических предприятий.¹⁶ Определялось, что «Роснефтегаз» может принимать участие в приобретении акций этих предприятий, в том числе в ходе приватизации, и разрешалось использовать для этого дивиденды, полученные «Роснефтегазом».

Наиболее значимыми покупками «Роснефтегаза» в последующие годы стали:

- приобретение в 2013 г. дополнительно 0,23% акций «Газпрома». Общая доля акций «Газпрома», находящихся в собственности «Роснефтегаза», составляет на сегодняшний день 10,97%;

¹⁴ Перечень, перечисляющий ГРО и ОАО «Росгазификацию», приведен в Распоряжении Правительства РФ от 15 мая 2008 г. № 690-р.

¹⁵ Об этом подробнее см.: [10].

¹⁶ Указ Президента РФ от 22.05.2012 N 695 «О мерах по приватизации находящихся в федеральной собственности пакетов акций крупнейших компаний топливно-энергетического комплекса».

- приобретение, начиная с 2012 г., акций ОАО «Интер РАО». В настоящее время пакет акций в собственности составляет 27,6% уставного капитала¹⁷. Основная часть акций была куплена (на этот раз за «живые деньги») в конце 2013 г. у ГК «Росатом» (12,5%), и в 2014 г. – у Росимущества (13,8%) [11].

Наконец, в мае 2015 г. принято решение о передаче до конца текущего года в качестве вклада в уставный капитал государственных пакетов акций еще 13 организаций – научно-исследовательских и проектных нефтегазовой промышленности, компаний по производству смазочных материалов и т.п.¹⁸

Наряду с приобретениями в ноябре 2013 г. «Роснефтегаз» продал 5,66% акций «Роснефти» британской нефтегазовой компании BP plc. Сделка была составной частью комбинации по приобретению «Роснефтью» одной из российских нефтяных компаний – ТНК-BP, основанной на паритетных началах компанией BP plc и группой российских олигархов в 2003 г. и до недавнего времени остававшейся третьей крупнейшей компанией по объемам добычи нефти в России. По ряду причин прежние совладельцы ТНК-BP не смогли «ужиться» друг с другом. Корпоративный конфликт был разрешен появлением третьего лица – «Роснефти», сделавшей (по-видимому, не без поддержки первых лиц российского государства) предложение, от которого противоборствующим сторонам было трудно отказаться: выкупить доли обеих противоборствующих сторон в уставном капитале, оплатив их частично деньгами, а частично – своими собственными акциями. В результате многотрудной сделки BP plc уступила свою долю в ТНК-BP, получив в качестве материальной компенсации 16,65 млрд долл. и 12,84% акций «Роснефти». Часть из этих денег (4,87 млрд долл.) была потрачена на покупку вышеуказанных 5,66% акций «Роснефти» у «Роснефтегаза».

С учетом уже находившихся ранее в собственности акций «Роснефти» (1,25%) общий пакет акций «Роснефти» в собственности BP plc составляет 19,75%. Это, конечно, немало, но контроля над «Роснефтью» не обеспечивает. BP plc (как, впрочем, и прежние российские собственники ТНК-BP) была отстранена от

¹⁷ Информация представлена на официальном сайте ПАО «Интер РАО». URL: <http://www.interrao.ru/company/capital/> (дата обращения: 19.06.2015).

¹⁸ Указ Президента РФ №270 от 26.04.2015 г. «О дальнейшем развитии открытого акционерного общества «Роснефтегаз».

оперативного управления российскими нефтяными компаниями, а «Роснефть» после присоединения ТНК-ВР стала одной из крупнейших в мире публичных нефтегазовых компаний по объемам добычи и запасам углеводородов. При этом 69,5% акций «Роснефти» по-прежнему находятся в собственности «Роснефтегаза»¹⁹.

Достойное вознаграждение за работу

Понятно, что деятельность «Роснефтегаза» не связана с решением задач в производственной или коммерческой области нефтегазового бизнеса. Это скорее номинальное юридическое и документальное оформление решений совета директоров компании и его неизменного председателя с 2004 г. – Игоря Ивановича Сечина, являющегося одновременно (и в первую очередь) президентом и заместителем председателя Совета директоров могущественной «Роснефти». Исполняет обязанности генерального директора ОАО «Роснефтегаз» Каланда Лариса Вячеславовна, юрист по образованию, с 2006 г. – вице-президент ОАО НК «Роснефть», курировавшая вопросы правового обеспечения финансово-хозяйственной деятельности компании, разработки и реализации правовой политики по защите активов и интересов акционеров компании. В 2009 г. назначена заместителем председателя правления ОАО НК «Роснефть». С 2012 г. по настоящее время – статс-секретарь – вице-президент ОАО НК «Роснефть». Отметим, что в составе совета директоров «Роснефтегаза» на сегодняшний день нет представителя основного акционера «Роснефтегаза» – Росимущества²⁰.

Из состава органа управления «Роснефтегаза» следует, что юридически самостоятельный и принадлежащий Росимуществу «Роснефтегаз» фактически является одним из управленческих подразделений «Роснефти» и подчиняется в операционной деятельности непосредственно президенту «Роснефти». Некоторые показатели по труду и заработной плате в «Роснефтегазе» представлены в таблице 2.

¹⁹ Информация размещена на официальном сайте ОАО НК «Роснефть» в Интернете. URL: http://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital (дата обращения: 19.06.2015).

²⁰ Полный состав совета директоров приведен в Годовом отчете открытого акционерного общества «Роснефтегаз» за 2013 г. С. 8. URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/> (дата обращения: 19.06.2015).

**Таблица 2. Численность занятых и расходы на оплату труда
в ОАО «Роснефтегаз» в 2005-2013 гг.**

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Затраты на оплату труда, тыс. руб.	3862	3813	3331	3605	10859	22948	25204	26346	29244
Среднесписочная численность занятых, чел.*	8	8	8	7	15	13	13	10	10
Оплата труда на 1 чел., тыс. руб./мес.	40,2	39,7	34,7	42,9	60,3	147,1	161,6	219,6	243,7

* За 2008-2012 гг. указана численность занятых на конец года.

Источник: Данные годовых отчетов ОАО «Роснефтегаз» за соответствующие годы, URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/> (дата обращения: 17.03.2015).

Из таблицы следует, что в 2005-2008 гг. средняя зарплата работников почти не росла, по московским меркам можно было бы назвать её невысокой. И только начиная с 2009 г. происходит ее резкий рост – более чем в четыре раза. Можно предположить, что здесь сказалось осознание изменения статуса компании – из «бедного родственника», временной фирмы-«прокладки» она волею судьбы превратилась в «богатого рантье» – держателя акций крупнейших компаний России.

Врио генерального директора Л.В. Каланда вошла в списки наиболее влиятельных и богатых женщин России. В 2009 г. ее годовой доход (зарплата в «Роснефтегазе» составляет только его часть) составлял 54,2 млн руб., в 2010 г. – 84,3, в 2011 г. – 431,85, в 2012 г. – 728,0, в 2013 г. – 394,6, а в 2014 г. – 334,5 млн руб.²¹

О «правильных» и «неправильных» холдингах

В «жизни» «Роснефтегаза» можно выделить три периода. В первый из них, с даты своего создания по 2006 г., «Роснефтегаз» выполнял роль «временного передаточного звена», с помощью которого оформлялась сделка по консолидации контрольного пакета акций «Газпрома» в руках государства. Во второй период (2007-2011 гг.) компания становится доходным предприятием, возникает и укрепляется конкретными делами идея приобретения акций разнообразных предприятий энергетики с целью увеличе-

²¹ Данные о доходах Л.В. Каланды приводятся в официально опубликованных налоговых декларациях ее супруга, первого заместителя директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков В.А. Каланды. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3942/22419/index.shtml> (дата обращения: 19.06.2015).

ния их капитализации и дальнейшей перепродажи. И, наконец, начиная с 2012 г. по настоящее время «Роснефтегаз» получает закрепленный законодательно статус постоянного держателя и собирателя «энергетических» акций (на зарубежный манер это можно назвать stakeholder).

Как поговаривают строители в нашей стране, «нет ничего постоянного, чем временные сооружения». Из фирмы-«однодневки» Роснефтегаз превратился в солидного держателя акций большой группы предприятий энергетической сферы. Это случилось не в связи с экономической необходимостью и не стало результатом действия законов рыночной экономики. Однако это произошло и не случайно. При всей своей уникальности история «Роснефтегаза» ярко иллюстрирует продолжение применения прежних командно-административных методов управления экономикой (сейчас их называют «административными ресурсами»), формально прикрытых квалифицированным использованием современных норм акционерного законодательства.

Среди некоторых российских чиновников и политиков существует мнение, что, собирая «в кучку» разнородные (пусть даже и «энергетические») активы, они создают крупный энергетический холдинг. И более всего в этом уверены, кажется, сами руководители «Роснефтегаза». В одном из годовых отчетов, компания без ложной скромности охарактеризовала себя в качестве **«национального стратегического акционерного общества специального назначения»**²². Понадобилось нагромождение «национального», «стратегического», «специального», чтобы в бюрократическом восторге подчеркнуть значимость своей организации. Справедливости ради отметим, что «Роснефтегаз» действительно признан стратегическим акционерным обществом²³.

Как известно, холдинги, представляющие собой многоступенчатые структуры, состоящие из материнской и дочерних организаций, являются одной из современных форм управления крупными экономическими объектами. Создание холдинга преследует

²² Цит. по: Годовой отчет Открытого акционерного общества «Роснефтегаз» за 2012 год, С.28. URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/information/Rosneftegaz/reports/> (дата обращения: 20.06.2015).

²³ ОАО «Роснефтегаз» включено в «Перечень стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» Указом Президента Российской Федерации №1502 от 07.12.2004 г.

своей целью структуризацию сложных видов деятельности, юридическое обособление его наиболее существенных элементов в виде отдельных хозяйствующих субъектов при одновременном сохранении единой стратегии и тактики ведения глобального бизнеса, которые задаются материнской компанией.

Формирование холдинга уместно сравнить с коллекционированием. Все мы в детстве увлекались собиранием почтовых марок, значков, фантиков, спичечных коробков и т.п. И на детский взгляд представлялось, что чем больше у нас в альбоме или коробке предметов увлечения, тем ценнее наше собрание. Мальчик, у которого была 101 марка и альбом, чувствовал свое превосходство над товарищем, у которого было всего 84 марки и альбома не было. И только потом, взрослея, те, кто сохранил свои увлечения, уясняли себе, что коллекции придает ценность не объем, а особый тематический подбор предметов коллекционирования, полнота серий, уникальность того или иного экземпляра.

Казалось бы, прошли в нашей стране времена массовой приватизации, когда в «холдинги» попадало все, что подворачивалось под руку удачливому бизнесмену. Но, как видно выше на примере «Роснефтегаза», в некоторых взрослых до сих пор не ослабела еще «детская» тяга к собирательству.

Является ли «Роснефтегаз» в настоящее время холдингом? Организует ли он деятельность отраслевого комплекса? Составляют ли компании, держателем акций которых он является, нечто цельное, дополняющее друг друга? Есть ли самостоятельная «единая стратегия и тактика ведения глобального бизнеса»? Думается, пока что нет. И вряд ли они появятся. Ведь, с организационной точки зрения, головная часть российского «холдинга» «Роснефтегаз» подчинена своей «дочке», «Роснефти».

К примеру, зачем со стратегической точки зрения «Роснефтегазу» (читай – «Роснефти») акции «Интер РАО»? ПАО «Интер РАО» само по себе представляет громадный холдинг, объединяющий десятки электростанций, сбытовые, торговые и инженеринговые организации в нашей стране и за рубежом. В остав акционеров «Интер РАО» входят также ФСК ЕС, «РусГидро», «Интер РАО Капитал» – и нам понятен их интерес, так как очевидны их технологические и экономические взаимосвязи с деятельностью «Интер РАО». Но насколько целесообразно участие руководителя «Роснефти» в управлении энергетическим

объединением? Насколько можно охватить «административным взором» все разнообразие уже переданных «Роснефтегазу» активов и тех, которые намечается еще передать? Да и нужно ли это?

Наше государство регулярно объявляет о борьбе с фирмами-«однодневками», «прокладками», «офшорами» и т.п. И при этом оказывается, что существование и использование (пусть даже в самых благих целях) правовых схем, не нарушающих формально требований законодательства и позволяющих аккуратно их обойти, вполне допускаются самим государством. Дивиденды от эксплуатации природных богатств страны, принадлежащие фактически государству, можно не перечислять в федеральный бюджет, а хранить и копить с малопонятными целями на счетах некоего акционерного общества. Пользуясь внешними обстоятельствами, просить денег у государства, несмотря на наличие своих. И даже если хочешь поддержать благое дело, к примеру – Сколково или Агентство стратегических инициатив – делать через третьих лиц, потому что действующие законы не позволяют это осуществить напрямую. Такие примеры демонстрирует деловым людям деятельность «Роснефтегаза».

В последние несколько лет мир сильно продвинулся в освоении новых технологий производства топлива и энергии. Нельзя не заметить, что появление и широкое распространение технологий энергосбережения, добычи сланцевой нефти, сжижения газа, ветроэнергетики, и т.п. – нет, не заменило – но сильно повысило гибкость в добыче и потреблении топливно-энергетических ресурсов. Специализация в сочетании с применением уникальных технологий, быстрая реакция на изменение спроса – вот «конек» многих топливно-энергетических компаний, дающий им конкурентное преимущество. Мир развивается в сторону «умной энергетики». Вот на это, с точки зрения будущего, хотелось бы потратить дивиденды от наших недр. А вовсе не на бесплодные усилия по оформлению рыхлых, слабо управляемых и малоконтролируемых топливно-энергетических «холдингов», собирание «всякой твари по паре» и всего того, что «осталось неприватизированным». Да и юристы нынче обходятся дороговато.

Резкое падение цены на нефть в 2014 г. застало «Роснефть» врасплох. «Турбулентность» явно обнажила проблемы и сложности адекватного прогнозирования поведения нефтяных рынков. Традиционные подходы не учитывают высокой реактивности

этих рынков, их большой зависимости от тех или иных неучтенных факторов и решений участников. В результате мы постоянно сталкиваемся с непросчитанными и заранее не проанализированными ситуациями». И вместе с тем И.И. Сечин заявляет: «Пошатнуло ли происшедшее наши фундаментальные представления о долгосрочных трендах? Мне представляется, что в целом нет» [12. С.47]. Жаль, что руководитель предприятия видит проблему не внутри компании («у нас все правильно, только цены какие-то неправильные»), а вне ее – в плохом качестве прогнозирования, манипулировании ценообразованием, одностороннем субсидировании за счет нефтегазовой отрасли, недостаточном контроле за банковским сектором и т.п.

Мы вправе ожидать от крупнейшей государственной нефтедобывающей компании новой, соответствующей интересам страны, ответственной стратегии развития.

Литература

1. Балабин А.А. Зачем «Газпрому» нужна капитализация//ЭКО. – 2015. – №3. – С. 98-115.
2. Отчет Счетной палаты о результатах контрольного мероприятия «Проверка финансово-хозяйственной деятельности открытого акционерного общества «ВО «Технопромэкспорт», а также исполнения ранее направленных представлений Счетной палаты Российской Федерации». URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/a09/a09c7d252af7803f5f6133c5287f3d36.pdf>?ljcneq (дата обращения: 02.03.2015).
3. Цветкова Н. Начался процесс приватизации «Роснефти». URL: <http://www.svoboda.mobi/a/106128.html>
4. Росимущество получило одну акцию «Роснефти». URL: <http://lenta.ru/news/2005/11/15/rosneft/> (дата обращения: 02.03.2015).
5. «Технопромэкспорт» вышел из капитала «Роснефтегаза» и «Роснефти», передав свои пакеты Росимуществу. URL: <http://quote.rbc.ru/shares/ipo/news/2005/11/23/4774632.html> (дата обращения: 03.03.2015).
6. Суд Хьюстона запретил проведение аукциона по «Юганскнефтегазу»// Известия. – 2004. – 17 дек.
7. Ребров Д., Скорлыгина Н. «Роснефть» осветила дорогу к «Юганскнефтегазу»//Коммерсантъ. – 2007. – 16 нояб.
8. Данные официального сайта ОАО «НК «Роснефть». URL: <http://www.rosneft.ru/Investors/structure/IPO/> (дата обращения: 07.03.2015).
9. Папченкова М., Фадеева А. «Роснефть» теряет шансы на деньги ФНБ // Ведомости. – 2015. – 6 авг.
10. Мордюшенко О. Премьер отписал ГРО «Газпрому»//Коммерсантъ. – 2010. – №216 (4516).
11. Скорлыгина Н., Фомичева А. «Роснефтегаз» блокирует «Интер РАО»// Коммерсантъ. – 2014. – 20 янв.
12. Сечин И. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»?// Эксперт. – 2015. – №26-27(950). – С. 42-47.

Проблемы экономики коллективных действий*

Е.М. МАЙБУРД, кандидат экономических наук, Милуоки, Висконсин, США

*Расположение ресурсов, которое работает на практике,
может работать и в теории.*

«Закон Остромов»¹

В майском номере «ЭКО» опубликована интересная статья В. И. Клистори-на [1]. Автор ставит важные вопросы о проблемах финансового обеспечения на разных уровнях управления в современной России. Возможно, в этой связи заинтересованным читателям покажутся любопытными опыт и теоретические разработки американских ученых. При всех огромных различиях в историческом развитии обеих стран, традициях и социальной психологии населения, знание идей Элинор и Винсента Остромов могут быть полезными при обсуждении вопросов централизации-децентрализации и в поисках оптимальных пределов соучастия государства в частной деятельности граждан. Настоящая статья посвящена двум темам и, соответственно, разбита на две части.

Ключевые слова: общественные блага, моноцентризм, полицентризм

Ч. 1. Альтернативные системы предоставления общественных благ

Элинор Остром получила Нобелевскую премию по экономике 2009 г. за исследования систем управления ресурсами общего пользования (CPR). Однако это было лишь одним из направлений ее исследований. Элинор и ее супруг Винсент стояли у истоков так называемой Блумингтонской школы институционализма (Блумингтон – город в штате Индиана). Супруги Остром много лет занимались темой альтернативных систем публичной администрации. В этих исследованиях ведущим был Винсент, пока еще менее известный в России. Элинор выполняла основную работу по системам общественных благ.

Общественные блага

Множество благ, потребляемых людьми, можно делить по разным признакам. Например, *индивидуальные и коллективные*

* Публикуемый материал представляет собой журнальный вариант соответствующих глав из новой книги Е. Майбурда по истории экономической мысли, которую автор готовит к изданию.

¹ Сформулирован Ли Энн Феннел [2].

блага. Под иным углом можно различать *блага частные* и *общественные*. Последние тоже большей частью – коллективные, но это уж само собой разумеется.

Частные блага принято определять двумя признаками: 1) они делимы на однородные единицы или порции, и потому их можно измерять в дискретных и однородных единицах (в штуках, килограммах или тоннах, погонных метрах, кубометрах, киловатт-часах...) и 2) их источник – конкурентный рынок, где любой потребитель может их получить, если готов за это заплатить. Не все товарные услуги можно расфасовывать и хранить, но измерять в однородных единицах можно почти все, например, услуги такси – в километрах пробега, услуги бебиситера – в часах работы и пр.

Общественные блага обычно неделимы, и потенциальный потребитель, как правило, не может быть исключен из множества пользователей этими благами.

Оборона страны, пожарная охрана, полицейская служба, школьное образование и подобные им блага не могут предоставляться выборочно. Коль скоро они функционируют на определенной территории, они обеспечены для всех, кто пребывает на этой территории. Даже иностранец, временно посещающий какую-то страну, извлекает пользу из обороны этой страны, уличного освещения или службы водоснабжения города, хотя он не платит здесь ни федеральных, ни местных налогов.

Вообще говоря, многие ученые едины в том, что приведенные определения довольно условны, потому что между приведенными выше двумя классами налицо *континуум* благ, для которых характерны некоторые признаки частных и некоторые – общественных благ. К примеру, водоснабжение. С одной стороны, это характерное общественное благо. С другой стороны, потребление воды измеряется однородными единицами (куб. м, куб. фут...), оно оплачивается по количеству потребленных единиц, оно может быть рационировано, и не платящий за воду может быть легко исключен из числа потребителей. Тем не менее практически остается удобным придерживаться дихотомии «частные – общественные».

Следует отличать также *производство* общественных благ от *предоставления* их. До поры до времени ученые молчаливо отождествляли одно с другим. Действительно, если, скажем, городские власти производят некое благо (уборка и вывоз мусора,

к примеру...), они же его и предоставляют своим избирателям – зачем наше различие? Затем, что далеко не во всех случаях бывает целесообразно, чтобы предоставляющая блага сторона была их производителем. Откровенно говоря, тут корень многих проблем, к чему мы и переходим. Различие между производством и предоставлением благ было предложено Остромами, и ниже станет видно, почему это важно.

Работа Элинор Остром по изучению проблем CPR явилась продолжением совместных ее с мужем предыдущих исследований систем предоставления общественных благ. Одно из таких исследований было посвящено предоставлению общественных благ органами местного самоуправления – на уровне города, графства², других муниципально-территориальных единиц. Предоставление одного и того же типа коллективных (общественных) благ может быть организовано различным образом. Блумингтонская школа делает акцент на альтернативности систем организации общественных служб [4–5].

Укрупнение колхозов

В главе V своей знаменитой книги «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль указывает, что здесь «община – это основа основ управления обществом. Она является тем центром, где сосредоточены как все интересы, так и все чувства людей. Однако положение существенно меняется, когда попадаешь в штаты, где люди менее образованны и, следовательно, община в целом менее способна к разумным действиям, и у нее все меньше возможностей обеспечить надлежащее управление. Итак, по мере удаления от штатов Новой Англии та роль, которую играла община, до некоторой степени переходит к графству» [3].

Дальше Токвиль пишет: «Несмотря на то, что общины и графства устроены не везде одинаково, можно утверждать, что повсюду в Соединенных Штатах в основе их организации лежит одна и та же идея: каждый человек есть лучший судья тому, что касается

² В русских переводах (включая книгу Токвиля и художественную литературу, например, Фолкнера) слово county (буквально: «графство») обычно переводят как «округ». В контексте настоящей статьи нам придется довольствоваться буквальным переводом, так как слово «округ» (district) здесь означает не административную единицу, а территорию, на которой предоставляются общественные блага. Например, школьный округ, полицейский и т. д. Границы их могут совпадать или не совпадать.

лишь его самого, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей. Следовательно, в обязанности и общины, и графства входит обеспечение своих собственных интересов». Прежде всего и преимущественно это относится к обеспечению общественными благами.

Исторически система предоставления общественных благ в США складывалась стихийно. Это было в полном смысле «живое творчество масс». Общая схема примерно такая. Люди селятся более или менее кучно, возникает основа общины. Знакомятся (в салуне, например), обсуждают местные дела – что их объединяет, какие у них общие нужды, какие проблемы и т. д. Нужно обеспечить повседневный порядок? Решают выбрать или нанять шерифа. Скидываются. Возникает местное (коммунальное) обложение. Нужно учить детей? Нанимают учителя. И так далее. Со временем, если поселение разрасталось, постепенно появлялись полиция и школа, возникали новые службы – пожарная охрана, поддержание дорог, уличное освещение и пр.

Все такие службы создавались решением общего схода или выборного органа самоуправления. Одновременно решали, сколько нужно собрать средств и как разверстать налоги. Так было у первых поселенцев на Восточном побережье, и так же, в общем и целом, обстояло позже, при движении на Запад.

Жизнь упорядочивалась, разрастались поселки, росла плотность населения, появились города, графства. Затем возникли еще более крупные административные единицы, названные штатами³. В деталях многое могло быть по-разному, но принцип везде был один: административно-территориальная система складывалась и развивалась снизу, а не инициативой каких-то вышестоящих органов власти, которых еще не было и которые также возникали эволюционно – чем выше, тем позже.

Естественно, система развивалась без какого-либо общего плана или дизайна. Различные виды обслуживания предоставлялись в рамках таких территориальных границ, какие были наиболее удобны для каждого отдельного вида благ с точки зрения эффективности работы данной службы. Скажем, шериф мог быть в каждом поселении свой, школа – одна на две-три общины,

³ До обретения независимости это были самоуправляющиеся колонии Великобритании во главе с губернаторами, назначаемыми из метрополии.

а суд – один на все графство. По свидетельству Токвиля, организация регулярной полиции была не под силу общине, и полицейские услуги со временем стали обязанностью графства. Поэтому границы, скажем, полицейских округов могут не совпадать с границами образовательных, а те – с границами транспортных и т. п. Службы разного уровня подчинения могут работать на одной и той же территории. Территориально сферы для разных служб могут частично пересекаться. И тому подобное.

В силу сказанного такая система коммунального обложения сложна и запутана. Налоги не сливаются в один котел (не консолидируются). По отдельности они идут в бюджеты различных уровней и юрисдикций, согласно системе предоставления общественных благ. Есть налоги у поселков, городов, графств, штатов (все это помимо федеральных, о коих здесь вообще речи нет).

К примеру, где-то могло так сложиться, что (условно) пожарная охрана – функция самых «низовых» общин, а школы – функция администрации графства. Тогда граждане этих общин платят налоги в свои общины и одновременно – в графство. При этом графство ничего знать не хочет о налогах общин, как штат ничего знать не хочет о налогах графства. Налоги разных уровней устанавливаются и взимаются без учета и независимо друг от друга. Потому что они оплачивают разные службы общественных благ.

Европеец часто отмечает отсутствие общих правил, пишет Токвиль, и продолжает: «Этот бросающийся в глаза поверхностный беспорядок убеждает его с первого взгляда, что в этом обществе царит полная анархия, и, лишь внимательно всмотревшись в то, что происходит, он начинает понимать, что его первое впечатление было совершенно ложным».

Да, начинает понимать, если этот европеец – Токвиль...

Однако времена меняются. И вот уже в самой Америке появляется тип стороннего наблюдателя, для которого все рассказанное выше выглядит хаотическим и запутанным нагромождением территориальных юрисдикций и систем обложения.

Ну и что за дело нам (им) до какого-то мнимого или даже реального внешнего наблюдателя, если все это работает? – Ну, не скажите, укажут нам (им). Работу такого рода служб очень трудно оценить объективно. Уверены ли вы, что сложившаяся система оптимальна с точки зрения максимально возможной эффективности? – Да как сказать... Строго говоря, полной уверенности быть

не может. Вроде бы работает все, и не жалуемся, а оценить-то трудно, сами говорите... – То-то и оно! Оценить трудно, но вот у нас есть научные модели и общие выводы. Наука, брат, о! – она умеет многое! Например, доказано, что при укрупнении производств или служб может быть получена экономия на масштабе. Вместо нескольких бухгалтерий и сторожей будет одна бухгалтерия и один сторож! При слиянии нескольких мелких служб устраняется дублирование функций. И вообще, пересечение юрисдикций – это плохо, а множественность центров принятия решений – как правило, признак неэффективности организации.

...И с кем это у нас идет диалог? Кто это тут такой грамотный и деловой? О, много лиц у него. Это может быть экономист-социолог-политолог из Лиги Плюща, или губернатор штата, или глава федерального, скажем, министерства образования.

Не столь важно занятие его, как умонастроение. В смысле последнего, он – иностранец, только он не понимает и не хочет понимать про демократию в Америке того, что понял Токвиль.

Двадцатый век отмечен, кроме многого другого, еще и такой напастью, как неконтролируемое размножение бюрократии, и таким видом сумасшествия, как административная лихорадка. Под стать тому возникла и теория государственного управления!

Короче, пошли волны укрупнения территориальных единиц, предоставляющих общественные блага. Широкая кампания на десятилетия охватила США и Европу. Главным было выстроить четкую административную иерархию.

Скажем, в Штатах в период 1910–1950 гг. число школьных округов было сокращено со 120 тыс. до 15 тыс. Предлагалось сократить общее число полицейских округов страны с 40 тыс. до 500 всего. Последнее не прошло, но заслуживает упоминания потому, что обнажает нечто существенное. Инициатива всех этих кампаний проистекала и реформы проводились отнюдь не снизу.

Здесь суть всей истории: *систему, исторически сложившуюся снизу, начали реформировать сверху*. Или сбоку? Не важно слово, важно существо.

Намерения реформаторов, как водится, были самые благие. Тем более, что они были заранее избавлены от ответственности за все дрова, которые могут наломать. От всякой ответственности, нужно подчеркнуть: от юридической, финансовой, а также от ответственности за снижение качества общественных благ

после реформы. И от ответственности перед своей совестью (а что это такое?).

Понятное дело: реформы делают одни, а потреблять эти блага другим. Но не было даже мысли о возможности неудач – ведь сверху (или со стороны) всегда виднее!

Характерные качества мышления этатистов суть: абсолютная уверенность в своей правоте и абсолютная безответственность в отношении результатов. А главное – безусловная убежденность в том, что в деле обеспечения общественных благ административно-бюрократическая система превосходит систему самоорганизации общин по части знания, умения, способности и эффективности. Особенно прелестно смотрится такая убежденность, когда наблюдается у лиц, считающих себя и считающихся учеными.

Издержки благих намерений

Скажем сразу, супруги Остром, а затем одна Элинор (исследование заняло десятилетия) обнаружили много любопытного. Первым делом они обратили внимание на то, что сторонники реформ ни разу не снизились до того, чтобы найти и представить какие-либо эмпирические свидетельства в пользу их целесообразности. Вся аргументация носила исключительно «научный» (то есть, умозрительный) характер. Более того, не обнаружилось никаких следов попытки оценить последствия преобразований уже после их проведения. Наделали и ушли. Одно слово: ученые!

Подобные реформы полагалось бы начинать с экспериментов. Но здесь даже этого не требовалось. Преобразования совершались не одновременно везде. Первые результаты могли бы дать эмпирическую базу для сравнения. Отсутствие даже попыток в этом направлении есть очень серьезная претензия к научной доброкачественности.

Сама действительность давала в руки реформаторам эмпирическую «информацию к размышлению». Например, в 1967 г. вышла толстая книга «Сопrotивление реорганизации школьных округов и органов управления в крупных агломерациях» – итоги обширного исследования двух социологов на материале США [6]. Изучение результатов централизации школьных округов продолжается и поныне. Опубликованы многие десятки статей и книг, критикующих принципы централизации школьного образования – более всего на примерах отдельных штатов.

Но такая же картина наблюдалась по всему спектру общественных благ. Реформы практически повсеместно наталкивались на сопротивление. Особенно в США они шли с большим трудом. Конечно, это можно было списать на нежелание мелкого чиновничества расстаться со своими местами и привилегиями. Однако если предложения об укрупнении и консолидации локальных систем общественных благ выносились где-нибудь на местный референдум, они неизменно проваливались. Большинство населения видело от укрупнения только вред. Можно сказать, что фактически реформы совершались насильно. И потому очевидно, что движущей силой реформ был раж интеллектуальной и политической элиты навязать всем остальным свое представление о том, «как нам обустроить Америку». Мы уже знаем источник этого явления: движение прогрессистов, которые стремились к «научному управлению обществом».

В 1960–1970-х годах Элино́р Остро́м провела широкое сравнительное исследование полицейского обслуживания – сначала в Индиане, а затем еще в 80 регионах страны (только сбор информации занял около 15 лет).

Первым результатом исследования Элино́р Остро́м было *открытие*, что реформаторы не проводили такого рода исследований. Вообще. Они и без того знали все, что хотели (см. выше).

Коротко о конкретных результатах Остро́м.

1. Полицейское обслуживание не является однородной услугой населению. На деле оно представляет собой целый комплекс услуг различного рода, от весьма капиталоемких и до существенно трудоемких. Эффективность работы полиции (и ее реорганизации) фактически следует оценивать по каждому виду ее услуг в отдельности.

2. Экономия на масштабе показала только централизация *капиталоемких* служб, таких как лаборатории криминалистики. Но для такой централизации не обязательно укрупнять и централизовать весь комплекс полицейских услуг.

3. Одна из наиболее *трудоемких* услуг, которая непосредственно затрагивает население, – это патрулирование улиц. В рамках небольших территориальных единиц качество этого рода услуг оказалось значительно выше, чем в укрупненных округах.

По каким показателям сравнивалось качество данного вида услуг? Насколько быстро реагирует полиция на поступающие сигналы. Насколько охотно население обращается к полиции

за помощью. Насколько информировано население о работе полиции и насколько удовлетворено ею. Степень активности и соучастия населения в деле обеспечения безопасности. И наконец, уровень преступности. В малых округах все показатели до единого оказались лучше.

В совокупности, по заключению Э. Остром, ни в одном случае эффективность крупных полицейских департаментов не оказалась выше, чем у малых. И наиболее эффективной оказалась деятельность полиции, организованная по «ужасному» принципу пересекающихся юрисдикций. То есть, когда разные виды полицейских услуг обеспечивались в рамках территориальных единиц разного размера.

Больше того, легко представить себе, что даже услуга одного и того же рода может более эффективно обеспечиваться полицией разных юрисдикций.

Например, борьба с преступностью. Если возникает банда или серийный убийца, орудующие в разных городах штата или страны, к работе местной полиции могут привлекаться агенты ФБР. Однако с задачами профилактики возможных или расследования уже совершенных преступлений «уличного» или «домашнего» масштаба лучше всего справится небольшой полицейский участок, где знают лично многих людей – с хорошей или не очень хорошей стороны.

Удачным вариантом в этом смысле, по-видимому, можно считать систему участковых офицеров полиции в СССР и России, заимствованную, надо понимать, из царской России (институт квартальных надзирателей). Оттуда же заимствованы министерство полиции (внутренних дел) и строгая иерархия полицейских чинов. Эффективность российской системы здесь не обсуждается, так как наша тема – как это делается в Америке.

В США нет министерства или ведомства полиции на уровнях федеральном и даже штатов. Соответственно, нет и высоких полицейских чинов – генералов, полковников и т. д. Есть Федеральное бюро расследований, занимающееся преступностью общегосударственного уровня. У ФБР свой штат агентов, но местная полиция ему не подчиняется. Кроме того, у федерального Министерства юстиции имеются следственные бюро и служба маршалов, обеспечивающих работу федеральных судов (охрана зданий, транспортировка подозреваемых и заключенных, поиски беглецов, охрана свидетелей...).

Повсеместно полицейское обслуживание есть функция местных властей, и в этой области до сих пор наблюдается огромное разнообразие по местам. Общая же схема такая. На уровне графства самым высоким полицейским «чином» является шериф, избираемый населением на конкурентной основе (обычно на четыре года), и у него есть свой полицейский персонал. Отвечает он только перед своими избирателями. Функции шерифа могут различаться по разным местам, но сюда обязательно входят охрана в тюрьмах и судебных зданиях, перевозка заключенных и т. п. Служащие, выполняющие такие функции, нередко называются маршалами. Чаще всего к сказанному добавляются также обычные полицейские задачи – борьба с преступностью, патрулирование дорог, полицейское расследование и пр. Все это – безотносительно к муниципальным границам в данном графстве.

При этом в городах или предместьях муниципальные власти по своему усмотрению могут создавать службу полиции как департамент в системе местной администрации, возглавляемой мэром и местным советом (где такой существует). Глава этой службы обычно называется «Шеф» (Chief), в рабочем порядке он ответствен перед мэром.

На этом уровне кое-где могут быть «генералы», «полковники», «майоры» – но это не личные звания, а названия должностей, которые в других местах называются «комиссарами» или «суперинтендантами». Территория города разбита на несколько полицейских округов, и в каждом из них установлен «участок», или «отделение полиции» (police station), во главе с лейтенантом или капитаном (тоже не звания, а должности). Работа посменная, и отдельную смену обычно возглавляет сержант. Они занимаются патрулированием, охраной порядка и борьбой с преступностью на низовом уровне.

Муниципальная полиция (таких может быть несколько в одном графстве) и служба шерифа административно не зависят друг от друга. Однако они обычно взаимодействуют, и служба шерифа может помогать муниципальной полиции в обычной полицейской работе.

Моноцентризм

По заключению Остромов, общий подход реформаторов-этатистов можно описать такой схемой: 1) все общественные блага однородны (скажем, полиция – она и есть полиция: «закон

и порядок», чего там еще?); 2) все местные жители есть *масса* – сборище однотипных человечков с одинаковыми предпочтениями и идентичными ожиданиями, все они – пассивные потребители общественных благ; 3) все они имеют возможность однозначно выражать свои предпочтения и ожидания через механизм выборов; 4) крупные административные единицы гораздо лучше справляются с задачей обеспечения общественными благами; 5) чиновники способны точно определять оптимальный объем общественных благ и оптимальный же объем налоговых сборов для их финансирования; 6) производство общественных благ – дело исключительно государственной бюрократии (*public bureaus*); 7) руководство госучреждений способно эффективно контролировать деятельность рядовых чиновников, которые при заданных бюджетных ограничениях будут производить максимально возможный объем требуемых благ.

Это **принцип моноцентризма**. Здесь все сигналы идут в одну сторону: от избирателей – к выборным администраторам, от этих – к руководству госучреждений, от них – чиновникам-исполнителям... Конец связи. Предполагается, что информация на всех звеньях имеется полная и передается без искажений. Все ведет себя строго по законам, правилам и уставам.

Полицентризм

Остроумные нашли, что все наоборот. Блага неоднородны. Люди не одинаковы в своих предпочтениях и редко способны выразить их посредством выборов. Для многих видов благ экономия на масштабе – либо фикция, либо не единственное и даже не главное, что от них требуется. Информация, располагаемая главами администраций, всегда неполна и неточна; контроль деятельности бюрократов неэффективен. Участие граждан в предоставлении общественных благ часто имеет принципиальный характер – будь то содействие полиции в поддержании порядка на улицах или участие родителей в делах школ, а пассивность граждан часто оборачивается заметным снижением качества общественных услуг. Блага могут эффективно предоставляться частными организациями на контрактной основе.

Выходит, что фрагментация власти, пересекающиеся юрисдикции, дублирование функций – не аномалии и не пороки, а системное свойство естественных социальных порядков. В этом – **принцип полицентризма**.

Множественность полуавтономных центров принятия решений есть следствие свободы индивидов вступать в ассоциации, свободы кооперироваться ради достижения общей цели, *как они ее понимают*. Это способствует сохранению институционального разнообразия применительно к рыночным процессам – таким, как производство общественных благ.

С точки зрения Остромов, моноцентризм – ошибка не только научная, но и политическая. Он в принципе враждебен идеям самоорганизации и институционального разнообразия, характерным для американского пути социального развития. Фактически моноцентризм направлен на их уничтожение и подавление инициативы граждан.

Административная централизация и унификация просто не могут быть ответом на проблемы больших агломераций. Чтобы справляться с проблемами разного типа и разного масштаба, человеческие сообщества нуждаются в разнообразных типах ассоциаций, и для этого необходима возможность свободной самоорганизации. Еще раз вспомним Токвиля: «Каждый человек есть лучший судья тому, что касается лишь его самого, и поэтому он лучше, чем кто-либо другой, способен позаботиться об удовлетворении своих потребностей».

Литература

1. Клисторин В. И. Скромное обаяние государства // ЭКО. – 2015. – № 5. – С. 69–81.
2. Fennell, Lee Anne (Mar 2011). «Ostrom's Law: Property rights in the commons»// International Journal of the Commons 5 (1). – 2015. – February.
3. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс», 1992.
4. Vincent Ostrom, Robert Bish, Elinor Ostrom. Local Government in the United States. – ICS Press, 1988.
5. Ostrom Elinor. «Beyond markets and states: polycentric governance of complex economic systems». *American Economic Review*, 2010.
6. Basil G. Zimmer and Amos H. Hawley. Resistance to Reorganization of School Districts and Government in Metropolitan Areas. Brown Univ., Providence, Rhode Island, 1967.

(Окончание следует)

Загадка общественных благ. Еще раз об экономических функциях государства

В. И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт организации и промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Производство и распределение общественных благ – одна из важнейших функций государства. Рассматриваются основные признаки, свойства и критерии выделения общественных благ. Показано, что они являются частным случаем коллективных благ и становятся общественными только после признания их таковыми широкими слоями общества. Многочисленные критерии выделения общественных благ и их примеры, вошедшие в учебники, далеко не всегда убедительны. Главное отличие общественных благ от частных состоит в том, что они включают государство в качестве посредника между производителем и потребителем. Поскольку государство представляет собой совокупность иерархических организаций, производящих услуги и преследующих собственные цели, необходимо постоянное общественное обсуждение целесообразности и обоснованности их функций.

Ключевые слова: государство, фиаско рынка, общественные блага, проблема безбилетника, распределительные коалиции, антиблага

Какая еще может быть загадка, если во всех учебниках имеется специальный раздел, содержащий четкое определение общественных благ, подробное описание их признаков и критериев выделения, а главное – обоснование их влияния на рост общественного благосостояния?!

Вопреки широко распространенному представлению о том, что основная задача экономической науки – выявление новых фактов и зависимостей, ее цель состоит главным образом в критике существующих концепций и моделей. Нужно не столько вводить новые понятия, сколько подвергать сомнению устоявшиеся. Такое «разрушительное созидание», если использовать выражение Й. Шумпетера, является основным методом развития экономической науки.

Основная причина выделения общественных благ в отдельную группу заключается в том, что само их существование служит обоснованием «полезности» государства. Другие аргументы в пользу активного вмешательства государства в экономическую жизнь выглядят менее весомо.

Согласно Р. Масгрейву, экономические функции государства определяются, помимо потребности в общественных благах, наличием внешних эффектов, спонтанным образованием монополий, неполнотой страховых и фьючерсных рынков, наличием полезных и вредных продуктов и многим другим. Еще один сильный аргумент в пользу активного вмешательства в экономику – необходимость краткосрочного антикризисного регулирования – наиболее полно обоснован Дж. М. Кейнсом, в основе идей которого лежат негибкость цен, неспособность экономических субъектов адекватно оценивать экономическую информацию и циклическая смена оптимистических и пессимистических ожиданий инвесторов, определяющих их поведение.

Хотя все эти аргументы разделяются большинством экономистов и приняты общественностью, они далеко не бесспорны. Так, негативное влияние экстерналий может быть нивелировано укреплением прав собственности. Большие сомнения вызывает эффективность антимонопольной политики, равно как и способность государства компенсировать неопределенность и риски для экономических агентов, т. е. выступать в качестве страховщика последней инстанции. Очень сомнительно выглядит разделение благ на полезные и вредные, которое оправдывает субсидирование первых и ограничение производства и потребления вторых, вплоть до полного запрета. Даже контрциклическая политика правительств и центральных банков вызывает ожесточенные дискуссии.

Другое дело – общественные блага. Если производство дополнительных благ повышает общий уровень благосостояния, но оно в силу каких-то причин невозможно без участия государства, то это – достаточный аргумент в пользу активной роли государства в экономике. Признание наличия общественных благ ставит под сомнение принцип рыночной координации посредством ценового механизма, поскольку превращает рыночное взаимодействие экономических субъектов из всеобщего принципа в частный случай, так как возможен рост общественного благосостояния сверх экономически оправданных действий частных лиц, подчиняющихся принципу максимизации индивидуальных функций полезности.

Впрочем, само государство не нуждается в экономическом или любом другом обосновании, особенно это касается его полезности для развития общества. Государства долгое время

создавались и эволюционировали вне какой-либо связи с экономической наукой, во всяком случае, до ее возникновения.

Проблема видится в том, что общественные блага в большинстве случаев производятся и потребляются индивидуально, т. е. формально неотличимы от всех прочих благ, но необходимо включают государство в качестве посредника между производителем и потребителем.

Об определении и свойствах общественных благ

Благо называется общественным, если доступ к нему не может быть ограничен, а его потребление возможно одновременно многими субъектами [1]. Обычно далее следуют многочисленные примеры (национальная оборона, общественная безопасность, дорожная сеть, судебная система, маяки и другие навигационные знаки, уличное освещение, образование и т. п.). Но при этом имеется обширная литература, в которой ставится под сомнение общественный характер практически каждого из перечисленных выше благ. Например, исторический анализ создания «хрестоматийного» общественного блага – маяка – провел Р. Коуз в своей знаменитой статье [2].

Рассмотрим по порядку признаки общественных благ, опираясь на множество популярных учебников – от Пола Самуэльсона до Пола Хейне [3–4].

Начнем с коллективного характера общественных благ. Те блага, которые можно потреблять только членами определенной группы или группой в целом, называются коллективными, или клубными. Разумеется, не все они относятся к общественным, но обратное считается верным. В действительности коллективные блага являются первичным понятием, поскольку людям вообще свойственно объединяться в группы для реализации индивидуальных целей (профсоюзы, политические партии, соседские общины, уличные банды, религиозные объединения и т. д.).

М. Олсон, исследовавший логику коллективных действий, отмечал, что блага, производимые группами с особыми интересами для своих членов, сходны с общественными [5]. Фактически же дело обстоит наоборот, поскольку коллективные блага становятся общественными, когда признаются таковыми широкими коалициями, и после этого – государством.

Общественные блага характеризуются отсутствием конкуренции при их потреблении и порождают «проблему безбилетника» [6]. Типичный пример – национальная оборона – показывает, что наслаждение безопасностью при отсутствии угрозы внешнего нападения никак не зависит, во-первых, от числа тех, кого защищают вооруженные силы, и во-вторых, от того, каков личный вклад того или иного субъекта в укрепление обороноспособности страны. Другой пример – уличное освещение или дорожные знаки. Проблема видится в том, что хотя предельные издержки при включении дополнительного потребителя действительно равны нулю, такое положение не сохраняется до бесконечности, поскольку включаются дополнительные факторы. Сошлемся на хрестоматийный пример общинного пастбища.

Отсутствие конкуренции в потреблении общественных благ приводит к идее их «неизнашиваемости» в процессе потребления и к положительным эффектам масштаба в части потребления и производства. Последнее означает стабильность или даже рост предельной полезности с ростом потребления и аналогичное поведение предельной производительности при производстве [7].

Считается, что частные блага, в отличие от общественных, делимы, конкурентны и исключаемы из потребления другими субъектами. В действительности же это можно сказать и о большинстве благ, обычно относимых к общественным. Это касается раскрытия и предотвращения преступлений, работы судебной системы, образования, медицинского обслуживания и многих других.

Поэтому введено понятие чистых общественных благ, якобы полностью отвечающих, по мысли авторов, перечисленным выше критериям. К ним обычно относят национальную оборону, фундаментальные исследования, охрану общественного порядка и т. д. Здесь также есть определенная путаница. Благом является не национальная оборона и полиция, а безопасность гражданина или жителя. Как бы совершенно ни были организованы и эффективны армия или полиция, безопасность одних будет несопоставимо выше, чем других. И причины этого видятся как в качестве институтов, так и в приоритетах государства.

К общественным благам, которые в наибольшей степени соответствуют понятию чистых, относятся наука и искусство, моральные и нравственные нормы, а также результаты их

функционирования, такие как знания об окружающем мире, произведения искусства, архитектурные ансамбли, природные комплексы; человеческий и социальный капитал [8]. Именно они обладают такими свойствами, как положительные внешние эффекты для всех (или подавляющего большинства). Поэтому общество и, в идеале, государство должны быть заинтересованы в максимально широком обеспечении потребителей подобными благами.

Альтернативность в производстве общественных благ

Общественные блага являются экономическими, т. е. обладают ценностью и стоимостью. Если, как указывалось выше, государство заинтересовано в повышении благосостояния граждан, то проблема состоит не в распределении общественных благ, а в обеспечении оптимального объема их производства. Здесь также действует общий принцип: благо должно производиться в объеме, при котором предельные общественные выгоды, выраженные суммой предельных выгод всех потребителей, уравниваются с предельными общественными издержками на его производство.

Мы привыкли буквально воспринимать расходы государства по обеспечению нас определенными услугами как сами услуги в измеримом виде, и в большинстве случаев отождествляем эти услуги с общественными благами. Так, расходы на оборону воспринимаются как синоним защиты от внешних угроз. Но так ли это? В исторической ретроспективе создание мощных вооруженных сил чаще приводило к краху государства и общества, нежели к устранению внешних угроз. Гораздо большее значение в обеспечении безопасности играли дипломатические усилия, организация союзов и аналитическая работа стратегической разведки. Поэтому определенный уровень потребления общественных благ допускает альтернативы в их производстве. Более того, окольные способы их производства (используя терминологию О. фон Бём-Баверка) могут быть более эффективны, нежели непосредственные действия.

Как уже было отмечено, предельные издержки, обеспечивающие потребление дополнительной единицы общественного блага, настолько малы, что могут считаться нулевыми. Действительно,

появление дополнительного ученика в классе, как и дополнительного пешехода на освещенной улице или туриста, любующегося красотами озера Байкал, не требует дополнительных общественных издержек. С другой стороны, эти блага исчерпаемы, т. е. учебные классы, улицы и живописные ландшафты – «не резиновые».

Общественные блага конкурируют за ограниченные ресурсы не только с частными благами, но и между собой. Помимо очевидной проблемы, что важнее: охраняемые природные комплексы или добыча природных ресурсов, возникают и другие: что важнее – общественная безопасность или качественная система здравоохранения?

Вместе с тем самое очевидное, казалось бы, предположение о нулевых предельных издержках при производстве и потреблении общественных благ приводит к неразрешимому противоречию. Считается, что частные блага характеризуются убывающей предельной производительностью при их производстве и убывающей предельной полезностью – при потреблении. Если общественные блага не подчиняются этим «законам», то они неизбежно будут постепенно вытеснять частные в совокупном производстве и потреблении. И возникает вопрос о том, почему этого еще не произошло.

Как блага становятся общественными

Каждая группа с особыми интересами производит блага для своих членов. Первоначально это происходит за счет объединения собственных ресурсов участников. Но постепенно индивидуальные цели членов группы начинают трактоваться как общественные, и группа превращается в распределительную коалицию. Если коалиция достаточно широка и активна, она может навязать обществу и государству свои представления об общественном характере своей миссии и общественной пользе своего проекта. Это относится к созданию общественных парков и музеев, запрету на продажу алкогольных напитков с целью охраны здоровья нации, всеобщему бесплатному высшему образованию и т. д.

Другим способом преобразования частного блага в общественное становится деятельность самого государства – политиков и чиновников. Для обеспечения избрания и карьерного роста они ищут и неизменно находят проблемы, которые следует решать

путем предоставления общественных благ. Государство не только улавливает настроения людей, но и может манипулировать общественным мнением. Применительно к интересующему нас предмету – общественным благам, государство умеет придавать некоторым благам высший приоритет ценности и декларировать их общественный характер, в результате чего меняется относительная ценность всех других благ. При этом возникающая в общественном сознании высшая полезность общественных благ принимает характер дихотомии. Если государство участвует в распределении общественных благ, но те же блага производятся частным образом (например, образование или безопасность), нередко возникают требования устранить частный сектор в этом виде деятельности. Даже снисходительное отношение к конкуренции с частным предоставлением благ создает ощущение дискриминации.

Вмешательство государства в предоставление благ и выявление их общественными зачастую приводят к любопытным изменениям в общественном сознании и поведении. Как мы уже отмечали [8], расходы на оборону, которые воспринимаются как финансирование общественного блага – чувства безопасности и гордости за свою страну – могут привести к прямо противоположным результатам. Наиболее подготовленные к войне страны – Германия и Япония – потерпели военное поражение и национальное унижение в том числе и потому, что имели изначально наиболее мощную военную машину. Советский Союз оказался в числе победителей, но его потери в войне вполне подходят под определение непоправимого ущерба.

Но и без всякой войны милитаризация экономики только до определенной степени может служить росту общественного благосостояния, как бы мы его ни понимали и как бы его ни измеряли. Следовательно, с определенного момента общественное благо может превратиться в антиблаго.

В более широком историческом контексте следует вспомнить, что войны велись и общественная безопасность поддерживалась частным образом. История большинства стран дает нам множество таких примеров.

Другим примером может служить история с развитием системы образования. Оно всегда рассматривалось как ценное и редкое благо. Родители пытались дать детям образование, которое было

синонимом карьеры, достойной жизни и уважения. Когда же в большинстве стран сначала начальное, а потом среднее образование стали обязательными, его ценность существенно снизилась. Более того, став обязательным, образование превратилось для многих учеников и родителей в антиблаго, а недостатки общественного образования многим приходится исправлять за счет частных услуг.

Чтобы убедить общество в правильности своей политики, государство прилагает значительные усилия для подтверждения того, что производимые им блага действительно являются общественными.

Если же среди экономических субъектов рассматривать и государственные структуры, которые извлекают пользу из производства таких общественных благ, то проблема общественных благ применительно к ряду областей вообще снимается. Эти общественные блага (например, ту же безопасность) можно рассматривать как частное благо для правительства и/или отдельных его ведомств. Тогда рыночная координация опять становится всеобщим принципом. И для достижения равновесия и оптимума по Парето необходимы лишь гибкость цен и этика как способ снижения транзакционных издержек.

Таким образом, мы убеждаемся, что простая и стройная теория общественных благ, включающая простую дихотомию «общественные блага – частные блага», обязательность участия государства в производстве общественных благ путем финансирования и придания им приоритета высшей ценности, как минимум, требует уточнения. Отсюда – концепция государства как некоего субъекта, производящего некий набор стандартных, привычных и потому не требующих дополнительного обоснования услуг, также требует пересмотра.

Заключение

Опасность неоправданного расширения понятия общественных благ состоит в следующем: так как они производятся при посредничестве государства, ответственность за результаты индивидуальных решений переносится с уровня экономических субъектов на уровень государства и общества в целом. Такое возможно в случае, когда государство «знает» потребности этих субъектов, может их ранжировать или, как минимум, отличить

истинные потребности от мнимых. Однако потребители общественных благ через какое-то время настолько привыкают к их получению, что попытки государства исправить предыдущие решения встречают ожесточенное сопротивление. Политики и чиновники обычно не склонны признавать свои ошибки. Наконец, для производства и обслуживания посредничества в распределении общественных благ создаются бюрократические структуры, которые хорошо умеют обосновывать общественную полезность своей работы.

Общественный характер благ и соответствующие услуги государства обычно обосновываются понятием социальной справедливости. Поскольку в экономике результаты распределения доходов и имущества определяются не только объемами ресурсов и качеством методик расчетов, но и везением, счастливым стечением обстоятельств, короче, набором случайных факторов, вопрос о справедливости в распределении становится совсем запутанным. С одной стороны, справедливо помогать тем, кто попал в тяжелое положение, с другой – сам субъект должен нести полную ответственность за принимаемые решения. Формальные теории вряд ли справятся с этой проблемой, но она постоянно решается в конкретных ситуациях на основании действующих формальных и неформальных институтов.

Часто государственные деятели, иногда совершенно искренне, провозглашают целями государственной политики замену предоставления частных благ общественными, обосновывая это снижением общественных издержек, справедливостью и здравым смыслом, но руководствуясь при этом интуитивным озарением, настроениями избирателей или примерами других стран, находящихся в иных условиях. Очень редко при принятии решений проводится всесторонняя и квалифицированная экспертиза их отдаленных и косвенных последствий. Еще труднее выявить истинные мотивы сторонников той или иной реформы: от альтруизма до корысти и от желания войти в историю до стремления усидеть на своем месте.

Адам Смит писал, что государственный деятель, который пытался бы давать частным лицам указания, как они должны употреблять свои капиталы, обременил бы себя совершенно излишней заботой, а также присвоил бы себе власть, которую нельзя без ущерба доверить не только какому-либо лицу,

но и какому бы то ни было совету или учреждению. Это писалось в те времена, когда английское правительство крайне слабо вмешивалось в экономическую жизнь. Теперь же мы в России ежедневно сталкиваемся с инициативами как сверху, так и снизу по расширению перечня государственных услуг и субсидированию производства благ, объявляемых общественными. И почти все это делается без надлежащей экспертизы.

Полезно напомнить слова Томаса Джефферсона из Кентуккийских резолюций 1798 г. о том, что свободное правительство основано на подозрительности, а не на доверии*.

Стройная теория общественных благ является всего лишь моделью, или полезной фикцией, говоря словами Ф. Махлупа. Граница между частными и общественными благами тонка и подвержена манипуляции. Поэтому в реальной жизни следует всякий раз тщательно обсуждать ее обоснованность и применимость в каждом отдельном случае.

Литература

1. Гребнев Л. С., Нуреев Н. М. Экономика. Курс основ. – М.: Вита-Пресс. 2000. – 432 с. [С. 35].
2. Коуз Р. Маяк в экономической теории // Фирма, рынок и право. – М.: Дело ЛТД, 1993. – 192 с.
3. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х томах, Т. 1. – М.: НПО «АЛГОН» ВНИИСИ, 1992. – 332 с. [С. 155–163].
4. Хейне П. Экономический образ мышления. Гл. 14. Рынки и государство. – М.: Дело (при участии Catallaxy), 1992. – 704 с. [С. 441–467].
5. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. – Новосибирск: ЭКОР, 1982. – 432 с.
6. Никулов И. В. Общественные блага и проблема безбилетника. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/11937.pdf> (дата обращения: 25.08.2015).
7. Козловски П. Принципы этической экономики. – СПб: Экономическая школа, 1999. – С. 122–127.
8. Клисторин В. И. Как обществу стать богаче и совершеннее // ЭКО. – 2013. – № 3. – С. 171–182.

* Свободное правительство, в его терминологии, избирается народом в отличие от назначения монархом.

Проблема тарифного регулирования на железнодорожном транспорте*

Е.Б. КИБАЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Рассматриваются обоснованность отечественных железнодорожных тарифов, перекрестное субсидирование пассажирских перевозок из грузовых, предлагаются варианты коррекции тарифной политики с учетом стратегии развития железнодорожного транспорта на востоке страны.

Ключевые слова: тарифы, железнодорожные съезды, крупномасштабные железнодорожные проекты

1. В своё время Маркс утверждал, что понятие «стоимость товара» трудно познаваемо, и его нельзя пощупать, как, например, вдовицу Квикли. Уважая классика и перенося его ценные методические указания на проблему формирования железнодорожных тарифов в наше время и в России, нельзя одновременно не отметить, что сам классик все же попытался стоимость (точнее, ценность) любого товара исчислить «на кончике пера» с помощью теории трудовой стоимости. Жизнь регулярно подтверждает, что, действительно, потребительскую ценность вдовицы, рассматриваемой как товар, можно определить методом ощупывания достаточно точно. А вот с трудовой теорией стоимости, затратной по своей природе, всё оказалось не совсем так. Во всяком случае отечественная практика тарифообразования на железнодорожном транспорте до сих пор является по своей сути затратной, хотя и не совсем марксистской.

2. Дело в том, что теоретически уровень тарифов на услуги железнодорожного транспорта, как и любой цены на любой товар, произведен от системы целей экономики в целом и зависит от того вклада, который вносит конкретная услуга в достижение указанной системы целей с учётом ресурсных ограничений на объем оказываемой услуги. Ввиду уникальной сложности

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00159а).

«оцифровки» приведённой выше теоретической схемы определения так называемых оптимальных тарифов, они никогда ни в плановой, ни в рыночной системе таковыми не являлись и в лучшем случае были рациональными. Причём рациональность в разных экономических системах понималась по-разному.

3. Сегодня, когда экономика России уже не является плановой, но ещё и не стала полноценной рыночной, проблема ценообразования вообще и образования тарифов на железнодорожном транспорте, в частности, запуталась окончательно. Поэтому и возникают непредсказуемые ценовые всплески, растёт неуправляемая инфляция и не снята угроза дефолтов. Фактически в России складывается система олигополистического ценообразования, когда уровень цен определяется не «невидимой рукой» конкурентного атомизированного рынка, а путём соглашения (сговора) ограниченного круга структур олигополистического типа – федеральных, региональных и корпоративно-монополистических.

4. От необоснованных железнодорожных тарифов на пассажирские и грузовые перевозки прежде всего страдают слабо социально защищённые слои населения восточных районов страны. Одновременно тарифная политика ОАО «РЖД» является инструментом давления на грузовладельцев. Железнодорожники предпочитают обсуждать её в узком кругу, куда допускаются в основном лояльные к ОАО «РЖД» структуры-олигополисты и где проповедуется миф о том, что российские железнодорожные тарифы – едва ли не льготные для целого ряда грузоотправителей.

Однако, по данным Российской торгово-промышленной палаты, когда на российских предприятиях составили калькуляции на отправки грузов по конкретным железнодорожным маршрутам, выяснилось следующее. Во-первых, в ОАО «РЖД» занижают удельный вес транспортной составляющей в цене российских товаров, что служит поводом для непропорционального роста железнодорожных тарифов. Во-вторых, новый прейскурант 10–01 на ряде направлений по многим грузам обернулся не снижением, а ростом тарифов. И все это происходит на фоне увеличения уровня нетарифных сборов, отчего в первую очередь страдают российские грузовладельцы. Имеет место манипуляция железнодорожными тарифами, причём она

возможна в условиях непрозрачности сквозных ставок и сборов на реальных маршрутах.

5. Относительно перспектив замены перекрёстного субсидирования пассажирских перевозок и постепенного перехода к их безубыточности для ОАО «РЖД» в общественное сознание внедряется мысль, что кардинальное решение проблемы безубыточности пассажирских перевозок основано на реализации федерального закона «О железнодорожном транспорте в РФ». В соответствии с этим законом базовые пассажирские тарифы должны строиться на основе себестоимости (т. е. по Марксу). Регулирующий орган может вводить пониженные коэффициенты к преysкуранту, который разрабатывается специализированными структурами ОАО «РЖД». Эти коэффициенты могут вводиться по регулируемым, социально значимым перевозкам с указанием источника возмещения убытков, возникающих у перевозчика. При этом оплата услуг инфраструктуры и локомотивной тяги ОАО «РЖД» должна производиться перевозчиками **по полной стоимости**. Именно при таком установлении тарифов, как полагает ОАО «РЖД», все перевозчики получают равные экономические возможности для конкуренции на базе единой инфраструктуры.

6. Последнее утверждение было бы верным, если бы в составе регулирующего органа – Федеральной службы по тарифам (ФСТ) РФ² – были бы представлены восточные регионы России. Приемлемый уровень пассажирских и грузовых тарифов, определяемый поправочными коэффициентами, является вопросом не только и не столько устойчивости социальной ситуации в приграничных и малозаселённых регионах страны, сколько целостности, экономической и военно-стратегической безопасности России. Сигналы, постоянно идущие из Сибири и Дальнего Востока, однозначно свидетельствуют о том, что барьерный характер железнодорожных тарифов медленно, но верно отсекает Европeйскую Россию от её регионов восточнее Урала и неотвратимо

² Когда настоящая статья готовилась к печати, указом Президента В. В. Путина Федеральная служба по тарифам (ФСТ) была упразднена и ее функции переданы Федеральной антимонопольной службе (ФАС). (URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/07/21/fas-fst-site.html>). Поэтому далее в настоящей статье для обозначения структуры, регулирующей железнодорожные тарифы, мы используем аббревиатуру ФАС.

интегрирует последние с экономиками Китая и других стран АТР. Санкции Запада в отношении России усиливают указанную тенденцию. В сочетании с вектором миграции старожильского русскоязычного населения, направленным из Сибири и Дальнего Востока, и ползучей этнической экспансией из сопредельных государств, вектор которой имеет противоположное направление, возникает стратегически опасная ситуация типа «модели Косово».

7. Чтобы предупредить ее зарождение на ранней стадии, следует (в числе прочих мер) **изменить тарифную политику в отношении восточных районов страны**. В нормальной рыночной экономике тарифная проблема (не без вмешательства государства) решается конкурентным рынком транспортных перевозок. Но для этого на Западе существует три фундирующих фактора: железнодорожная сеть типа решётки, реальная конкуренция со стороны других видов транспорта и хорошо развитая сеть транзакционных компаний. В России все названные факторы либо отсутствуют полностью, либо только нарождаются. В частности, даже в Европейской России железнодорожная сеть не является решёткой, в максимальной степени способствующей возникновению конкурентных маршрутов, но представляет собой паутинообразную структуру радиального типа, менее «дружественную» к конкуренции на рельсах.

Если же говорить о восточных районах страны, то все они, как шампур, «нанизаны» на Транссиб, т. е. здесь железнодорожная сеть имеет вид дерева, что явно не способствует конкуренции. Поэтому надежды на формирование полноценного внутреннего конкурентного рынка железнодорожных перевозок в Сибири и на Дальнем Востоке должны быть отброшены на ближайшие четверть века, т. е. до появления здесь полноценной железнодорожной сети, соединённой с мировой. Следовательно, и надежды на установление «правильных», свободных тарифов в результате дерегулирования в конкурентных сегментах рынка транспортных услуг следует пока оставить.

8. Из вышесказанного следует, что реальная и эффективная тарифная политика на железнодорожном транспорте России не должна копировать западную политику «единой цены», устанавливаемой в компактных государствах с рыночной конкурентной экономикой и развитой инфраструктурой всех видов

(транспортной, в том числе). Не может она опираться и на затратный метод расчёта провозных плат, выполненный силами специалистов перевозчика – фактического монополиста (хотя этот монополист-хищник всячески пытается изобразить из себя рыночную овцу).

Выход видится в реорганизации ФАС РФ, т. е. в дальнейшем совершенствовании механизмов тарифного регулирования. Для этого существует стандартный приём – в любом административном органе такого ранга должны быть представлены все акторы процесса железнодорожных перевозок, а не только лояльные ОАО «РЖД». Соответствующая реорганизация, имеющая отношение к восточной тарифной политике, может проводиться на основании двух принципов: программно-функционального и регионального.

9. Для реализации программно-функционального принципа должна быть рассмотрена генеральная схема развития железнодорожного транспорта в части развития инфраструктуры всей сети железных дорог общего пользования на принятый (установленный) расчётный горизонт. С учётом сложившихся на сети железных дорог в настоящий момент времени грузопотоков (преобладание экспортно-ориентированных грузов) вся сеть может быть условно разбита на три полигона: Кузбасс – Дальний Восток, Кузбасс – Северо-Запад и Кузбасс – Юг. Формирование поправочных коэффициентов к железнодорожным тарифам в указанных границах позволит получить более объективный их уровень и таким образом учесть интересы грузовладельцев. Понятно, что для их отражения эти грузовладельцы должны быть представлены в ФАС РФ соответствующей квотой.

Точно так же в ФАС РФ должны быть представлены восточные регионы страны на уровне Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Не исключается, что в упомянутых округах должны быть созданы собственные тарифные комитеты из состава представителей администраций регионов, научно-исследовательских организаций и представителей общественности. Тогда возникает двухуровневый механизм согласования тарифной политики, работа которого должна быть регламентирована специальным правительственным постановлением. Естественно предположить, что в эффективном механизме тарифного регулирования оба названных выше принципа должны комбинироваться.

И последнее. Прошлый опыт тарифного регулирования, на наш взгляд, убеждает, что принятию той или иной концепции построения транспортных тарифов должен предшествовать выбор стратегии развития России вообще и Сибири и Дальнего Востока в частности. Тариф в последнем случае должен покрывать расходы на транспортировку с учетом воспроизводственного аспекта транспортной системы и формироваться, принимая во внимание фактор неопределенности будущего. Конкретно имеется в виду следующее.

Россия и её, по выражению С. Ю. Витте, кровеносная система – железнодорожный транспорт – находятся в ситуации, когда проблему догоняющего развития предстоит решать в условиях санкций Запада. В этой связи стратегически важной представляется оценка сравнительной общественной эффективности крупномасштабных железнодорожных проектов, реализация которых отражает ориентацию страны на северо-восточный вектор развития. Представляется, что в рамках указанной переориентации регионы восточнее Урала с их древовидной железнодорожной сетью еще долго будут оставаться поставщиками транспортоспособных природных ресурсов, как для внутрироссийского потребления, так и для стран АТР. Но тогда нужно поднимать тарифы до уровня, дающего возможность, с одной стороны, покрывать издержки воспроизводства железнодорожной отрасли, а с другой – учитывать влияние новых железнодорожных проектов на повышение уровня жизни населения, проживающего в районах, где эти проекты осуществляются. Именно с такой точки зрения следует выявлять сравнительную общественную эффективность нового железнодорожного строительства на востоке страны.

Необходим дифференцированный подход к тарифной политике

С.А. БЫКАДОРОВ, доктор экономических наук, Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС), Новосибирск

Рассматриваются история развития транспортных тарифов, затратный и рыночный подход, государственное регулирование тарифов. Предлагаются варианты совершенствования тарифного проектирования на отечественных железных дорогах.

Ключевые слова: тарифы, маржинальные затраты, поучастковые себестоимости

История дифференциации тарифов

Исторически сложилось так, что в нашей стране железнодорожный транспорт является ведущим как в грузовых, так и в пассажирских перевозках. А в восточной части России из-за отсутствия достаточного количества безрельсовых путей сообщения и сурового климата железные дороги стали практически единственным средством транспортировки массовых грузов.

В связи с переходом отрасли на новые принципы ведения бизнеса возобновился интерес к построению грузовых тарифов, отражающих особенности отдельных регионов сети, участков и направлений. Известно, что сейчас на тот или иной вид грузовых перевозок установлен единый уровень платы по всем линиям широкой колеи (1520 мм). Между тем перевозки одного и того же груза на одно и то же расстояние, но в разных районах имеют разную себестоимость и стоимость. И с этой точки зрения весьма показательна и интересна дискуссия Федеральной антимонопольной службы РФ и ОАО «РЖД»: транспортный тариф – это биржевой товар или нет?*

На других видах транспорта региональная дифференциация тарифов применяется достаточно широко. На речном и морском тарифы дифференцированы по пароходствам и бассейнам, установлены разные ставки на стояночные операции на морском транспорте для групп портов. Тарифы автомобильного транспорта различаются по отдельным регионам страны и административ-

* URL: <http://webground.su/topic/2013/07/23/t313> (дата обращения: 13.07.2015).

ным единицам. На железнодорожном построение тарифов более сложное, чем на других видах транспорта, во-первых, из-за тесной технологической связи участков железнодорожной сети между собой и условности их границ, во-вторых, из-за значительных трудностей исчисления затрат на конкретных участках. Кроме того, на отечественных железных дорогах инфраструктура, в отличие от других видов транспорта, «не отделена» от подвижного состава.

Тем не менее предложения по учёту в тарифах особенностей отдельных дорожных условий и участков возникли ещё в 1970–1980-е гг. Сначала они касались только тарифов на перевозки на участках с трудным профилем пути и кривыми малого радиуса. С учётом издержек по тяге поездов предлагалось взимать плату за перевозку по трудным участкам, исходя не из фактического, а из виртуального расстояния, то есть приведённого по соотношению издержек на конкретных участках и в среднем по железной дороге.

Вопрос о региональных тарифах в СССР впервые встал в конце 1920-х гг. Предлагалось, сохранив единые для всей сети тарифы, установить для каждого участка и использовать для корректировки расстояний виртуальные коэффициенты, которые применяются для определения провозной платы. При этом целью, с одной стороны, было возмещение дорожных расходов на перевозки на трудных участках, а с другой – использование тарифов для рационального размещения производства и одновременно укрепления хозяйственного расчёта дорог. Однако вопрос о круге затрат, на основе которых надо определять виртуальные коэффициенты, не рассматривался.

К проблеме отражения регионального фактора в железнодорожных тарифах экономисты транспорта возвратились три десятилетия спустя. В 1950–1970-е гг. в целом ряде работ предлагалось установить пониженные тарифы на перевозки в местном сообщении на основе затрат конкретных дорог, ввести виртуальные коэффициенты на основе среднedorожных затрат, а также по направлениям и участкам.

Однако вопрос о характере затрат, принимаемых для построения региональных тарифов, продолжал оставаться в стороне. Он возник в связи с развитием теории оптимального планирования и составной его части – оптимального ценообразования. Согласно этой теории, цены должны строиться с учётом не средних удельных затрат на единицу продукции (себестоимости, фондоемко-

сти), а затрат на дополнительную единицу (они ещё называются дифференциальными, приростными, предельными).

Для железнодорожного транспорта, где высока доля условно постоянных («независящих») расходов, этот вопрос имеет особое значение. На линиях и участках, где средняя себестоимость перевозок из-за значительной густоты движения в рассматриваемом периоде низка, затраты на дополнительные перевозки могут быть весьма высокими, так как потребуются развитие пропускной способности этих линий. И наоборот, на линиях с высокой «полной» себестоимостью перевозок, где имеются резервы пропускной способности, затраты на прирост перевозок будут небольшими. Кроме того, здесь отдельно надо рассматривать себестоимости перевозок в устойчивых гружёном и порожнем направлениях, где все столь же неоднозначно!

Подход к определению приростных затрат, то есть затрат на дополнительную единицу перевозок, различается у всех специалистов. В современных условиях под приростными затратами понимаются зависящие от объема перевозок текущие расходы и капитальные вложения.

Представляют интерес формы территориальной дифференциации тарифов, применяемые на железных дорогах европейских стран. Во Франции целью установления таких тарифов в 1960-е гг. было противодействие переходу грузов на автотранспорт посредством снижения платы за перевозку на направлениях с низкой себестоимостью. Реформе тарифов предшествовало определение расходов по всем участкам железнодорожной сети. При этом учитывалось влияние на расходы трех видов тяги, категории поезда (прямой и сборный) и профиля пути. Расходы принимались не в полном размере, а «маржинальные» (близко к нашему понятию «приростные»). В связи с тем, что на момент введения тарифов многие линии французских железных дорог были недогружены, в состав принятых к расчёту включили расходы, непосредственно связанные с объёмом перевозок («зависящие» – по распространённой у нас терминологии), а на электрифицированных линиях – затраты на содержание и амортизацию устройств энергоснабжения. На основе соотношения между поучастковыми удельными расходами и среднесетевой величиной расходов, приходящейся на 1 тонно-километр брутто, установлены виртуальные коэффициенты, исходя из которых определены виртуальные тарифные расстояния между станциями. Таблицы же провозных плат были едиными для всей сети.

По расчетам, максимальная величина «маржинальной» себестоимости перевозок на отдельных участках французских железных дорог получилась больше минимальной в восемь раз. Однако из-за опасения потери перевозок при определении виртуальных коэффициентов максимальная величина себестоимости принята в 2,5 раза выше минимальной. Эти коэффициенты для участков получены в пределах от 0,8 до 2,0, но суммарные виртуальные расстояния установлены так, что они не превышали фактического расстояния в 1,3 раза. В случае, когда станции отправления и назначения соединены несколькими линиями, в качестве тарифного принято наименьшее виртуальное расстояние. Представляется, что французская система тарифов может не только обеспечить успех в конкуренции с автотранспортом, но и способствовать выбору грузовладельцами хозяйственных связей, выгодных и им, и железным дорогам. Задача же сбалансирования доходов по участкам и в целом для железных дорог в данном случае не решалась.

Автором были проведены подобные расчеты себестоимости по участкам Западно-Сибирской и Красноярской железных дорог. Максимальные и минимальные значения поучастковых коэффициентов также различались примерно в три раза. В настоящее время предпринимаются попытки произвести подобные расчеты по всем участкам железных дорог России. Но ввиду большого объема счетной работы и несогласованности рассматриваемых критериев пока эта работа не завершена. Расчёты поучастковых себестоимостей по дорогам Казахстана и Украины также могли бы быть интересны для исследования.

Поиски приемлемого способа территориальной дифференциации тарифов с 1960-х гг. велись в бывшей Югославии. Там были введены различные тарифные ставки на перевозки грузов и пассажиров для шести железнодорожных организаций (железных дорог). Но затем все же вернулись к единым тарифам. Исходя из индивидуальной себестоимости перевозок по участкам определялись региональные тарифные ставки, на основе которых формировалась система тарифов с едиными ставками. Единые тарифы на дорогах Югославии использовались для взимания платы с клиентуры, а региональные – для определения коэффициентов, с помощью которых осуществляется распределение полученных доходов между дорогами. Особенности железных дорог учитывались при распределении доходов путём применения коэффициентов.

Ведущим остается затратный принцип

Однако издержки производителя – лишь один фактор, влияющий на цену товара. Другим важным фактором является полезность товара для потребителя, и она по-прежнему игнорируется при разработке транспортных тарифов. Полезность транспортной продукции (перевозки) для грузовладельца состоит в том эффекте, который он получит при перемещении принадлежащего ему товара. Исходя из этого абсолютная величина изменения цены товара при перевозке будет для дорогостоящего товара гораздо больше, чем для относительно дешёвого. Как бы ни был высок спрос, к примеру, щебень, вряд ли грузовладелец может извлечь из перевозимого вагона со щебнем эффект, сопоставимый с эффектом от перевозки вагона с автомобилями (при условии, что они будут доставлены в целости и сохранности).

Не случайно в дореволюционной России важнейшим фактором, влияющим на уровень тарифа, считался род груза, определяющий его рыночную стоимость. Тарифы на российских железных дорогах зависели от промышленной и торговой конъюнктуры и степени интенсивности спроса и предложения для каждого товара в гораздо большей степени, чем от себестоимости перевозок. Крупнейший специалист в области железнодорожного транспорта С. Ю. Витте прямо указывал, что «теория регулирования тарифов по расходам эксплуатации на практике при наличных условиях – неприменима». Безусловно, эксплуатационные расходы учитывались при построении тарифов, но не были непосредственной базой для них, и стоимость транспортной продукции, её ценность отнюдь не отождествлялись с издержками на перевозку.

Более того, с помощью тарифных рычагов осуществлялось протекционистское лоббирование интересов отдельных собственников. Из дореволюционной практики примером может служить такая широко известная тарифная мера, как «челябинский тарифный перелом». Его суть была в том, что при отправлении хлебных грузов из Сибири в центральную часть России и на экспорт через порт Либава плата за перевозку исчислялась за два отрезка: от станции отправления до Челябинска, а затем от Челябинска до станции назначения. Искусственное завышение тарифа на перевозку значительно затрудняло или даже препятствовало вывозу

сибирского хлеба в западные районы страны. Это было очень выгодно для производителей хлеба центральной части России.

В 1990-е годы существовала возможность перевозить грузы по железной дороге и по так называемому договорному (повышенному) тарифу. Однако при расчёте ставок договорного тарифа на перевозку грузов с повышением качества (например, ускоренные перевозки) базой для увеличения тарифа по сравнению с провозной платой, определяемой по действующему тарифному руководству, являлся рост эксплуатационных расходов дороги. Это происходило за счёт дополнительных затрат труда при ускоренной перевозке, резервирования локомотивов на технических станциях, увеличения энергетических расходов на тягу в связи с большей скоростью, а также повышения условно-постоянных расходов, приходящихся на данную поездку, с учётом коэффициента съёма поездов при ускорении движения поезда.

Как видно, опять здесь тарифы построены по затратному принципу: не учитывались род груза, эффект от его перевозки, действительная ценность, полезность транспортной продукции. Но даже если повышение тарифов на ускоренную надёжную перевозку высокоценных грузов будет обосновано увеличением себестоимости, то есть принцип платёжеспособности будет завуалирован принципом затратности, на деле реализовать его не удастся даже частично. Ведь доходы от перевозок между железными дорогами распределяются по усреднённым расчётным ценам на 10 тарифных тонно-километров. Они абсолютно не учитывают ни категорию скорости, ни вид отправки, ни род подвижного состава. Это лишает железные дороги стимулов к созданию для перевозки каждого груза подходящих для него условий.

Ещё один принцип – учёт ценовой эластичности спроса на транспортную продукцию. Термин «эластичность спроса» больше подходит для пассажирских перевозок. Однако и для грузовых учёт ценовой эластичности может дать положительный эффект с точки зрения привлечения дополнительных перевозок при помощи тарифного регулирования.

Известно, что спрос считается эластичным, если при незначительном изменении цен он существенно меняется. Если же спрос претерпевает незначительные изменения, он считается неэластичным.

Неэластичный спрос может иметь место, например, когда данной перевозке нет альтернативного предложения. Если спрос

эластичный, то, как правило, при понижении тарифа общий доход возрастает. И наоборот, при низкой эластичности спроса колебания в уровне дохода железных дорог прямо пропорциональны росту и снижению цен.

Можно выделить отдельные массовые грузы, спрос на которые в районе тяготения Транссибирской магистрали имеет как эластичный, так и неэластичный характер. По-видимому, в зависимости от рода груза можно устанавливать различные способы расчёта тарифов на перевозки.

Без помощи государства не обойтись!

Система тарифов на всех видах транспорта в нашей стране по схеме построения соответствует мировой практике. Однако на сопоставимых расстояниях железнодорожный тариф в Российской Федерации в 1,5–2 раза ниже, чем в США. По размерам железнодорожные грузовые тарифы в России в среднем в 1,9 раза ниже, чем в США, а по сравнению с Германией – в 3–6 раз (на сопоставимые с Россией расстояния перевозок). Хотя здесь следует учитывать колебания курса рубля по отношению к основным резервным валютам.

Разная динамика роста цен в промышленности и тарифов на транспорте может объясняться неодинаковыми исходными условиями в той или иной отрасли. Вместе с тем необходимо признать, что рост тарифов на транспорте создаёт предпосылки для относительно более быстрого роста издержек в так называемых транспортёмких отраслях. Этому способствует также монопольное положение железнодорожного транспорта, само наличие административного регулирования тарифов на нём.

В последние годы на железнодорожном транспорте заработная плата росла несколько более высокими темпами, чем в среднем в промышленности. В связи с этим следует отметить, что доля фонда оплаты труда на железнодорожном транспорте составляет в себестоимости около 40% (в США на железных дорогах первого класса – 45%).

Заметим, что транспорт – это не «трудоемкая» отрасль экономики, а бессырьевая и очень энергоёмкая. Затраты на топливо и электроэнергию в так называемой «зависящей» части расходов составляют на железных дорогах до 50%.

В последние годы резко возросла доля массовых топливных и сырьевых грузов в перевозках на экспорт. Это отражает

сырьевую направленность экспортной политики. Известно, однако, что степень переработки сырья и повышение качества продукции резко сокращают долю транспортных расходов в её конечной цене и повышают конкурентоспособность продукции даже на удалённых рынках сбыта.

Как уже указывалось, железнодорожный транспорт имеет высокую долю условно-постоянных расходов. В ряде стран мира значительная часть таких затрат возмещается из государственного бюджета. Тарифная плата возмещает в основном переменные или зависящие от объёма работы затраты на железных дорогах. Это даёт оптимальные решения во всем экономическом комплексе страны.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что в большинстве высокоразвитых стран мира с рыночной экономикой железнодорожные тарифы прямо или косвенно регулируются государством.

Ряд специалистов-транспортников считают, что повысить экономическую эффективность транспортировки может изменение границ железных дорог с таким расчётом, чтобы обеспечить максимум перевозок в местном сообщении. Это, по их мнению, должно привести к улучшению управляемости транспортом. Вероятно, в западной части страны это имеет смысл, но на востоке России с мощными широтными грузопотоками разграничение железных дорог по такому принципу представляется спорным.

Целесообразны, на наш взгляд, предложения, касающиеся передачи малодеятельных железнодорожных линий местным органам управления. Однако для этого необходимо соответствующее законодательство. В этой связи интересен опыт США, где аналогичная ситуация со спросом на железнодорожные перевозки вызвала сокращение протяжённости железнодорожных линий за 10 лет примерно на 15%.

В тарифной политике на транспорте необходим дифференцированный подход к различным регионам. Большие расстояния и высокие транспортные издержки при поставках сырьевых, экспортных и других грузов требуют экономической поддержки регионов Сибири и Дальнего Востока.

Кроме того, предлагаем в целях снижения уровня тарифов на железнодорожные перевозки разработать систему льготного налогообложения предприятий железнодорожного транспорта.

Влияние современной денежно-кредитной политики России на экономический рост

В.В. МАСЛЕННИКОВ, доктор экономических наук, академик РАЕН, Институт финансово-экономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва. E-mail: vv-masl@mail.ru

В статье проанализировано воздействие текущей денежно-кредитной политики России на экономический рост. Сделаны и обоснованы выводы о ее несоответствии задачам приоритетного и ускоренного развития отраслей, ориентированных на внутреннее потребление и несырьевой экспорт. Сформулированы предложения, направленные на приведение денежно-кредитной политики в соответствие с требованиями экономического роста, инновационно-инвестиционного развития страны, а также устранения структурной деформации экономики.

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, экономический рост, таргетирование инфляции, плавающий валютный курс, валютный контроль, состояние и структура российской экономики

Многие экономисты в дискуссии о модели дальнейшего развития экономики России признают, что в современных непростых условиях требуется активная государственная политика, направленная на приоритетное и ускоренное развитие отраслей, ориентированных на внутреннее потребление и несырьевой экспорт. По нашему мнению, такой подход оправдан. Реализуемая же денежно-кредитная политика становится основным эндогенным фактором риска для экономики России. Особенно опасны несоответствие денежно-кредитной политики страны ее реальным экономическим интересам, попытка редуцирования целей этой политики до сугубо монетарных.

Жесткий режим таргетирования инфляции в России

Негативные последствия инфляции многообразны. Ее высокий уровень усложняет долгосрочное планирование и инвестирование, обесценивает сбережения населения, стимулируя их накопление в иностранной валюте или материальных активах, способствует нарастанию социально-экономической напряженности.

Но очень важно, чтобы борьба с ней не нанесла ущерб экономическим интересам страны.

Инфляционное таргетирование успешно применяется во многих развитых и развивающихся странах. Его суть состоит в том, что центральный банк страны принимает меры для достижения некоего уровня инфляции в среднесрочной перспективе, целенаправленно создавая условия для рационального поведения хозяйствующих субъектов и населения, чьи инфляционные ожидания ориентируются на заявленные значения. Результатом доверия к денежно-кредитной политике и руководству центрального банка становится стабилизация или даже некоторое снижение инфляции. Если прогноз центрального банка реализуется, это еще более укрепляет доверие к нему.

Существуют разные способы таргетирования инфляции. Заметим, что даже авторитетные сторонники таргетирования инфляции никогда не предлагали центральному банку принимать решения исключительно с учетом их последствий для инфляции. Такая позиция была когда-то удачно охарактеризована как «инфляционный психоз», и она не имеет ничего общего с гибким инфляционным таргетированием [1, 2]. Но Банк России выбрал один из наиболее жестких вариантов, не учитывающий интересы инвестиционного роста экономики и необходимого изменения ее структуры. Это определяет все остальные особенности и уязвимые места денежно-кредитной политики в нашей стране.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов [3] значилось, что «в среднесрочной перспективе перед Банком России стоит задача по дальнейшему снижению темпа роста потребительских цен. Данный процесс должен протекать постепенно: целевая траектория инфляции будет определяться с учетом перспектив экономического роста (установленные цели по инфляции достижимы без создания существенных рисков для устойчивости экономического роста)...», и «основанием для изменения ключевой ставки является прогнозируемое устойчивое и продолжительное отклонение инфляции от цели в среднесрочной перспективе... Для достижения цели по инфляции Банк России на основе макроэкономического прогноза устанавливает

уровень ключевой ставки, который отражает направленность денежно-кредитной политики».

Задача не создавать существенные риски для устойчивости экономического роста не была выполнена, поскольку Банк России на протяжении всего 2014 г. прибегал к последовательному повышению ключевой ставки: с 3 марта – с 5,50 до 7,00%; с 28 апреля – до 7,50; с 28 июля – до 8,00; с 5 ноября – до 9,5; с 12 декабря – до 10,5 и с 16 декабря – до 17% годовых [4].

С ростом ключевой ставки увеличились ставки по банковским кредитам, и без того превышавшие рентабельность производства продукции для внутреннего потребления и несырьевой экспорт. По таким ставкам кредиты стали доступны лишь финансовым спекулянтам и предприятиям сырьевого сектора. Это нанесло сильнейший удар по декларируемой в качестве приоритетной политике импортозамещения и способствовало дальнейшей деформации структуры российской экономики, что также свидетельствует о несогласованности действий Банка России с целями развития суверенной национальной экономики.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов [5] было определено, что «главной целью единой государственной денежно-кредитной политики является обеспечение ценовой стабильности, что означает достижение и поддержание устойчиво низкой инфляции». Указанная цель прямо противоречит ст. 3 и 34 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [6], согласно которым одной из целей деятельности Банка России является «защита и обеспечение устойчивости рубля», а «основной целью денежно-кредитной политики Банка России является защита и обеспечение устойчивости рубля посредством поддержания ценовой стабильности, в том числе для формирования условий сбалансированного и устойчивого экономического роста».

Обеспечение устойчивого экономического роста в целях действующей денежно-кредитной политики даже не обозначено и, следовательно, с позиции Банка России не является индикатором эффективности его деятельности. Поскольку необходимым условием перехода к таргетированию инфляции будет переход к плавающему курсу рубля, цель защиты и обеспечения устойчивости

рубля в условиях действующей денежно-кредитной политики также стала для Банка России второстепенной.

То, что Банк России не рассматривает экономический рост в качестве основного критерия правильности принимаемых решений, подтверждается словами его председателя: «По нашим оценкам, в случае, если введенные внешнеторговые ограничения будут действовать, как и объявлено, в течение года, а также при отсутствии новых негативных факторов, темп прироста потребительских цен снизится до 4% в 2017 г. *без существенного охлаждения экономики*» [5]. Чрезмерный акцент денежно-кредитной политики на уровне инфляции отвлекает внимание от иных макроэкономических показателей, включая экономический рост.

Зарубежная практика опровергает такой подход. Например, приоритетной задачей Народного банка Китая является обеспечение темпов экономического роста; Комитета по денежно-кредитной политике Банка Англии – поддержание роста и занятости; Федеральной резервной системы США – эффективное обеспечение максимальной занятости, поддержание долгосрочного роста денежных агрегатов с учетом потенциала увеличения производства, обеспечение умеренных долгосрочных процентных ставок [7].

Неподготовленный переход к недостижимым целям

Переход к режиму таргетирования инфляции связан с множеством условий и предпосылок, среди которых – переход к режиму плавающего курса национальной валюты, стабильно низкая на протяжении нескольких лет инфляция, устойчивое доверие общественности к центральному банку и его реальная институциональная независимость, низкая монополизация экономики, наличие консенсуса у всех органов государственной власти о приоритетности поддержания целевого уровня инфляции перед всеми остальными макроэкономическими показателями, преобладание монетарных источников инфляции, наличие у центрального банка достаточного набора инструментов денежно-кредитного регулирования и опыта их применения. По большинству

перечисленных показателей российская экономика не была готова к переходу на режим таргетирования инфляции.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов [3] были установлены изначально недостижимые цели по инфляции – 5% в 2014 г., 4,5 – в 2015 г. и 4% – в 2016 г. В 2014 г. инфляция достигла 11,4% – ошибка в прогнозе Банка России составила 128%. Для сравнения: в Норвегии (эта страна – крупный экспортер нефти), осуществляющей с 1999 г. инфляционное таргетирование, среднее отклонение за 15 лет составило 0,61% [8]. То, что намеченные показатели в 2014 г. не были достигнуты, Банк России объяснил ухудшением внешнеэкономической ситуации, приведшей к падению темпов роста ВВП, ослаблению рубля, ускорению роста потребительских цен и увеличению рисков для финансовой стабильности [5]. При этом был вновь определен ориентир по инфляции – 4% (только теперь уже в 2017 г.).

Между тем негативные тенденции в развитии экономики России накапливались на протяжении длительного периода времени, и внешние факторы лишь усиливали и ускоряли их нарастание. Поэтому намеченный Банком России целевой ориентир по уровню инфляции сложно назвать реалистичным.

Доводы Банка России о том, что замедление экономики носит структурный характер, в пользу чего якобы свидетельствуют низкая безработица и высокая загрузка производственных мощностей, поэтому денежное стимулирование российской экономики приведет лишь к стагфляции – не выдерживают критики. Текущий уровень безработицы связан с сокращением экономически активного населения, низкой производительностью труда и высокой скрытой безработицей. А конкретные данные о загрузке мощностей приведены в исследованиях Росстата: по итогам обследования деловой активности 3,5 тыс. организаций видов экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» загрузка мощностей в октябре 2014 г. составляла лишь 62% [9].

В российских условиях установление Банком России явно заниженного ориентира по уровню инфляции ведет к одностороннему регулированию, постоянно охлаждающему экономику,

и без того демонстрирующую отставание темпов роста по сравнению с мировыми. При этом важно понимать, что достигнуть низкой инфляции в российских условиях только за счет денежного сжатия просто невозможно – инфляция в значительной мере зависит от немонетарных факторов. Например, успешному проведению Банком России инфляционного таргетирования препятствуют фискальные интересы власти, оказывающей на него давление с целью компенсировать неэффективность системы налоговых сборов и бюджетных расходов.

Существенно влияет на рост инфляции в России инфляция издержек, в которой высока доля коррупционного налога, создающего механизм для перетока денежных средств из сферы производства в сферу потребления, стимулируя инфляцию спроса через увеличение затрат для бизнеса, переносимых на стоимость товаров и услуг и через направление изъятых у бизнеса средств на конечное потребление (с альтернативой в виде конвертации в валюту незаконно полученных средств с выводом ее за рубеж).

Доводы о косвенном влиянии общего уровня инфляции на уровень регулируемых цен [10] справедливы, если не учитывать, что Банк России воздействует на снижение инфляции посредством денежного сжатия, от которого страдают предприятия, производящие продукцию для внутреннего потребления и сырьевого экспорта. К какому бы денежному сжатию ни прибегал Банк России, монополисты все равно компенсируют свои потери за счет повышения цен, вызывая новый виток инфляции и ужесточения денежно-кредитной политики.

В России не решена проблема перехода от формирования денежной базы преимущественно за счет валютных поступлений к использованию внутренних механизмов и инструментов, меньше зависящих от внешних факторов и более адекватно отражающих внутренний спрос на деньги. Снижение поступления валютной выручки в страну сопровождается продажей валюты Банком России с одновременным изъятием рублей из экономики. Существующий механизм рефинансирования направлен на регулирование краткосрочной ликвидности и не способствует увеличению эмиссии длинных денег в экономике, с позиции роста инвестиционной активности он мало полезен.

Важная предпосылка перехода к политике таргетирования инфляции – доверие бизнес-сообщества и населения к Банку России и проводимой им политике. К сожалению, такое доверие в 2014 г. было утрачено и вряд ли будет скоро восстановлено, так как поведение Банка России невозможно спрогнозировать даже в краткосрочной перспективе из-за его информационной закрытости и неготовности признавать допущенные ошибки.

Обращают на себя внимание и расплывчатые формулировки единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов в Основных направлениях: «существенное охлаждение экономики», «высокий уровень занятости» и т. п. Нечеткость формулировок, непрозрачность алгоритмов принятия решений и закрытость внутренних правил позволяют предположить, что Банк России стремится избежать внешней компетентной оценки его действий, публичного объяснения причин отклонения от них и внешнего независимого контроля. Все это делает еще более сомнительной попытку продолжить реализацию прежней денежно-кредитной политики.

Стремление воздействовать на рост инфляционных ожиданий через увеличение процентных ставок в условиях отсутствия доверия к Банку России еще более снижает возможности развития реального сектора экономики, прежде всего малого и среднего бизнеса, не имеющего выхода на зарубежный рынок кредитных ресурсов. Банковское сообщество понимает неэффективность такого регулирования и повышает процентные ставки по кредитам, включая в них дополнительные рисковые премии.

Рост ключевой ставки на протяжении 2014 г. усилил действие международных санкций на российскую экономику. Наблюдаемое в 2015 г. снижение ключевой ставки не должно вводить в заблуждение, поскольку ему предшествовало ее резкое повышение в период кризиса, и она не достигла значений, приемлемых для экономики.

Способ сохранения условий для вывода капитала из России

Принципиальной ошибкой стал переход к режиму плавающего валютного курса без принятия необходимых компенсирующих мер по усилению валютного контроля, препятствующего

чрезмерной мобильности капитала. Этот процесс сопровождался ростом волатильности курса рубля и завершился его обвальным падением. В результате был реализован сценарий девальвационной спирали, при попадании в которую эффект манипулирования процентными ставками стремится к нулю. Об этой опасности предупреждали специалисты [11, 12].

Негативные последствия непредсказуемости и высокой волатильности курса национальной валюты не ограничиваются сугубо валютным рынком, они дестабилизируют всю экономику страны. Экономические субъекты, не только непосредственно задействованные в экспортно-импортных операциях, но и использующие в производственном процессе импортное оборудование, детали и сырье, вынуждены учитывать риски неопределенности валютного курса. Этот фактор является значимым как при планировании и принятии решений о создании и развитии производств, так и при формировании и реализации ценовой политики. В конечном итоге эти риски либо перекладываются на конечных потребителей, стимулируя инфляцию, либо снижают рентабельность бизнеса, которая и так невысока относительно стоимости ресурсов для отраслей, производящих продукцию для внутреннего потребления и несырьевого экспорта. Поэтому для современной российской экономики стабильность (или хотя бы прогнозируемость) валютного курса – жизненно необходима для структурной перестройки и формирования суверенной экономики.

Отрицательное влияние ослабления рубля и роста волатильности курса на экономику признается и в годовом отчете Банка России за 2014 г.:

- «удорожание импортируемых инвестиционных товаров, снижение прибыли организаций, ухудшение неценовых условий кредитования и рост стоимости кредитных ресурсов вызвали снижение вложений в основной капитал в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом на 2,7%. Низкая деловая активность привела к сокращению запасов материальных оборотных средств. В результате вклад валового накопления в экономический рост в 2014 году остался отрицательным» [4. С. 20];

- «доминирующими в 2014 г. являлись проинфляционные факторы, в первую очередь ослабление рубля, которое привело

к росту цен на импортируемую промежуточную и конечную продукцию» [4. С. 21];

- «на динамике цен на продовольственные товары сказалось не только прямое, но и косвенное влияние снижения курса национальной валюты» [4. С. 22];

- «в условиях роста волатильности курса рубля в 2014 г. существенно увеличился интерес к валютным деривативам, используемым для хеджирования курсового риска, а также для совершения спекулятивных и арбитражных сделок» [4. С. 38];

- «ускорение роста цен на широкий круг товаров и услуг, обусловленное в первую очередь эффектом ослабления рубля, а также сохранение высокой экономической неопределенности оказало повышательное давление на инфляционные ожидания субъектов экономики, что создало риски для достижения цели по инфляции в среднесрочной перспективе» [4. С. 59].

Итак, **существует прямая связь между решением Банка России о переходе к режиму плавающего валютного курса, ослаблением курса рубля и невыполнением параметров единой государственной денежно-кредитной политики.** По оценкам Банка России, эффект переноса номинального эффективного курса рубля на инфляцию по состоянию на конец 2014 г. составил 0,13–0,15 [13]. По другим оценкам, девальвация рубля на 10% приводит к росту внутренних цен от 1,5 до 3% [14,15]. Увеличению индекса номинального эффективного курса к иностранным валютам в 2014 г. на 32,7% [4] соответствует прирост инфляции минимум на 4,3–4,9%. Ослабление рубля при сохраняющейся высокой доле импортных товаров в структуре потребления – основная причина резкого скачка инфляции.

Ужесточение мер валютного регулирования и контроля позволило бы избежать резкого падения и дальнейших колебаний валютного курса и не прибегать к ужесточению денежно-кредитной политики. В современных российских условиях меры валютного регулирования и контроля являются «меньшим злом» по сравнению с дальнейшим использованием косвенных «экономических» методов регулирования валютного рынка. Валютный контроль активно применяется за рубежом и не рассматривается как противоречащий целям экономического развития государств.

Более того, он оказывает определенное протекционистское воздействие на развитие собственной экономики.

Для России как страны с формирующимся финансовым рынком **необходимы инструменты управления финансовым счетом, сдерживающие приток в страну спекулятивного капитала и вывод капитала за рубеж.** Такие инструменты позволяют снизить мультиплицирующий эффект влияния политических и экономических факторов на российский валютный рынок. Без принятия данных мер кризисные тенденции в политической и экономической сферах каждый раз будут сильно отражаться на курсе рубля, а падение его курса – усиливать кризисные проявления.

Именно поэтому, когда падение курса рубля в конце 2014 г. стимулировало рост инфляции, несмотря на декларации Банка России о переходе к плавающему курсу рубля, наблюдались ручное управление со стороны руководства страны и ведомств экономического блока по административному стимулированию продажи иностранной валюты компаниями-экспортерами, а также ее продажа Министерством финансов РФ. А усиление валютного контроля способствует смещению равновесного значения курса рубля в сторону его укрепления. Это позволит, не снижая курса рубля, сделать его «слабой» валютой с несколько заниженным курсом, снизить давление на рубль и пополнять валютные резервы, направляя столь необходимую рублевую массу в экономику страны.

Реальную угрозу для безопасности страны представляют санкции, ограничивающие доступ российских компаний на кредитный рынок. В связи с этим неконтролируемый рост международного корпоративного долга опасен не только для самих заемщиков, но и для стабильности экономики страны в целом. Поэтому необходимо **установить контроль над внешними заимствованиями со стороны российских компаний.** Такая мера носит вынужденный характер и обусловлена внешними угрозами. При этом необходимо проводить работу по постепенному частичному замещению ранее накопленных кредитов за счет внутренних источников.

В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов [3]

не учитывается возможность внешнего скоординированного намеренного воздействия на валютный рынок с целью его дестабилизации. Игнорирование этого фактора труднообъяснимо, учитывая широкомасштабное политическое давление и международные санкции, направленные против России.

Курсовая политика Банка России зависит от Правительства РФ, поскольку величина доходов федерального бюджета непосредственно определяется курсом рубля. Это, с одной стороны, делает невозможным последовательное проведение Банком России политики плавающего курса, а с другой – говорит об отсутствии институциональной независимости Банка России от Правительства РФ, необходимой для проведения политики таргетирования инфляции.

В настоящее время Банком России установлены одинаковые нормативы обязательных резервов как по рублевым, так и валютным обязательствам кредитных организаций. Тем самым не использован механизм повышения привлекательности для клиентов банков рублевых операций, дестимулирующий переток рублей на валютный рынок.

Денежно-кредитная политика в интересах экономического роста

Анализ современной денежно-кредитной политики России и реальных условий ее осуществления позволяет сформулировать *комплекс предложений*, направленных на приведение денежно-кредитной политики в соответствие с государственными интересами экономического роста, инновационно-инвестиционного развития страны, а также устранение структурной деформации экономики.

- Признать необходимость подчинения денежно-кредитной политики общегосударственным целям экономической безопасности и роста. Отказаться от приоритетности снижения инфляции и абсолютизации ценности следования любым экономическим моделям в ущерб экономическому росту. Предусмотреть в качестве приоритетной цели денежно-кредитной политики создание условий для экономического роста, структурной перестройки и инновационно-инвестиционного развития российской экономики.

- Осуществлять комплексное таргетирование уровня инфляции и валютного курса рубля, определяя их целевые параметры в значениях, максимально стимулирующих экономический рост и инвестиции в отрасли, производящие продукцию для внутреннего потребления и несырьевой экспорт, науку и образование.

- Провести детальные научные исследования по определению влияния немонетарных факторов (инфляция издержек, включая коррупционный налог, монопольное ценообразование и административное регулирование цен; рост цен на импортные товары и услуги, в том числе в результате девальвации рубля; увеличение бюджетных расходов и др.) на уровень инфляции в России. При этом в зоне ответственности Банка России может находиться только монетарная компонента инфляции.

- Обнародовать механизм принятия Банком России решений по вопросам денежно-кредитной политики, прогнозируемые траектории инфляции и ключевой ставки, а также предоставлять развернутые объяснения по каждому случаю отклонения от прогноза сверх обозначенной величины.

- Разработать программу стимулирования внутреннего инновационного развития экономики, предусматривающую формирование инвестиционных фондов с государственным участием, налоговые каникулы для предприятий, ориентированных на импортозамещение и инвестирующих в создание новых современных мощностей.

- Создать механизмы эмиссии длинных денег, направляемых на финансирование инновационно-инвестиционного развития экономики России, через приобретение ценных бумаг контролируемых государством инвестиционных фондов. Для предотвращения стагфляции указанные механизмы должны предусматривать жесткий контроль за эффективностью и целевым характером использования инвестиций, не допускающий их нецелевой переток в сферу потребления и на валютный рынок.

- Продолжить снижение ключевой ставки с целью увеличения денежного предложения. Сформировать механизм льготного кредитования (с использованием кредитов Банка России) предприятий реального сектора экономики, признанных на конкурсной основе точками роста.

- Постепенно прекратить прием иностранных активов в качестве обеспечения по ломбардным кредитам в целях повышения привлекательности для российских экономических субъектов рублевых активов.

- Разработать и проводить политику кредитного стимулирования потребления домашними хозяйствами российской продукции.

- Рекомендовать Банку России дифференцировать нормативы обязательных резервов, установив их по рублевым обязательствам кредитных организаций ниже, чем по обязательствам в иностранной валюте.

- Разработать механизм постепенного замещения предприятиями внешних валютных кредитов за счет российских источников, одновременно установив контроль за их новыми внешними заимствованиями.

- Провести делиберализацию валютного законодательства и усилить валютный контроль для перекрытия каналов оттока капитала и сокращения возможностей масштабных валютных спекуляций, в том числе имеющих внешнее скоординированное происхождение.

- Рекомендовать Банку России разработать механизм ограничений размера валютной позиции кредитных организаций при наличии у них обязательств перед Банком России для перекрытия канала перетока полученных от него ресурсов на валютный рынок.

- Отказаться от режима плавающего курса как не соответствующего текущему политическому и экономическому положению. Установить целевой коридор на уровне ниже равновесного курса рубля, существенный рост которого будет достигнут в результате усиления валютного контроля.

- Сформировать независимый научный совет при Банке России для предварительной и обязательной последующей научной экспертизы влияния на экономику страны решений, принимаемых в сферах денежно-кредитной политики и регулирования финансового рынка.

Литература

1. King M. Changes in UK Monetary Policy: Rules and Discretion in Practice // Journal of Monetary Economics. – 1997. – Vol. 39. – № 1. – P. 81–97.

2. Вудфорд М. Таргетирование инфляции: совершенствовать, а не списывать в утиль // Вопросы экономики. – 2014. – № 10. – С. 44–55.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2014 год и период 2015 и 2016 годов. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2014\(2015–2016\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2014(2015–2016).pdf)
4. Годовой отчет Банка России за 2014 год. URL: http://www.cbr.ru/publ/God/ar_2014.pdf
5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2015 год и период 2016 и 2017 годов. URL: [http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2015\(2016–2017\).pdf](http://www.cbr.ru/publ/ondkp/on_2015(2016–2017).pdf)
6. Федеральный закон РФ № 86-ФЗ от 10.07.2002 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». URL: <http://base.garant.ru/12127405/>
7. Аганбегян А. Г., Ершов М. В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. – 2013. – № 6. – С. 3–11.
8. Чаркин А. В. Мировой опыт инфляционного таргетирования // Финансовый журнал. – 2012. – № 1. – С. 115–128.
9. Федеральная служба государственной статистики. Исследование «Деловая активность организаций в России в октябре 2014 года». URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d04/220.htm
10. Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 4–12.
11. Третьякова С. Н. Об эффективности инфляционного таргетирования в современных условиях // Банковское дело. – 2015. – № 3. – С. 11–14.
12. Буклемишев О. В ловушке геополитики: почему российскому ЦБ не позавидуешь. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/makroekonomika> (дата обращения: 18.09.2014).
13. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. Декабрь 2014 года, № 4 (8). – С. 56. URL: http://www.cbr.ru/publ/ddcp/2014_04_ddcp.pdf
14. Любский М. С. Российская политика валютного курса // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – № 3. – С. 48–58.
15. Ломиворотов Р. Влияние внешних шоков и денежно-кредитной политики на экономику России // Вопросы экономики. – 2014. – № 11. – С. 122–139.

На пути к новым стандартам высшего образования

О.Н. ПОПОВА, кандидат педагогических наук, Технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», г. Лесной (Свердловская обл.). E-mail: onpopova49@mail.ru

В статье проведен анализ проектов федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования – ФГОСЗ+ (ФГОС ВО) по четырем направлениям, рассмотрены внесенные изменения. Обращается внимание на нерешительность введения общих требований по общекультурным компетенциям и их индексации, на отсутствие единых границ блоков структуры программ, на предпосылки нового сокращения перечня и объема гуманитарных дисциплин и др. Высказывается предположение о новой возможной корректировке стандартов высшего образования.

Ключевые слова: ФГОСЗ+, ФГОС ВО, общекультурные компетенции, высшее образование, аккредитация, гуманитарные дисциплины

Новые правила

При переходе от государственных образовательных стандартов к федеральным (ФГОС) в 2011 г. при обучении по инженерным направлениям были сокращены треть дисциплин гуманитарного цикла и уменьшено количество часов на уцелевшие в связи с ограничением объема раздела гуманитарных, социальных и экономических дисциплин (ГСЭ) [1]. Причем в ФГОС по разным направлениям подготовки их объемы в зачетных единицах (зет¹) значительно различались. Каждое направление имело «компетентностный» набор, практически одинаковый по содержанию, но со своими формулировками и индексацией. Складывалось впечатление, что ФГОС, подготовленные разными учебно-методическими центрами и ведущими по тем или иным направлениям вузами, были разработаны коллективами, которые находились в полной изоляции друг от друга либо занимались перефразированием одних и тех же компетенций.

Не прошло и двух лет с момента введения ФГОС, педагогическое сообщество еще не до конца осмыслило нововведения,

¹ 1 зет равен 36 академическим часам.

как в 2013 г. появились новые проекты – ФГОСЗ+ (официальное сокращение – ФГОС ВО). Стандарты не были утверждены, но набор абитуриентов в 2013 г. по некоторым направлениям был проведен уже по ним со всеми вытекающими последствиями.

При рассмотрении проектов ФГОС ВО невольно возникает вопрос: почему так и не были выработаны общие требования по базовым основополагающим позициям? Хотя подобная попытка, по всей видимости, предпринималась.

Итак, сравним...

Проведем сравнение нескольких вариантов проектов ФГОС ВО.

Общекультурные компетенции. Прорекларировано, что введены единые общекультурные компетенции (ОК), уточнены их формулировки. Действительно, их перечень сокращен до 8–9. Однако имеются отличия и в формулировках, и в индексации. Например, ОК-1 для направлений подготовки 09.03.01 и 27.03.04 определена как «Способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции», а для направления 15.03.05 она сформулирована как «Способность использовать основы философских знаний, анализировать главные этапы и закономерности исторического развития для осознания социальной значимости своей деятельности».

Компетенция ОК-3 для направления 09.03.01 трактуется как «Способность использовать основы экономических знаний в различных сферах деятельности», а для направления 27.03.04 – «Способность использовать основы экономических знаний при оценке эффективности результатов деятельности в различных сферах». По сути, содержание почти не изменилось, но внесенное дополнение приходится учитывать. По остальным компетенциям наблюдается аналогичная ситуация: фактически одинаковые по смыслу общекультурные компетенции в ФГОС ВО имеют свои «особенности» для разных направлений, что усложняет работу преподавательского состава при подготовке дисциплин учебно-методического комплекса. Даже в таком, казалось бы, простом вопросе нет единого подхода.

Структура программы. В ФГОС ВО изменена структура программы бакалавриата, отсутствуют «тематические» циклы (гуманитарный, социальный и экономический, математический и естественнонаучный, профессиональный), сохранены лишь три блока: блок 1 (Б1) «Дисциплины (модули)», который включает дисциплины (модули) базовой части программы и дисциплины (модули), относящиеся к её вариативной части; блок 2 (Б2) – «Практики», который в полном объеме относится к базовой части программы; блок 3 (Б3) «Государственная итоговая аттестация», который в полном объеме относится к базовой части программы. Конечно, стало легче распределять часы (зачетные единицы) по дисциплинам. Однако вызывает беспокойство, что перечень гуманитарных дисциплин и объем отведенных на них часов вновь могут быть пересмотрены, причем именно в сторону уменьшения. Прослеживается тенденция дальнейшего движения к «обескультуренному социуму» в цепочке стандартов ГОС – ФГОС – ФГОС ВО.

Границы блоков. В проектах ФГОС3+ следует обратить внимание на границы блоков для направлений подготовки. При сравнении, например, значения блока Б1 для направления 09.03.01 (219–222 зет) и 15.03.05 (213–216 зет), возникает вопрос: чем именно руководствовались разработчики, устанавливая столь разные границы блоков? Если есть некая «вилка», то почему не выбраны единые границы, возможно, более широкие, в пределах которых можно было бы варьировать размеры блоков для соответствующих направлений, исходя из потребностей? Для разработчиков рабочих учебных программ вузов необходимо учитывать данные границы, что создает дополнительные сложности. По другим направлениям ситуация аналогична.

Обеспеченность литературой. В ФГОС ВО требование количества экземпляров учебников в расчете на одного студента увеличено вдвое (1 экз. на двух студентов) за редким исключением (для направления 27.03.04 требования оставлены прежние – 1 экз. на четверых). «Ослаблены» требования к наличию учебной литературы гуманитарного и общепрофессионального циклов и установлены более жесткие требования для профильных дисциплин. Но при этом не учитывается, что вузы на эту статью расходов получают мизерные суммы, а быстро увеличить

книжный фонд сложно. Крайне мало качественных современных учебников, прежде всего, по инженерным направлениям. Выход видится в использовании электронных библиотек. Однако процедура подключения к их ресурсам тоже требует финансирования, причем для ежегодной пролонгации договора необходимы регулярные достаточно весомые затраты.

Кадровое обеспечение. В проектах стандарта ФГОС ВО не определены единые требования для этой сферы. Так, для направлений подготовки 09.03.01 и 27.03.04 доля преподавателей, имеющих ученую степень, звание, должна быть не менее 60%, а для направления 15.03.05 – 70% от общего числа преподавателей. Для направления 27.03.04 сформулированы и дополнительные требования. В частности, преподаватель должен иметь «... и/или ученое звание и/или печатные труды и/или ведущие исследования и разработки». Доля преподавателей из числа руководителей указана для направлений 09.03.01 и 27.03.04 не менее 10%, для 15.03.05 – не менее 20%, а для направления 38.03.01 – не менее 5%. Такая несогласованность создает проблемы для вузов, в частности, при подготовке к аккредитации.

Требования к квалификации профессорско-преподавательского состава направлены, казалось бы, на повышение качества обучения. Однако формальные требования вытесняют из профессии преподавателей, имеющих значительный опыт, но непрофильное образование, не соответствующее новым квалификационным категориям. Предполагаемая профессиональная переподготовка «без отрыва» формальна и малоэффективна.

«Физическая культура». В ФГОС ВО возникла еще одна проблемная ситуация. Введение дисциплины «Физическая культура» в объеме двух зачетных единиц в блок Б1 нарушило сложившиеся ранее пропорции и сократило список базовых дисциплин, входивших в него. Не определена процедура учета введенного элективного курса «Прикладная физическая культура»: рабочая программа должна быть, а итоговой формы контроля нет.

И это далеко не полный перечень проблемных вопросов.

Каждый вуз периодически проходит процедуру аккредитации, которая требует колоссальной мобилизации усилий административного аппарата и профессорско-преподавательского состава.

Причем складывается ощущение, что методика ее проведения меняется синхронно со «сменой времени года». Последняя редакция ориентирует на проведение аккредитации по ФГОС ВО. Знакомясь с данной процедурой и установленными ею требованиями, понимаешь, что документация – это наше всё! Тут уж не до студента...

Видимо, руководство высшим образованием выбрало новую тактику, пытаясь решать задачу сокращения вузов «цивилизованным» способом – посредством инструментария аккредитации, но страдают от этого все... Можно предположить, что перечисленные выше причины стимулируют вузы (имеющие на это право) разрабатывать собственные образовательные стандарты.

Безусловно, в современных быстро меняющихся условиях необходимо оперативно реагировать на запросы общества в области подготовки кадров. Однако столь частая смена стандартов этому никак не способствует. Образование – сфера достаточно инертная, требующая выверенных шагов. Вводимые изменения должны быть обсуждены, тщательно взвешены, а последствия просчитаны. Переход на ФГОС ВО должен быть продуман, чтобы не пришлось через пару-тройку лет вновь прибегать к их пересмотру.

Литература

Проблемы реализации ФГОС ВПО цикла ГСЭ по инженерным направлениям подготовки // Совет ректоров. – 2011. – № 9. – С. 45–46.

Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики

М.В. МИХЕЕВ, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург. E-mail: mikheev666@yandex.ru

В статье рассматривается послевоенная попытка разделения Урало-Кузнецкого комбината путем создания самостоятельной Урало-Печорской угольно-металлургической базы. Показана зависимость советской командной экономики от различных аспектов экономической эффективности и конкурентоспособности, трудностей привлечения рабочей силы, сложностей согласования деятельности отдельных министерств и ведомств. Большая часть этих проблем остается актуальной в отношении проекта «Урал промышленный – Урал Полярный», попытки реализации которого предпринимались в последние годы.

Ключевые слова: Урал, Кузбасс, Сибирь, Печорский бассейн, металлургия, железная дорога, командная экономика

История проблемы

В мае 2005 г. была поставлена задача разработки проекта «Урал промышленный – Урал Полярный». В качестве главной его цели определялось вовлечение минерально-сырьевых ресурсов Приполярного и Полярного Урала в уральское промышленное производство путем создания транспортного коридора по восточному склону Уральского хребта [1]. Основой такого коридора предстоит стать железнодорожной линии Полуночное – Обская-2.

Вместе с тем идея соединения индустрии Урала с сырьевыми ресурсами Уральского Севера не нова. Представляется интересным рассмотреть меры, предпринятые советской властью в этом направлении после Великой Отечественной войны, а также выяснить причины, по которым столь масштабный экономический проект остался не реализованным до настоящего времени.

Региональные власти давно понимали необходимость строительства транспортной инфраструктуры вдоль Уральских гор. Еще в начале 1920-х годов, в разгар кампании по районированию, уральские руководители стремились преодолеть зависимость развития

Урала от транзитных связей Центра с Сибирью и ставили задачу расширения меридиональных связей региона с целью формирования разностороннего промышленного комплекса [2].

К решению проблемы приступили не сразу. Перед войной стратегическим направлением промышленного развития Урала стало строительство Урало-Кузнецкого комбината. Оно предполагало перевод уральских промышленных предприятий с древесного угля на каменный, а также соединение каменноугольных копей Кузбасса с индустрией Урала путем организации магистрального сообщения между регионами [3].

К концу Великой Отечественной войны ситуация изменилась. К этому времени в Западной Сибири за счет эвакуированных предприятий успешно развивалась собственная металлургия. Советские экономисты пришли к выводу о целесообразности разделения Урало-Кузнецкого комбината на два самостоятельных угольно-металлургических комплекса – в Сибири и на Урале. Такой шаг вполне соответствовал методологическим установкам советского планирования, выработанным еще в годы первых пятилетних планов. Они исходили из необходимости построения региональных промышленных баз с опорой преимущественно на местные или близлежащие топливно-энергетические ресурсы, что было важно не только с экономической, но и с военно-стратегической точек зрения [4].

Великая Отечественная война в целом подтверждала целесообразность такого подхода к территориальной организации советской промышленности, особенно в условиях «холодной войны». Однако здесь и возникала проблема: если сибирские предприятия могли полностью обеспечиваться собственным углем из Кузнецкого бассейна, то промышленность Урала местные ресурсы полностью удовлетворить не могли.

Например, на долю Свердловской области – как наиболее крупной части Уральского промышленного района в территориальном отношении и по масштабам производства – приходилось 31% выплавляемого на Урале чугуна, 30,4% стали, 35% добычи угля, 29% железной и до 50% медной руды. Здесь производилось 40% продукции уральского машиностроения и выплавлялось до 50% от общесоюзного производства алюминия [5]. Тем не менее экономика области к концу войны в значительной степени была зависима от привозного угля (табл. 1).

Таблица 1. Энергетические потребности предприятий Свердловской области в угле в 1943–1944 гг.

Уголь	Тыс. т	%
1943 г. (израсходовано)		
Местный уголь		
Богословский	3706	41,1
Егоршинский	428	4,7
Итого	4134	45,8
Привозной уголь		
Челябинский	4378	48,6
Кузнецкий и карагандинский	500	5,5
Итого	4878	54,1
Всего	9012	100
1944 г. (по прогнозу 1943 г.)		
Местный уголь		
Богословский	4707	46,5
Егоршинский	375	3,7
Итого	5082	50,2
Привозной уголь		
Челябинский	4524	44,7
Кузнецкий и карагандинский	525	5,2
Итого	5049	49,8
Всего	10131	100

Источник: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 40. – Д. 189. – Л. 2.

Более того, по оценкам специалистов, к началу осуществления IV пятилетнего плана Свердловская область за счет собственных ресурсов покрывала свои потребности в энергетическом угле только на 42%. Еще сложнее обстояло дело с коксующимся углем, используемым в промышленности для выплавки металлов. Область могла покрыть свои потребности в марочном угле только на 28,8% [6].

Принятие плана четвертой пятилетки усугубило ситуацию. Он предусматривал значительный рост металлургического производства в восточных районах СССР, в том числе на Урале и в Сибири. Заместитель наркома черной металлургии Ф. А. Меркулов отмечал в апреле 1946 г.: «Металлургия на Урале и Востоке значительно растет по сравнению с 1940 г.: она растет на 211% по чугуну, 210% – по стали и 208% – по прокату. Вместе с ростом всей металлургии Советского Союза, удельный вес металлургии

на Востоке чрезвычайно поднимается. Так, по чугуну – 44,5% в 1950 г. против 29% в 1940 г., по стали – 51,5% против 24%, по прокату – 50,7% против 33% 1940 г.» [7].

Секретарь Свердловского обкома ВКП (б) В. И. Недосекин в 1946 г. отмечал, что развитие угольной промышленности Свердловской области резко отстает от потребности промышленности в топливе. Недостаток топлива начал лимитировать работу промышленности области. Из-за дефицита угля «Свердловэнерго» было вынуждено в 1946 г. сократить выработку электроэнергии по сравнению с 1944 г. на 335 млн кВт·ч. Планируемый на четвертую пятилетку ввод в эксплуатацию Нижне-Турьинской ГРЭС мощностью 258 тыс. кВт, Каменск-Уральской ГРЭС мощностью 40 тыс. кВт, новых мощностей ТЭЦ Богословского алюминиевого завода и СУГРЭС создавал дополнительное напряжение в топливном балансе. К концу IV пятилетки прогнозируемая потребность промышленности Урала в угле составляла 20 млн т при возможном уровне добычи – 4 млн т [8].

Разработка проекта

В условиях столь значительного роста уральской металлургии остро встала проблема обеспечения ее углем. Рассчитывать на увеличение доли привозного угля из Челябинской области было невозможно, так как пятилетний план предусматривал значительный рост металлургии и в этой области, что предопределяло потребление всего челябинского угля на месте. Увеличению поставок из Кузбасса также препятствовало планируемое развитие индустрии Сибири. Тогда у экономистов и возникла идея решения проблемы за счет ресурсов Печорского угольного бассейна, на который предстояло переориентировать промышленность Урала с угольных месторождений Кузбасса.

17–23 ноября 1948 г. в г. Кемерово под руководством Академии наук была проведена конференция по изучению производительных сил Кузбасса, где в докладе академика И. П. Бардина было сделано на этот счет любопытное пояснение:

«Если исходить только из расчетов себестоимости добычи и транспорта углей, то Кузбасс вполне может выступать и впредь мощным конкурентом всех перечисленных угольных месторождений. Так, например, можно с уверенностью сказать, что печорские угли на Среднем Урале будут дороже кузнецких, хотя первые на тысячу километров ближе, чем вторые. По условиям добычи

и вследствие повышенной зарплаты в Заполярье печорские угли будут значительно дороже франко-шахта, чем кузнечские. Техническая вооруженность ж.-д. магистрали, по которой перевозится кузнечский уголь, будет гораздо выше, чем будущей линии, которая соединит Печорский бассейн с Уралом, и можно ожидать, что стоимость доставки на Средний Урал кузнечских и печорских углей будет примерно одинакова. К тому же зольность печорских углей будет вдвое и даже выше, чем кузнечских. По всем этим причинам кузнечские угли будут на Урале дешевле печорских. Можно было бы также показать, что в условиях Южного Урала кузнечские угли не будут дороже карагандинских. Это очень важное преимущество Кузбасса, но из этого не следует делать тех выводов, которые сделали бы на нашем месте какие-нибудь «чистые» буржуазные экономисты.

Если мы считаем правильным сократить вывоз кузнечских углей для дальних потребителей, то это можно обосновать лишь социалистическими принципами размещения промышленности. У нас бассейны не конкурируют друг с другом, и при советских темпах промышленного роста нам нужно развивать использование всех главнейших природных ресурсов страны. Если мы предпочитаем вывозить на Урал печорские и карагандинские угли вместо кузнечских, то это происходит лишь потому, что *возможности развития потребления углей на месте их добычи несравненно более ограничены для Печоры заполярным положением, а для Караганды – водным балансом и прочими ресурсами, чем для Кузбасса, и поэтому отказ от дальних перевозок печорских или карагандинских углей практически означал бы резкое сокращение их использования вообще, что противоречило бы принципам социалистической экономической политики* (курсив авт. – М.М.)» [9].

Таким образом, советский проект освоения угольных ресурсов Северного Урала изначально во многом базировался не столько на экономических основаниях, сколько на принципе нового географического размещения производительных сил страны для обеспечения наиболее равномерного использования ее топливно-сырьевых ресурсов.

Несмотря на это, еще во время войны в Свердловске была начата подготовительная работа по изучению и освоению природных ресурсов Северного Урала. В конце 1941 г. секретарь по черной металлургии Свердловского обкома ВКП (б) А.Б. Аристов, предполагая компенсировать за счет Печоры

нехватку кузнечного угля, с доставкой которого с трудом справлялась перегруженная магистраль, связывавшая Центр с Востоком, поручил главе одного из лесозаготовительных трестов в Ивделе разведку подходящего для прокладки железнодорожной трассы перевала через Уральский хребет [10]. В январе 1945 г. при Уральском филиале Академии наук СССР (УФАН) под председательством проф. А. А. Иванова прошло совещание, посвященное проблемам развития Северного Урала. Внимание участников совещания было обращено на рассмотрение вопросов о перспективах эксплуатации железных руд, в частности, Первого Северного рудника, и о железнодорожной трассе, которая должна была соединить Ивдель с северным угленосным бассейном. Для этих целей УФАН направил в Ивдель группу научных работников и вагон с лабораторным и экспедиционным оборудованием [11].

В Ивделе активно проводились геологоразведывательные работы. Еще в июне 1941 г. Уральская экспедиция Совета по изучению производительных сил (СОПС) под руководством М. И. Калганова подвергла анализу качественные характеристики железных руд Северного Урала. В частности, экспедиция исследовала Ауэрбаховское, Воронцовское, Ваяновское, Александровское, Троицкое месторождения, месторождения Первого и Третьего Северных рудников [12]. По итогам работы было установлено высокое содержание в них железа. В рудах ряда месторождений оно оказалось на уровне 65–68%, что считалось тогда хорошим показателем [13, 14]. К 1949 г. в Ивдельском районе началась разведка бокситов, были обнаружены следы медной руды [15]. Объем залежей железной руды геологи оценивали в 70 млн т [16]. Прямое железнодорожное сообщение между Ивделем и Печорским угольным бассейном по-прежнему отсутствовало [17].

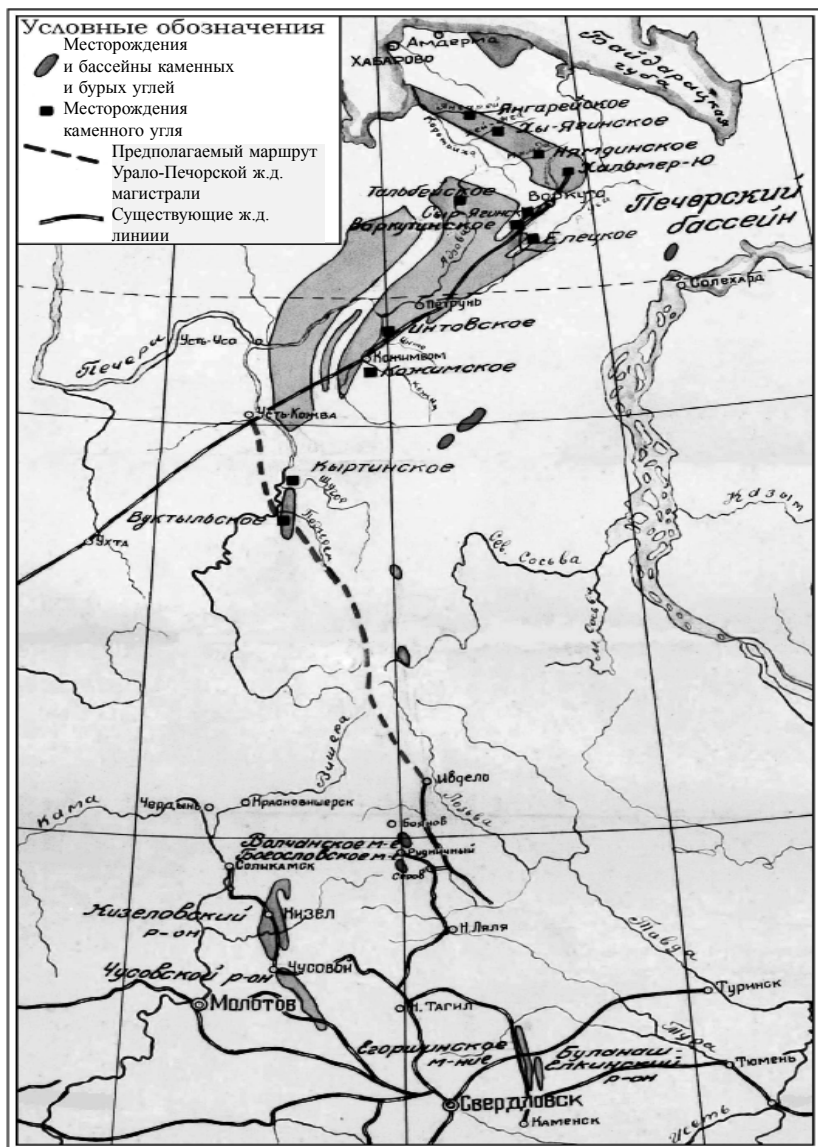
В свете вышеизложенного вопрос о строительстве Урало-Печорской железнодорожной магистрали, которая могла бы соединить Печорский каменноугольный бассейн с промышленными центрами Урала, приобрел особое значение. С ее помощью становилось возможным не только наладить снабжение промышленности Среднего и Южного Урала печорским углем взамен кузнечного, но и обеспечить углем перспективное металлургическое производство в Ивдельском районе, на базе руд которого планировалось строительство нового металлургического завода с законченным металлургическим циклом. Благо, только разведанные запасы печорских углей составляли около 36 млрд т, они отличались малым

содержанием фосфора и серы, давали кокс высокой механической прочности с содержанием фосфора до 0,0034%, серы – 0,5–1,1%, золы – 11–13%. Они имели особое значение для выплавки бессемеровского чугуна на Ново-Тагильском заводе, а также для производства качественного металла на Серовском. Коксохимические заводы Среднего и Северного Урала, работавшие тогда исключительно на кузнечном угле, могли полностью перейти на печорские.

При этом расстояние от станций отправления кузнечного угля до Нижнего Тагила достигало 2088–2150 км, до Челябинска – 1825–1888 км, до Губахи – 2401–2464 км, в то время как месторождения Печоры в среднем были ближе на 700 км. Исходя из этого маршрут будущей магистрали был определен следующим образом: от Свердловска до станции Полуночное (23 км севернее Ивделя), далее по восточному склону Уральского хребта до бассейна реки Северная Сосьва, далее до Усть-Кожвы, с пересечением горного хребта у 65-й параллели и выходом на соединение с Северо-Печорской железной дорогой. При этом железная дорога должна была пройти вблизи контактной полосы Уральского хребта, где располагались залежи железных руд. Поскольку железная дорога от Свердловска до станции Полуночное, в связи с наличием в районе запасов марганцевых руд, необходимых для военной промышленности Урала, была доведена еще во время войны, предстояло построить недостающую часть железнодорожной трассы длиной около 600 км (см. рисунок).

Сооружение Урало-Печорской магистрали, помимо снабжения промышленности Урала коксующимся углем, открывало возможность расширения рудной базы уральской черной металлургии дальше на север, тем более что разведанные запасы железных руд промышленного значения на Урале при существующих масштабах эксплуатации должны были быть исчерпаны в течение 30 лет.

Урало-Печорскую магистраль предполагалось использовать и для развития на Северном Урале лесной и лесохимической промышленности. Нетронутые массивы хвойных лесов покрывали там пространства в миллионы гектаров. Площадь лесов в одном только Ивдельском районе превышала 2 млн га с запасами пригодных к рубке лесов свыше 100 млн м³. Перенесение лесозаготовок на север позволило бы сохранить леса Среднего Урала для питания рек.

Обзорная карта угольных месторождений Урала

Источник: ЦДООСО. – Ф.4. – Оп.43. – Д.234. – Л. 103.

Общий грузооборот проектируемой дороги в первые годы после ее открытия должен был составить 10 млн т в год. Из них 8–9 млн т должны были составить перевозки в южном направлении (уголь, руда, лес и лесопродукты) и 1,5–2 млн т – в северном (металл, металлоизделия, лес, строительный крепеж, продовольственные товары). Около 70% всех перевозок (7 млн т) должны были приходиться на печорский уголь, что позволяло разгрузить на соответствующие объемы Урало-Сибирскую магистраль. Начать строительство магистрали планировалось уже в последние годы четвертой пятилетки [18].

Причины неудачи

Тем не менее этот масштабный проект остался нереализованным. Даже в 1956 г. промышленность Урала не имела доступа к углю Печорского бассейна (табл. 2). Более того, из Кузбасса на Урал завозилось 100% коксующегося угля для обеспечения нужд черной металлургии. Доля использования кузнецкого угля в цветной металлургии Урала составляла 38,8%. В целом сибирский уголь обеспечивал деятельность индустрии Урала на 26,4%.

Таблица 2. Поставки угля для предприятий уральской промышленности в 1956 г., тыс. т

Предприятия по министерствам	Бассейн						Итого
	Кузнецкий	Карагандинский	Челябинский	Богословский и Егоршинский	Экибастузский	Хакасский	
Черная металлургия:							
для коксования	3980,0	–	–	–	–	–	3980,0
для энергетики	1491,8	30,0	607,4	1800,0	–	163,7	4092,9
Мин-во путей сообщения	1247,0	–	126,0	1015,0	–	–	2388,0
Мин-во электростанций	6,8	–	1542,4	9555,0	3600,0	–	14704,2
Мин-во машиностроения	142,0	–	704,1	994,5	–	–	1840,6
Цветная металлургия	532,4	23,3	295,1	475,0	–	45,0	1370,78
Оборонная	23,5	–	92,0	–	–	–	115,5
Прочие предприятия	788,0	9,4	810,6	972,3	–	–	2580,3
Всего	8211,5	62,7	4177,6	14801,8	3600,0	208,7	31062,4
%	26,4	0,2	13,4	47,7	11,5	0,67	100

Источник: Научный архив УрО РАН. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 9.

Несмотря на официальные заверения советского руководства о приоритете «социалистических принципов размещения

промышленности» над «чисто буржуазными» экономическими принципами конкурентоспособности и прибыльности инвестиций, в реальности в послевоенном СССР экономические соображения в такой же степени имели преимущество над политическими установками – хотя пробивали себе дорогу в основном стихийным и часто скрытым образом. Логика здесь состояла в том, что пятилетние планы требовали от советской промышленности роста конкретных показателей по выплавке стали, чугуна, производства проката и т. д. Однако правительство, похоже, уже тогда мало заботило, где и как именно будет произведена эта продукция. Неудивительно, что, выбирая между дешевым кузнецким углем сейчас и дорогим печорским коксом в долгосрочной перспективе, уральские власти делали выбор в пользу Сибири.

Другой слабой стороной Урало-Печорского проекта была проблема согласования деятельности отраслевых министерств и ведомств, которым предстояло заниматься его подготовкой и реализацией. Просьбы поддержать проект поступали как со стороны начальника Главвостокуглеразведки М. Цукурова в адрес замминистра угольной промышленности восточных районов Н.В. Мельникова, так и от В.И. Недосекина на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Кузнецова [19]. Выполнение проекта планировалось возложить сразу на три ведомства – Госплан, МВД и МПС [20]. Это привело к затруднениям. К примеру, строительство автолежневой дороги в районе Второго Северного рудника пришлось взять на себя Уральскому геологическому управлению, не располагавшему для этого ни кадрами, ни оборудованием, ни рабочей силой, в то время как обладавший необходимыми ресурсами Ивдельлаг, также заинтересованный в строительстве дороги, участия в работах избежал. Последнее вынудило региональные власти добиваться от Правительства передачи стройки в ведение МВД [21], и 14 ноября 1950 г. вышло Постановление Совета министров СССР о создании Урало-Печорской металлургической базы. Однако оно оказалось невыполненным по причине того, что постановлением «не были определены сроки строительства железной дороги» [22]. Не случайно в середине 1950-х годов уральские экономисты безуспешно пытались возобновить реализацию проекта на волне совнархозной реформы [23].

Существенной проблемой стало привлечение на Северный Урал рабочей силы. Совещание работников предприятий, строек,

научно-исследовательских институтов черной металлургии, проведенное Свердловским обкомом ВКП (б) 10–11 апреля 1946 г., отмечало, что в силу трудных условий «на Северный Урал работники не едут, а приехавшие находят причины, и всеми правдами и неправдами стремятся выехать в другие районы» [24].

В отказе от Урало-Печорского проекта можно усмотреть и политическую составляющую. Тот факт, что В. И. Недосекин пытался добиться его реализации при помощи А. А. Кузнецова (расстрелян в 1950 г. по так называемому «Ленинградскому делу»), могло косвенно дискредитировать и сам проект [25].

Даже в 1948 г., по оценке многих экспертов, «черная металлургия Кузбасса с самого начала, 20 лет назад, проектировалась как база вырастающего рядом с ней крупного машиностроения, ...этот замысел до сих пор не был реализован так, как он был задуман, и развитие машиностроения в Западной Сибири быстро продвинулось вперед лишь в годы войны в связи с размещением здесь эвакуированных предприятий» [9. С. 321]. То есть рост сибирской промышленности с начала 1940-х годов был следствием исключительных условий военного времени; в послевоенных же условиях острой необходимости наращивать промышленный потенциал Сибири до такой степени, чтобы она смогла потреблять весь объем кузнецкого угля, уже не существовало. Вновь вступала в действие инерция сложившегося разделения труда между западной и восточной зонами экономики СССР.

В заключение отметим, что рассмотренные проблемы во многом унаследованы и проектом «Урал промышленный – Урал Полярный». В условиях рыночной экономики они вышли на новый уровень и изменили свою форму. Это – проблемы координации действий федеральных и региональных властей, трудности взаимодействия отечественных и зарубежных компаний, различные аспекты сотрудничества частных и государственных корпораций. Сейчас гораздо острее, чем в советские времена, стоит проблема обоснования экономической эффективности и целесообразности проекта, проектирования нового формата геоэкономических и межрегиональных связей, которые могли бы усилить его актуальность. С этой точки зрения изучение советского опыта

создания Урало-Печорской угольно-металлургической базы представляется весьма поучительным.

Литература

1. *Левитин И. Е.* Перспективы развития транспортной системы Уральского федерального округа. – 2005. – 16–17 мая. URL: http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=14700 (дата обращения: 21.05.2015).
2. *Зубков К. И.* Урал в евразийском геополитическом пространстве / Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. – Екатеринбург, 2014. – С. 41.
3. Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. статей и документов / Под ред. Е. Т. Артемова, Г. Е. Корнилова, В. А. Ламина. – Екатеринбург, 2010.
4. *Кржижановский Г. М.* Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР / Избранное. – М., 1957. – С. 171–172.
5. Научный архив УрО РАН. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 25.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). – Ф. 4. – Оп. 40. – Д. 189. – Л. 2.
7. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 134. – Л. 242.
8. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 218. – Л. 50.
9. *Бардин И. П., Рикман В. В.* Черная металлургия в перспективном плане развития Кузбасса / Труды конференции по изучению производительных сил Кузбасса 17–23 ноября 1948 г. в 3 т. Т. 1. Народнохозяйственные проблемы Кузбасса. – М., 1959. – С. 317–318.
10. *Аристов А. Б.* Незабываемое // Урал. – 1981. – № 5. – С. 4, 23.
11. Перспективы эксплуатации железных руд Северного Урала // Уральский рабочий. – 1945. – 26 янв.
12. Архив Института геологии и геохимии УрО РАН (АИГГ УрО РАН). – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 29. – Л. 1–82.
13. АИГГ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 4.
14. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 134. – Л. 59.
15. АИГГ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 41. – Л. 4, 17.
16. АИГГ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 90.
17. АИГГ УрО РАН. – Ф. 7. – Оп. 5. – Д. 29. – Л. 1.
18. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 218. – Л. 50–55.
19. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 43. – Д. 160. – Л. 3–8, 54.
20. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 43. – Д. 160. – Л. 54.
21. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 134. – Л. 118, 119.
22. Научный архив УрО РАН. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 10.
23. Научный архив УрО РАН. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 9. – Л. 7–16.; Оп. 1. – Д. 28. – Л. 25–37.; Д. 23. – Л. 4–12.
24. ЦДООСО. – Ф. 4. – Оп. 41. – Д. 134. – Л. 121.
25. О последствиях «Ленинградского дела» для экономики см.: «Ленинградское дело» и налоговая реформа в СССР / Платоновские чтения: материалы и доклады XIX Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 6–7 декабря 2013 г.). – Самара, 2013. – С. 88–91.

Крым: притяжение культур

А.А. ШАПОШНИКОВ, доктор экономических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления

*«Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!»*

«Дом поэта». М. Волошин

Как утверждают просвещенные географы, Крым – это осколок античной Ойкумены у самых дверей России. Я бы добавил еще, что Крым – это прародина и перекресток множества народов и культур. Поэтому каждый побывавший в Крыму найдет свое: уставший – покой, ослабевший – силы, больной – исцеление, неутомный – развлечения, мечтательный – впечатления, любознательный – пищу для ума, рискованный – приключения. И все это – не за дальними морями и океанами, а всего в пяти километрах от материковой России, к тому же теперь не отделенной от Крыма таможенными, пограничными и прочими барьерами.

Помню, лет 10 назад я ехал из Саратова в Симферополь на поезде и где-то после Белгорода пересекал границу с Украиной. Пограничная станция красноречиво называлась Красная Могила! Три украинских пограничника в нашем вагоне СВ яростно потрошили вещи благополучных пассажиров, а мой объемистый портфель просто вывернули наизнанку, так что по купе полетели купальные принадлежности, рефераты, диссертации... Ситуация описана в известной песне Тимура Шаова про украинских погранцов, пылающих ненавистью к проклятым москалям: «У них большие автоматы и маленькая зарплата...». Но все обошлось.

Теперь никаких барьеров нет, и Крым по-прежнему притягивает россиян, прежде всего потому, что маленький полуостров обладает могущественным, прямо-таки мистическим влиянием на огромную Россию, ее культуру, государственность. Может быть, поэтому за год с небольшим жизни Крыма в составе России (с 14 марта 2014 г.) большинство памятников русской культуры (и не только русской, но и татарской и др.) восстановлены или отреставрированы (дом Чехова в Ялте и его же дача в Гурзуфе, Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, дача герцога Ришелье в Гурзуфе, где с 1922 г. открыт музей Пушкина).

Наконец, свершилась грандиозная реконструкция Артека... Но меня более всего впечатлили изменения в Коктебеле, тем более что было с чем сравнивать.

В 2010 г. я с друзьями-пушкинистами совершил парусное путешествие на арендованной яхте по маршруту Севастополь – Феодосия и обратно. Феодосия – Гурзуф – это пушкинский маршрут 1820 г., когда Пушкин с семьей генерала Раевского совершил переход на сторожевом бриге «Мингрелия» с рассвета 18 августа из Феодосии до рассвета 19 августа в Гурзуфе, где и прожил затем, как он отмечал, «три счастливейших недели своей жизни». Кстати, ночью, на палубе брига, наблюдая «земли полуденной волшебные края», Пушкин написал свою знаменитую элегию «Погасло дневное светило». Мы останавливались в самых живописных бухтах, которых, прямо скажем, в Крыму немного, иногда швартуя свою яхту у причалов, иногда бросали якорь и отправлялись на берег на яхтенном тузике. Бывало, что нам сильно возражали те самые украинские хлопцы-погранцы.

Крым тогда был гораздо более населен, чем сегодня. Из 6–7 млн отдыхающих только 2 млн приезжали из России, остальные изъяснялись на украинской мове. И более всего населенным тогда показался коктебельский залив. Тысячи отдыхающих лежали на бесконечных коктебельских галечных пляжах (где еще недавно можно было найти даже сердолик), тут же на многочисленных мангалах жарились шашлыки, рекой лились вина и пиво, и все это пляжное безобразие было окутано явным запахом мочи (туалетов практически не было) и жестоко гремющей, самого низкого разбора, попсой. И над этим непотребным галдежом одиноко и печально возвышался Дом-музей Волошина, переживший и революцию, и гражданскую, и Великую Отечественную войны. Но вот вопиющее бескультурье, воинствующее невежество этот дом переживал с трудом.

Конечно, я повел своих товарищей в гости к Максимилиану Александровичу. Следы запустения были налицо, на первом этаже, где была выставка акварелей, осыпался потолок, в мастерской приходили в негодность огромные волошинские окна, и хрустела под ногами лестница в библиотеке. А на знаменитую волошинскую башню вообще подняться было нельзя, потому что ступени сломались, и конструкции развалились. А ведь на этой башне собирался весь цвет русской культуры Серебряного века: Ахматова и Цветаева, Мандельштам и Пастернак, Гумилев и Вересаев, Аделаида

Герцык и Черубина де Габриак... К сожалению, денег на ремонт украинское правительство не выделяло, так мне пояснили две смотрительницы музея, старушки, работающие здесь, похоже, на чистом энтузиазме. «А им, — одна из них горько махнула рукой в сторону галдящего пляжа, окутанного шашлычным дымом, — Волошин просто не нужен, как и вообще, наверное, культура».

Нетронутой осталась только могила Волошина на холме Кучук-Енишар, откуда открывается фантастический вид на Коктебельскую бухту с остроконечными зубцами древнего вулкана Кара-Даг. В 1932 г., когда до Европы дошли известия о смерти Волошина, Марина Цветаева написала: «Ветхозаветная тишина, сизой полыни крестик. Похоронили поэта на самом высоком месте». Дальше она горько заметила: Боже мой! В России мор на поэтов: Блок, Гумилев, Есенин, Маяковский... А позже Леонид Мартынов написал: «Тень Кара-Дага — профиль Волошина, на море вулканом отброшенный». Волошин даже Пушкина связал со своим родным Коктебелем. Как известно, все русские поэты посвящали Пушкину и стихи, и целые поэтические циклы: вспомните Блока, Цветаеву, Ахматову, Пастернака... Но две сохранившиеся строки Волошина «томов премногих тяжелей»: «Эти пределы прекрасны уж тем, что однажды под вечер Пушкин на них посмотрел с корабля по дороге в Гурзуф».

«Я все-таки совершенно серьезно думаю, что коктебельский пейзаж — один из самых красивых земных пейзажей, которые я видел». Так утверждал Волошин в своей книге «Все даты бытия» (М., 2004). Волошину можно верить, ибо всю Европу он обошел пешком, даже сконструировал для этого специальный рюкзак. Почитайте, как он перешел по горным тропам Пиренеев из Франции в Испанию, ночевал в хижинах пастухов, вброд переходил горные реки. В те времена иных дорог через Пиренеи просто не было.

Для многих и многих самое обетованное место Крыма — это, конечно, Коктебель. Может быть, еще и потому, что, по авторитетному мнению Волошина, Коктебель напоминает пейзаж Греции. Он пустынен и в то же время очень разнообразен: соединение морского и горного пейзажа со всем разнообразием широких предгорий и степных далей. Как писал Волошин, «Зубцы и пики Кара-Дага, видимые из глубины керченских степей, являются порталом какой-то неведомой фантастической страны».

А как же Ялта, спросите вы, уважаемый читатель? Ялта была и остается культурной столицей Крыма, центром светского

общения, и по ялтинской набережной, как и сто с лишним лет назад, гуляют неизменные дамы с собачками. А Коктебель был глухой татарской деревней, и некоторые черты этой деревни сохранились до сих пор.

Как Феодосия всегда помнила о своей метрополии – Генуе, так и Коктебель никогда не забывал о своем татарском прошлом. Из разговоров с крымскими татарами, и водителями такси, и яхтсменами, и парапланеристами, и коллегами из Таврического государственного университета, становилось ясно, что именно себя, крымчан, они считают истинными, настоящими татарами. А казанские татары – это историческая условность! Ведь крымское ханство существовало с 1441 г. по 1783 г., а казанское ханство исчезло с карты России в 1552 г., когда Казань была взята войсками Ивана Грозного.

Нельзя не отметить, что верховный татарский муфтий, приехавший в Крым из Казани после референдума, по этой самой причине был принят крымским татарским электоратом весьма прохладно, но все же он успокоил общественное мнение. Надо сказать, что все просвещенные крымчане татарского происхождения (и не только) помнят строки Волошина из его программного стихотворения «Дом поэта»: «За полтора лет – с Екатерины – мы вытоптали мусульманский рай, свели леса, размыкали руины, расхитили и разорили край».

Правда, сегодня в Коктебеле и планерный центр на горе Климентьева активно действует, и парапланеристов в небе над холмом Кучук-Енишар видимо-невидимо, и набережная в Коктебеле построена, а перед Домом Волошина наконец-то поставлен памятник ему. (Поэт стоит в своем любимом хитоне, с посохом в руке и в венке из полевых цветов.) Но в целом народу в Коктебеле сейчас значительно меньше, чем в Ялте, Феодосии или Гурзуфе. Еще и потому, что в этом сезоне основной контингент отдыхающих – россияне, даже с учетом того, что многие из них предпочли Крым Геленджику, Анапе или Сочи.

Статистика бесстрастно свидетельствует об уменьшении числа отдыхающих на Кавказском побережье на 15–20% в пользу Крыма. Тому причиной и цена вопроса – пока еще Крым заметно дешевле, если учесть, что Сочи по ценам отелей вплотную приблизился к Ницце. И все же в Крыму по всем дорогам расклеены объявления о свободных местах в отелях, квартирах, пансионатах и т. д., чего пять лет назад и представить было невозможно. Вот почему в Крыму

с прошлого лета активно развивается конгрессный туризм. Все виды совещаний, конференций, конгрессов проводятся здесь, в том числе и потому, что здесь это значительно дешевле, чем в Москве.

В конце июня сего года в пансионате «Массандра» (Большая Ялта) Минфин и Институт профессиональных бухгалтеров России проводили совещание о перспективах бухгалтерского образования. И присутствовали на нем не только профессора российских вузов, но и крымские специалисты. Ведь с 14 марта 2014 г. Крым перешел в российскую систему бухгалтерских, налоговых, уголовных, гражданских и всех прочих координат. И спрос у крымских бухгалтеров на комментарии и истолкование трудночитаемых российских законов велик. Уместно вспомнить здесь о том, что в 1911 г. в России была издана книга В. Унковского «О неясности законодательства как общественном бедствии», где автор доказывал, что нормы законов непрямого действия и неясно изложенные требуют обязательного толкования. А это дает обильную пищу чистым и нечистым на руку комментаторам. Еще раньше, в 1826 г., Пушкин в своей записке государю «О народном воспитании» прямо написал, что в «настоящее время экзамены сделались отраслью промышленности для наших профессоров!»

В Крыму активно проводит семинары по бухгалтерским и налоговым проблемам только Новосибирский центр технико-экономических знаний, помимо того, что в Крыму началась аттестация профессиональных бухгалтеров, финансовых директоров, аудиторов по действующим российским законам. И спрос имеется, ибо все хотят сохранить свои рабочие места, а их на сегодня в Крыму гораздо меньше, чем трудоспособного населения. О чем говорить, если в конце июня откровенно пустовали знаменитый грязелечебный курорт Саки, многие детские здравницы Евпатории.

Сорокамиллионная Украина Крым откровенно игнорирует, официально считая его «временно оккупированной территорией», хотя некоторое количество жителей Украины все же пересекает Турецкий вал, направляясь либо на отдых, либо к родственникам. Да и жители Крыма – нечастые гости на «ридной Украине», хотя проезд через Перекоп или Ишунь достаточно свободный (правда, только автомобильный, поскольку все другие виды сообщения уже больше года прерваны). К тому же крымские автомобилисты, сменившие номера на российские с января 2015 г., рискуют потерять машину, переехав на украинскую сторону даже на короткий срок. Машины просто конфискуют украинские таможенники, «по

причине незаконной смены номеров», и таких случаев десятки. Не помогают ни обращения пострадавших в Гаагский трибунал, ни в миссию ОБСЕ, ни в Совет Европы. Таких обращений уважаемые европейцы не видят и не слышат. Зато введенные ограничения очень осложняют жизнь и крымчан, и отдыхающих.

В Крыму по сию пору неустойчивая связь всех мобильных операторов, почти не действует Интернет, практически не работают международные платежные системы VIZA и MASTER CARD. Всюду расклеены объявления местных ловкачей с предложениями по обналичиванию банковских карт. По прогнозам местных экономистов, дела наладятся только с приходом российской платежной системы. На Россию надежда почти во всем, начиная с содержания памятников культуры.

Началось все с исторического заповедника «Херсонес Таврический», который получил статус федерального в июле 2015 г. На очереди и заповедник Кара-Даг, и некоторые дворцово-парковые ансамбли, и Караларский ландшафтный парк. Открылся молодежный археологический лагерь в статусе федерального, куда приезжают школьники из разных регионов России, выкапывая те самые римские бляхи, эллинские монеты и прочие раритеты, о которых писал Волошин почти сто лет тому назад. Не могу не отметить, что бюджет Республики Крым на 2015 г. утвержден в размере 66,5 млрд руб., и 47,061 млрд руб. в нем составляет межбюджетный трансферт из федерального бюджета, т. е. более 75%! Собственные налоговые и неналоговые поступления – чуть более 15 млрд руб. Такова реальность.

В свое время на заседании правительства Республики Тыва (где мне пришлось быть) республиканский министр финансов откровенно высказался так: «Если мы нужны России – пусть помогает!» Бюджет Тывы с населением 310 тыс. чел составляет 18 млрд руб., собственные доходы – менее 3,3 млрд руб., а трансферты федерального бюджета – 82,6%. Ситуация в Крыму похожа, хотя и не такая острая. Но ведь за Крым мы воевали более 250 лет, поливая его долины и горы реками русской крови. А Тыва к нам попросилась сама в далеком 1943 г. и стала самостоятельным субъектом Российской Федерации. Поэтому, как поет сейчас крымская молодежь (в основном русскоязычная), вспоминая фильм «Трактористы»: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и клочка в Крыму не отдадим!».

Kuleshov V. V., Kryukov V.A., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Reindustrialization in Novosibirsk Oblast: to Consider the General and Develop the Special

The article analyzes the reasons of the deindustrialization process currently taken place in Russia and Siberia; experiences obtained by the countries of transition economy in overcoming their lag; traditional features of the Novosibirsk Oblast economy; and potentialities to restore the economy on a new basis.

Deindustrialization, economy of Siberia, defense industry, reindustrialization, structure of GRP, growth points, driver of the economic growth projects

Nikonov V.A., *Investment-Driven Development Agency for Novosibirsk Oblast, Novosibirsk*

Targeted Approach and Readiness for Specialization

The CEO for the Investment-Driven Development Agency for Novosibirsk Oblast in his interview to EKO Journal told about his vision of investment prospects in the region and the new approaches to implementation of the investment policy and cooperation with investors and owners of industrial platforms.

Investment-Driven Development Agency for Novosibirsk Oblast, Industrial and Logistic Park, investment climate

Veselova E.Sh., *Correspondent, EKO Journal, Novosibirsk*

Bottom-up Initiatives: the Experience of Creation of Private Industrial Park in Novosibirsk Oblast

The paper describes the experience of how the industrial park was created in Novosibirsk Oblast on a platform of JSC Novosibirsk Leasing Company.

Industrial park, industrial policy, investments, infrastructure

Lugacheva L.I., Soboleva T.S., *Novosibirsk National Research State University, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Innovative Development of Machinery Building Enterprises as a Factor in the Growth of Economic Security in the Region

The article analyzes the innovation activities of the regional machinery building of the Novosibirsk province and the established characteristics of innovation processes flow in it, under the sanctions. We discuss the direction of expansion of cooperation between business and government in the framework of import substitution, the possibility of adjusting measures aimed at strengthening innovation amongst machine-building enterprises in the conditions of the economic blockade.

Economic security, sanctions, import substitution, innovation, regional machinery building

Simonova L.M., Pogodaeva T.V., *Financial-Economic Institute, Tyumen State University, Tyumen*

To Improve Ratings or Institutions?

International investment ratings are an important tool for benchmarking and assessing the risks of doing business. However, in recent years, the extent of correspondence of the rating and expertise's to the reality is increasingly getting questioned, and the rating's politicization is noted by the majority of international experts. The aim of the article is to assess the impact of changes in the country's position according to components that are rated for Doing Business on the indicators that characterize the level of investment activity in both developed

and developing countries, as well as to identify the characteristics of the Tyumen region's innovation climate and to develop the practical recommendations for stimulating the innovation climate at the present stage. The article substantiates the need for institutional changes to increase the attractiveness of the investment climate and to create a favorable business environment in the region.

International investment ratings, investment climate, econometric analysis, regional investment ratings

Balabin A.A., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Rosneftegaz – it is not about Oil, and it is not about Gaz

Basing on example of the leading Russian corporation, the creation and forming of holdings in Russian Oil industry is analyzed in conjunction with the estimation of the role of the state in this process. It is shown that often the appearance of holdings was situational and random by nature and did not pursue far-reaching goals. Up to the present time the holdings close to state use the administrative and non-economic measures to raise their consequence. However, the economic feasibility of such an expansion usually doesn't count and the questions of strategy in holding's development are ignored.

Rosneftegaz, Rosneft, forming of holdings in Russia, managing shareholder capital

Mayburd E.M., *Milwaukee, USA*

The Economic Problems of Collective Actions

Economics of Collective Actions Problems. Alternative Systems for Providing of Public Goods.

Public goods, mono-centrism, poly-centrism

Klistorin V.I., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

Secret of the Public Goods: Once Again Economic Functions of the State

Production and distribution of the public goods is one of the most important functions of any state. The paper considers the basic signs, properties and criteria of allocation of public goods. It is shown that they are a sub case of collective goods and become public only after the larger segment of society recognizes them as such. The numerous criteria of allocation of the public goods and those examples which entered textbooks are far from convincing. The basic difference between public and private goods is that the public ones assume the state as an agent between producers and consumers. As the state is a set of hierarchical organizations, which produces services but pursues its own aims, the public discussion of expediency and validity of their functions are desirable.

State, market fiasco, public goods, fare jumper problem, distributive coalitions, anti-goods

Kibalov Ye.B., *Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk*

About Railway Tariffs

Validity of domestic railway tariffs, cross subsidizing of passenger transportations from cargo ones is considered, variants of a tariff policy correction taking account of the railway transportation development strategy in the east of the country are offered.

Tariffs, Railway Congresses, Large-scale railway projects

Bykadorov S.A., *Siberian State Transport University (STU), Novosibirsk*

The differentiated approach to the tariff policy is necessary

The history of development of transport tariffs, cost-based and the market approach, state regulation of tariffs is considered. Variants of perfection of tariff designing on the domestic railways are offered

Tariffs, Marginal fares, Divisional cost price

Maslennikov V.V., *Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute for Financial and Economic Research, Moscow*

The Impact of the Ongoing Russia's Monetary Policy on its Economic Growth

The article analyzes the impact of the Russia's monetary policy on its economic growth. The current policy does not match the objectives of the priority and fast development of lines aimed at domestic consumption and non-raw materials export. The article also contains certain recommendations aimed to align the policy to the economic growth conditions, as well as innovation-investment development of Russia, and elimination of the economic deformation.

Monetary policy, economic growth, inflation targeting, floating exchange rate, foreign exchange controls, current economic situation in Russia

Popova O.N., *Technological Institute – branch of National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Lesnoy*

On the way to new standards of higher education

The analysis of FSES 3+ educational standards (Federal State Educational Standards for higher education) is performed in this paper in four directions. Some changes are considered and added in the Standard. Particular attention is paid to indecision of general cultural requirements introduction and their indexation, lack of unified block boundaries of the programs structure (boundaries are not established), preconditions for reduction of the list and the amount of humanitarian disciplines and so on. What is more, the assumption about new possible correction of higher education standards is suggested in this paper.

FSES3 +, FSTS HE, cultural competence, higher education, accreditation, humanities discipline

Mikheev M.V., *Institute for History & Archaeology, the Urals branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg*

The Urals – Pechora: Failed Project of Territorial Reorganization of the Soviet Economy

The article deals with the post-war attempt to divide the Ural-Kuznetsk Combine through the creation of self-sustained Ural–Pechora coal and metallurgical base. Based on examples of problems encountered during the construction of the Ural – Pechora railway line and development of the resources of the Ural North, attention is focused upon the dependence of the Soviet command economy on the various considerations of economic efficiency and competitiveness, difficulties in attracting sufficient labor, the complexities of reconciling the activities of distinctive ministries and agencies. The author notes that most of these problems remain relevant in relation to the project of the “Industrial Urals – Polar Urals”.

Urals, Kuzbass, Siberia, Pechora basin, metallurgy, railway, command economy, late Stalinism

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Оборонно-промышленный комплекс России и Сибири: состояние, сценарии развития, проблемы предприятий

- Макроэкономическая политика государства и перспективы развития оборонных производств
- Прогнозные сценарии развития ОПК Алтайского края
- БЭМЗ. Школа выживания в экстремальных условиях

А также:

- Прагматизм прогнозов экономического развития страны
- Модернизация сельской экономики и проблемы продовольственной безопасности
- Перспективы «зеленой экономики» в Республике Бурятия
- Являются ли технопарки технопарками?
- Проблемы экономики коллективных действий. Ч.2.
- Время в координатах труда и социальной защиты населения
- Пенсионная система современной России: перманентное реформирование и неопределенность
- «Трудовая революция» в уголовно-исполнительной системе: очередной миф или насущная необходимость?
- Структурные и качественные трансформации на рынке хлеба
- Экологический фактор развития Российской Арктики
- Вернуть оценке воздействия на окружающую среду ее прежнюю роль
- Оценка закупочной деятельности региональных заказчиков
- Экономический потенциал эмоциональных ресурсов современного рынка
- Оценка эффективности компаний с ПИИ: региональный аспект
- Наука и интеллектуальная собственность (на примере СО РАН)
- Управление мобильностью как фактор мобилизации рабочей силы в годы Великой Отечественной войны

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2015. №10. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор О.Ю. Лисачёва

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;
E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала ЭКО, 2015. Подписано к печати 23.09.15
Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08
Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 1300. Заказ 964

Сибирское предприятие «Наука» АИЦ РАН
630077, г. Новосибирск, ул. Станиславского, 25